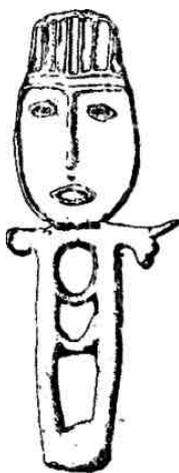

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

№ 2 (28) 2014

**Журнал «Вестник Антропологии» учрежден решением Ученого совета
Института этнологии и антропологии РАН 20 марта 2014 г.**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Анчабадзе Ю.Д., Белова Н.А. (отв. секретарь), Буганов А.В., Боруцкая С.Б., Васильев С.В. (гл. редактор), Герасимова М.М., Губогло М.Н., Казьмина О.Е., Каландаров Т.С., Лейбова Н.А. (отв. секретарь), Маргынова М.Ю., Халдеева Н.И., Харламова Н.В., Чешко С.В. (гл. редактор).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Тишков В.А. (председатель, РФ), Блюм А. (Французская Республика), Блэйзер М. (США), Васильев С.В. (РФ), Головнев А.В. (РФ), Дроздова Е. (Чешская Республика), Кобылянский Е. (Израиль), П.М. Пашалы (Республика Молдова), Печенкина К. (США), Радойичич Д. (Республика Сербия), Слезкин Ю. (США), Тумаркин Д.Д. (РФ), Функ Д.А. (РФ), Хан В.С. (Республика Узбекистан), Чае-ван Лим (Республика Корея), Чешко С.В. (РФ), Чистов Ю.К. (РФ), Юхас К. (Венгрия).

Адрес редакции:

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А
Институт этнологии и антропологии РАН

Контакты:

По вопросам физической антропологии

Васильев Сергей Владимирович

8 (495) 954 93 63

8 (495) 125 62 52

odtantrop@yandex.ru

По вопросам этнологии, социальной / культурной антропологии

Чешко Сергей Викторович

8 (495) 954-83-29

8 (916) 288-63-04

ieamoscow@mail.ru

Интернет-сайт: www.antromercury.ru

ISSN 2311-0546

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2014

© Журнал «Вестник антропологии», 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка главных редакторов	4
Дискуссии: теоретические проблемы этнологии	
<i>Заседателева Л.Б.</i> Вновь об «этнотесе»	5
<i>Карлов В.В.</i> Этнотесы и этнокультурные процессы в эпоху глобализации	6
<i>Бондаренко Д.М.</i> Этнические культуры, национальные культуры и транснациональная культура в эпоху интенсивной глобализации	15
<i>Чешко С.В.</i> Вспомнить об «этнотесе»?	20
<i>Гузенкова Т.С.</i> Глобализация как фактор деструкции этноса	26
<i>Карлов В.В.</i> Несколько замечаний о положении этносов и этнического и их исследовании в условиях глобализации	29
Кавказские исследования	
<i>Брусина О.И.</i> Судьба «туркменского князя» как отражение характера модернизации у ставропольских туркмен в начале XX века	34
<i>Соловьева Л.Т.</i> Традиции имянаречения у туркмен Ставропольского края	49
Американские исследования	
<i>Васильев С.В., Веселовская Е.В., Пестряков А.П.</i> Последний инка (историко-антропологический очерк)	58
<i>Матусовский А.А.</i> Жилище индейцев хоти	75
Антропологическая мозаика	
<i>Ямпольская Ю.А., Зубарева В.В., Хомякова И.А., Пермякова Е.Ю.</i> Особенности физического развития школьников в контексте демографической ситуации в России на рубеже XX–XXI веков	93
<i>Боруцкая С.Б., Васильев С.В.</i> Остеометрическая характеристика сельского населения Полоцкой земли	103
Полевые материалы	
<i>Герасимова М.М., Пежемский Д.В.</i> Краниологические материалы из погребений северокавказской культуры (раскопки ГУП «Наследие», Ставрополь, 1998 г.)	112
<i>Листова Т.А.</i> Воронежские украинцы – русские хохлы	116
<i>Ситнянский Г.Ю.</i> Среднеазиатские мигранты в Сибири: новая волна	140
Для студентов и аспирантов	
<i>Герасимова М.М.</i> Молодым коллегам о современном состоянии палеоантропологии	149
Рецензии	
<i>Чешко С.В.</i> Рецензия на: <i>В.С. Хан.</i> Диаспорные среды (по материалам г. Ташкента. Этносоциологические исследования 2000–2012 гг.) / отв. ред. Р.М. Абдуллаев. Ташкент: Из-во «Tafakkur», 2013. – 88 с	158
Contents	163

КОЛОНКА ГЛАВНЫХ РЕДАКТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в обсуждении проблемы самоопределения. Известно, что эта проблема неоднозначно толкуется в международных правовых актах и публикациях экспертов, тесно связана с конкретным политическим контекстом.

Хотелось бы узнать Ваше мнение по следующим вопросам.

1. Как выглядит норма самоопределения и связанные с ней процедурные проблемы в свете событий последних месяцев на Украине, в Гагаузии, Приднестровье, Испании, Бельгии, Шотландии, в других странах?

2. Ожидаете ли Вы «цепную реакцию» самоопределений по крымскому или какому-то иному сценарию на постсоветском пространстве?

3. Можно ли усматривать в крымском варианте потенциальную угрозу всему послевоенному миропорядку?

4. Есть ли угроза политической стабильности и целостности Российской Федерации в результате возможного использования крымского прецедента заинтересованными в том силами?

5. Реально ли сегодня говорить о возможности международного консенсуса относительно нормы самоопределения?

Ваше мнение относительно иных аспектов проблемы самоопределения будет только приветствоваться.

Надемся, что наше предложение Вас заинтересует.

С.В. Васильев, С.В. Чешко

ТЕОРИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОЛОГИИ

ВНОВЬ ОБ «ЭТНОСЕ»

16 июня 2014 г. на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова кафедрой этнологии и Центром прикладной этнологии был организован «круглый стол» – «Этносы и этнокультурные процессы в эпоху глобализации». Инициатором дискуссии выступил профессор В.В. Карлов, задавший ей тон заранее разосланным текстом своего выступления. В обсуждении приняли участие сотрудники кафедры и Центра, ведущие специалисты Института этнологии и антропологии РАН, Учебно-научного центра социальной антропологии РГГУ, Высшей школы современных социальных наук МГУ, Института Африки РАН, Российского Института стратегических исследований.

Выбор темы «круглого стола», по замыслу его организаторов, связан с тем, что на новом этапе развития человеческой цивилизации, получившей название глобализации, в мире происходят масштабные изменения. Они уже затронули разные сферы жизни стран и народов: политику, экономику, культуру, расселение, демографию. Не в меньшей степени они влияют на этнокультурные изменения, на их характер и направленность.

Нельзя не отметить противоречивость последствий глобализации. С одной стороны, существенно усилились подвижность населения, межкультурные взаимодействия, взаимозависимость различных групп человечества. С другой стороны, во многих регионах мира наблюдается рост межгрупповой напряженности, ожесточение конфликтов на этнической почве или с использованием этнического фактора. В этнокультурной же сфере сложно переплетаются унификация и интернационализация со спецификой локальной и этнической. Все это вызывает потребность оценить новые явления в жизни народов со стороны профессионального сообщества этнологов и антропологов, понять, с какими процессами мы имеем дело. Не менее важно также обсуждение адекватных подходов к изучению этнокультурной действительности эпохи глобализации.

Ниже публикуются статьи, подготовленные на основе некоторых выступлений участников дискуссии.

Л.Б. Заседателева

УДК 39

© В.В. Карлов

ЭТНОСЫ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Возникновение этносов как феномена, по мнению автора, было связано со специализацией адаптации человека в среде обитания. Исторические изменения самих способов адаптации человека в среде непосредственно влияли на функции и положение этносов в локальных системах адаптации. Особенно существенными были изменения функций этносов при переходе от натурального жизнеобеспечения к обществу, где способом адаптации стал обмен результатами профессионально специализированной деятельности (эпоха модерна). Сейчас человечество стоит перед новым фундаментальным изменением способа адаптации в среде, выражением чего стало постиндустриальное общество, где развились тенденции глобализации разных сфер жизни человека. Этносы оказались под воздействием, с одной стороны, макросвязей глобального характера, с другой, микротенденций, выражаемых атомизацией общества и возникновением множества субкультур. Науке, изучающей феномен этноса и этнического, предстоит фокусировка исследовательских усилий в изучении данных изменений.

Ключевые слова: этносы, глобализация, этнокультурное воспроизводство, адаптация в среде обитания, макрообщности и микрообщности.

Проблема, которая вынесена для обсуждения на «круглом столе» – это судьба этносов и этнического, перспективы воспроизводства такой общности как этнос, в условиях современного развития мировых связей, уже достаточно явственно потеснивших те воспроизводственные структуры человеческого общества, которые ранее были столь же очевидно «завязаны» на этнос и этническое. В самом деле, для способа существования и для воспроизводства потребностей человека конца XX – начала XXI века стало не столь важно и необходимо, чем прежде, опираться на этнокультурную специфику, на этнический опыт народа, к которому мы принадлежим. При определенных условиях можно и вовсе обходиться без этнических связей, если опираться на многочисленные и не имеющие, как правило, выраженной этнической специфики, сетевые структуры.

Но столь же очевидно, что если мы не попытаемся хотя бы понять и осмыслить, почему это стало возможным, этнологию могут ожидать весьма печальные перспективы: наука, лишенная своего главного объекта изучения, перестает быть наукой и превращается в лучшем случае в экзотическую интеллектуальную забаву. А такой судьбы науке со столь мощными корнями, лежащими в глубинных пластах человеческой истории, желать бы не хотелось. Тем более что мы уже имеем перед собой вариант решения вопроса об этносе в виде конструктивистской парадигмы, которая воспринимает этнос как иллюзорную квази-общность. Но представляется, что такая трактовка слишком сильно отдает обыкновенным упрощенчеством, вытекающим как раз из недостаточно развитых подходов к этносу и этническому в современном мире, из неудовлетворительной проработки теории и методологии изучения этниче-

ских явлений в исторической динамике. По этой причине, вероятно, целесообразно для начала обсуждения коротко обозначить понятие об этносе, его природе и функциях в разные периоды истории человечества.

Хорошо известно, что этнос как понятие и как феномен не имеет общепринятого определения. Причина коренится как в сложности самого феномена, так и в непрекращающихся попытках определить явление через перечень его признаков. Это путь довольно бесперспективный хотя бы потому, что общие и универсальные признаки столь многогранного и разнообразного, подвижного в историческом пространстве и времени социально-исторического организма начинают казаться неуловимыми, расплывчатыми и эфемерными уже по той причине, что должны как бы «по умолчанию» соединять трудно сопоставимые друг с другом народы мира. Поэтому выход из логического и терминологического тупика может быть двояким. Первый – раз явление не определяется, то оно как бы и не существует или существует лишь как искусственный конструкт определенным образом сфокусированного сознания (конструктивизм). Второй путь – если никак не удастся вычленить феномен этноса через перечень признаков, не попытаться ли хотя бы понять его сущностное отличие от иных видов и форм социально-исторических общностей? А в том, что этнос есть исторически сложившаяся общность людей, не сомневались и все авторы определений этноса. Беда только в том, что исторически сложившихся типов общности людей существует много, а чем же от прочих отличается именно этнос, из приводимых определений с ясностью не вытекает.

На мой взгляд, специфичность функциональной природы этноса определить не только можно, но и не требуется для этого каких-либо сверхсложных интеллектуальных усилий. Природа этноса лежит как бы на поверхности, она рождена развитием специфически человеческого, отличного от всех остальных биологических организмов, способа адаптации в среде обитания. Это не передача способа адаптации через гены, как у животных, а опосредованная социальной средой передача способа адаптации через культуру, через культурный код. Это выработанный многими поколениями предков каждого человека способ бытия, передаваемый новым поколениям и усваиваемый этими новыми поколениями в процессе социализации. Именно этим определяется этническая специфика и ее относительно устойчивое воспроизводство во времени и пространстве бытия этнического сообщества. Это «закодированное» в языке и нормативно-ценностной системе этноса отношение ко всему окружающему миру, как природному, так и социальному, которое воспринимается только в социальном окружении и им же коллективно поддерживается.

Разумеется, выработка этого специфически человеческого способа адаптации в среде обитания происходила долго и постепенно по мере становления самого человека как вида, то есть инструментом передачи опыта адаптации были и человеческое стадо первобытности, и локальная группа. Но концентрация специфичности этих способов адаптации на уровне этносов могла произойти не ранее той эпохи, когда проявилась выраженная специализация способов хозяйствования и жизнеобеспечения. Временем, когда сдвиг в развитии орудий труда позволил это сделать, был неолит. С эпохой «неолитической революции», в сущности, и связано рождение этноса как явления, функциональное предназначение которого сводится к передаче специализированного способа адаптации в среде, распространявшегося на всю совокупность людей, жизнеобеспечение которых связано с этими способами. С этого времени и ведет свой отсчет этнокультурный процесс, движение и изменение кото-

рого становится тесно зависимо от изменений среды, природной и социальной, и от совершенствования возможностей жизнедеятельности в этих меняющихся обстоятельствах. Историческое время развертывания этнокультурного процесса, включая все его характеристики и параметры, т.е. дробление, объединение, смешение, ассимиляция этнических сообществ и пр., заняло относительно длительный период бытия человечества от неолита до позднего средневековья, до начала нового времени.

При этом одной из характерных специфических черт такого «этнического человека» можно считать то, что человек этот был в максимальной степени самодостаточен, в том смысле, что он обладал полным набором умений и навыков жизнеобеспечения, постольку поскольку все этнические культуры доиндустриальной эпохи были функционально ориентированы на натуральное самообеспечение. Это обстоятельство очень важно для понимания различий этноса и этнического в доиндустриальных и индустриальных обществах.

Принципиально иная ситуация со способом адаптации в среде и жизнеобеспечением общества возникает с переходом к индустриальной эпохе. По мере становления индустриализма способ адаптации в среде сводится к системе дробно дифференцированной деятельности и обмену ее результатами. С момента появления такого способа адаптации человек перестает быть зависим в своем жизнеобеспечении от этнически «маркированного» и относительно полноценного набора функционально необходимых для жизнедеятельности навыков. Он превращается в производителя в одной из сфер деятельности, необходимых для объединяющего все жизненно важные всему обществу как воспроизводственной целостности виды деятельности, становясь при этом потребителем продукта деятельности других сфер. В такой метаморфозе системы жизнеобеспечения заключено принципиальное изменение прежнего функционального значения этноса и этнической специфики. По крайней мере в области материального производства – основы жизни – этническая специфика самих способов деятельности начинает уступать место универсальным специальным, профессиональным навыкам.

Становление индустриализма на начальных его этапах обычно происходило на базе этнически однородного сообщества индивидов, в среде которого осуществлялось разделение деятельности и обмен ее результатами, так как для развития такой системы воспроизводства социума необходимы общепонятные язык и культура. Поэтому ранний этап модернизации, как правило, охватывал относительно крупные и относительно моноэтничные государства. В этом отношении этнический язык всегда служил одним из мощных факторов развития индустриальной цивилизации. Необходимо индустриальному обществу было и становление системы профессиональной подготовки к специализированной деятельности. Поэтому функциональное предназначение этноса и его роль в адаптации в среде обитания, хотя и изменились с переходом к новой системе адаптации, но не исчезли совсем, они лишь «сместились» в область профессионально специализированных институционально важных для всего социума воспроизводственных структур.

Однако сам новый способ адаптации в среде содержал в себе и определенные предпосылки для более легкого включения в эту систему также иноэтнических компонентов. Или можно сказать иначе: новый способ адаптации в среде в потенциале располагал довольно широкими возможностями включения в него иноэтнических (и разноэтнических) компонентов. Это происходило относительно легко, если индивид

иной этнической принадлежности, будучи профессионалом в какой-либо области, владел языком большинства. Или же если какое-либо этническое меньшинство государства могло находить в структуре разделения деятельности определенную собственную сферу деятельности, специально-профессиональную «нишу». Например, используя природно-экологические факторы, создающие возможность «встраивания» в структуру разделения деятельности как производитель какого-либо вида продукции, но уже не для натурального самообеспечения, а для рынка и обмена. История модернизации в России изобилует подобными примерами. При этом у этнических меньшинств в составе национального сообщества возникает нередко такое явление как билингвизм в сфере общения в пределах нации и бикультурализм.

В целом же процессу модернизации соответствует такая важнейшая структура воспроизводственных связей как нация. Ее отличие от этноса заключается как раз в том, что именно национальное сообщество концентрирует в себе весь необходимый набор воспроизводственных структур (то есть все специализированные и индустриализированные виды деятельности и механизмы обмена ее результатами). Отчасти поэтому любое развитое национально-государственное сообщество часто бывает полиэтничным. В эпоху модерна нормальное полноценное коллективное воспроизводство социума осуществляется обычно в границах государства, в воспроизводственных механизмах которого каждый индивид должен занять свое профессиональное место. Национальное государство как явление отнюдь не обязательно должно быть моноэтническим сообществом, скорее такое может быть исключением, чем правилом. Этносы же, сосуществующие в такой государственной системе, как бы коллективно встроены в той или иной степени в общенациональные воспроизводственные связи.

С этих позиций давно нуждается в пересмотре до сих пор еще тиражируемый тезис отечественной этнологии о нации как высшем типе этнической общности. Нация – вообще не тип этнической общности: она есть коллективный воспроизводственный конструкт обществ эпохи модерна, в структуре воспроизводственных связей которого каждый в нее входящий этнос (или его часть) занимает свое определенное место. Нация – это лишь особый, новый тип связи, действующий на этнос и его положение в воспроизводственных механизмах.

Если же подвести «промежуточный» итог рассуждениям о природе этноса и этнического в истории, то можно так акцентировать суть сказанного. Феномен этноса сформировался в эпоху выработки человечеством специализированных в разной природно-экологической среде способов адаптации к этой среде – по-видимому, в эпоху неолита. Этнос продолжал выполнять свою коллективно-воспроизводственную функцию передачи опыта адаптации до тех пор, пока хозяйство перестало быть ориентировано на натуральное самообеспечение человека, то есть до начала эпохи модернизации. В эпоху же модернизации функциональное предназначение этноса коренным образом меняется, «подстраиваясь» под новую систему адаптации в среде обитания (дробно дифференцированная деятельность и обмен ее результатами). Назначение этноса начинает сводиться к обеспечению составляющих его индивидов возможностями более или менее благоприятного встраивания в эти системы дифференцированной деятельности. Разные этносы, в зависимости от многих факторов (численность, размер территории, политическое положение в национальном государстве, развитость системы образования, интегрированность воспроизводственных связей с другими народами и пр.), по-разному, но, в целом, так или иначе выполняют

социально-культурно-воспроизводственные функции для принадлежащих к ним индивидов. Если же в силу тех или иных обстоятельств не выполняют, то и происходят обычно процессы ассимиляции и смены этнической принадлежности человека.

Таким образом, этнос как явление, возникнув в качестве коллективного механизма передачи опыта адаптации в среде в недрах обществ, ориентированных на натуральное самообеспечение, в новое время довольно кардинально изменил свое функциональное предназначение. Иначе не могло быть, ибо кардинально изменилась сама функция, с которой было связано появление этноса и формирование этнически специфичной культуры. В новой культуре индустриального периода на первый план выходит уже специфика не столько этническая, сколько профессиональная, подверженная процессу универсализации и, соответственно, интернационализации. Место этническому остается в подготовке индивида к профессионализированной деятельности и в соционормативной сфере жизни человека.

После этого короткого экскурса в предысторию современных народов, можно констатировать, что предназначение этноса как феномена сильно зависит, прежде всего, от способа адаптации человечества в среде обитания. Но современная эпоха, обозначаемая с конца XX века как постиндустриальное общество, или как эпоха глобализации, поставила человечество в условия становления и развития очередного, нового, постиндустриального способа адаптации в среде. А так как изменение способа адаптации самым непосредственным образом затрагивает этнос и его функции, то для науки, изучающей народы и их специфику на современном этапе, необходима разработка соответствующего ракурса проблемы. Требуется оценка того, как изменение способа адаптации в эпоху глобализации может повлиять на современное этническое состояние человечества и на перспективы этнического воспроизводства.

Эта потребность в развитии современного этнологического знания (и определенной фокусировки методов исследования) и избрана для обсуждения на круглом столе. Представляется, что преобладание постмодернистских подходов к профессиональному предмету этнологии не создает необходимых и достаточных условий для постулирования принципов подхода к объекту – этносу, потому что постмодерн в науке по преимуществу сосредоточен на «точечных» измерениях этнокультурного многообразия (в чем он немало преуспел), принципиально уходя от каких-либо обобщений. Но наука без обобщений перестает быть наукой: известно, что обобщение, классификация, таксономия есть необходимые средства познания. Нельзя лишь возводить их в абсолют, нельзя забывать, что они именно средства, а не цель и не конечный результат исследования.

Этносы в эпоху глобализации – это чрезвычайно сложная и пока плохо поддающаяся обобщениям тема. Обобщать что-либо тогда, когда процесс только набирает ход и еще плохо просматриваются не только его возможные результаты, но даже магистральные тенденции, – такая задача не из легких и довольно неблагодарная. О глобализации же как явления в жизни человечества, напротив, написано уже много серьезных и не очень серьезных работ, принадлежащих перу экономистов, политологов, социологов, культурологов, историков техники и коммуникаций, и т.д. Среди этого множества авторов мы почти не встретим этнологов, есть лишь исследования, выполненные в жанре этнополитологии и посвященные конкретным, главным образом конфликтным, ситуациям. Это закономерно: мы постоянно наблюдаем, что этнический фактор сплошь да рядом разыгрывается в разных частях света и в раз-

ных политических конфигурациях и раскладах. Но является ли именно этнический фактор причиной конфликтных ситуаций? Едва ли – в каждом конкретном случае он только средство для реализации чьих-то сиюминутных политических интересов, и, чаще всего, не только или даже не столько народов, в такой конфликт втянутых.

В свете заявленной темы «круглого стола» в центр внимания при выработке подходов к проблеме перспектив этносов в условиях глобализации следовало бы поставить на первое место сюжеты, связанные со становлением новой системы адаптации человечества в среде обитания и влиянии этой среды на воспроизводство этносов, так же как на возможности поиска этносами новой функционально значимой «ниши» в формирующейся системе воспроизводственных связей и механизмов. Если, как было отмечено выше, в индустриальной цивилизации такая «ниша» этнического заключалась в том или ином варианте «вписывания» этносов и их частей в национально-государственные структуры разделения деятельности и обмена ее результатами, то что меняется в постиндустриальном обществе?

Экономисты и политологи уже достаточно много написали на эту тему и убедили общество в том, что национальные суверенитеты в эпоху постмодерна зашатались и стали утрачивать свое прежде относительно константное положение. Это уже очевидность, которая, соответственно, не может не менять и положение, прежние функции зависевших от национально-государственного фактора этнических сообществ. Функциональное значение в управлении воспроизводственными связями человечества все более переходит ныне к транснациональным, глобальным структурам в финансовой и производственной сферах. Если же взять «низовую» уровень становления новой системы адаптации, то он выражен возникновением отмеченного еще пару десятилетий назад рядом экономистов принципа удовлетворения жизненных потребностей человека через механизм, названный «эргатической системой» (от латинского *ergatus* – работающий): некое триединство «индивид – социум – техника». При этом социум, центральный компонент функциональной системы, представлен в основном институциями узко целевого предназначения, встроенными в глобальные или локальные, но, чаще, зависимые от глобальных, сетевые структуры. Если задуматься над положением индивида, действующего для удовлетворения своих жизненных потребностей в эргатическом пространстве, нетрудно представить, что достижение необходимых ему целей индивид, при определенных условиях и финансовой состоятельности, может осуществить вообще без опоры на национально-этнические связи. Это мы нередко уже наблюдаем в реальной жизни. Более того, вся система жизнеобеспечения и воспроизводства условий бытия человека ныне построена таким образом, что социум в виде целевых институций жестко ориентирован на поддержание постоянной необходимой индивиду связи с сетевыми структурами, функционально важной потребности в такой связи, а также на продуцирование и поддержание в своих связях с потребителем новых его, потребителя, потребностей.

Наряду с глобальными макроструктурами, размывающими национально значимые ранее связи человека, что затрагивает также и этнический уровень, не менее важное значение стала получать и другая тенденция, столь же серьезно размывающая этнические связи. Это – деление социума, особенно в условиях крупных городов, но, благодаря развитию коммуникаций (Интернету, например) постепенно захватывающая и село, – членение общества на множество микрогрупп, образующихся на самой различной основе. Данная тенденция получила отражение в ра-

боте американского социолога М. Пенна, выделившего в американском обществе более 70 таких микрогрупп (профессиональных, досуговых, спортивных, возрастных, по сексуальной ориентации, пищевкусовым предпочтениям и многим другим параметрам) (Пенн 2009). Разумеется, легко себе представить формирование микрогрупп также и по этническому признаку. Однако это в условиях современной постиндустриальной цивилизации – явно не ведущий принцип объединения.

Таковы, вкратце, проявления специфических для эпохи глобализации воспроизводственных тенденций. Налицо ослабление прежде весьма прочных воспроизводственных связей национально-этнического характера. При этом необходимо отметить, что такие новые явления, в потенциале и в перспективе поднимающие возможности адаптации человека в среде обитания на новый, более совершенный уровень, к сожалению, сопрягаются с целенаправленным воздействием со стороны идеологов современного глобализма по-американски в направлении сознательного разрушения связи индивида с традицией и сообществом. Об этом открытым текстом написал, например, директор Института по изучению экономической культуры при Бостонском университете социолог П. Бергер. Рассуждая о воздействии на индивида различных и порой противоречивых сфер современной культурной глобализации, он заметил: «Если и есть аспект, который присутствует во всех этих сферах, то это индивидуализация: все сферы зарождающейся глобальной культуры способствуют независимости индивида от традиции и сообщества. Индивидуализация должна рассматриваться как социально-психологический процесс, эмпирически проявляющийся в поведении и сознании людей независимо от идей, которые могут быть у них по этому поводу» (Бергер 2004: 16).

В таком постулате, как представляется, заложена серьезная опасность не только для воспроизводства этносов как явления (понятно, что не могут этносы существовать и воспроизводиться без опоры принадлежащих к ним индивидов на традицию и сообщество). Это было бы еще пол-беды: этнологам хорошо известно, что слишком жесткая во многих архаических обществах привязка к традиции и сообществу бывает отнюдь не благоприятной для индивида и его свободы выбора. Однако «избавление» от традиции и сообщества – этих важнейших признаков вида *Homo sapiens*, возникших в результате его становления – может привести вообще к обратному процессу «расчеловечивания» вида, без просматривающихся перспектив замены этих инструментов адаптации в среде на иные варианты адаптации. А всемирно-гуманистический опыт, в том числе в его адаптивных проявлениях, все же во все времена концентрировался в рамках конкретных этнических культур. Более ста лет назад по этому поводу Г. Риккерт высказался так: «Утверждение, гласящее, что человек, свободный от всякой национальности, представляет собой высший расцвет этического, никогда еще не было последовательно проведено, но и в тех случаях, когда полагали, что энтузиазм вызывает общечеловеческое, идеалом служит более или менее выраженный национальный тип...» (Риккерт 1903: 599–600).

Уже по одному этому нельзя сделать вывод об исчерпании этносами их исторического предназначения. Даже если глобализация создала принципиальную возможность жизнеобеспечения без опоры на этнический опыт, сохранение человечества и «человекости» не позволяют отказываться от этноса и этнического как функционально значимых институций современной цивилизации. Можно приветствовать, конечно, относительную свободу индивида, предоставляемую современными постин-

дустриальными механизмами адаптации человека в среде обитания. Но, если честно и непредвзято смотреть на реальности жизни человечества в наши дни, то придется констатировать, что реальной свободой выбора сейчас обладает (если вообще обладает) ничтожное меньшинство людей, подавляющее же большинство делает выбор в «добровольно-принудительном» режиме. Это фактически выбор без выбора, под жестким давлением обстоятельств. Причем в этих обстоятельствах целенаправленное ослабление связи с традицией и сообществом, атомизация общества, о которой последнее время много говорят социологи и политологи, видится весьма прагматичной линией. Управляемость атомизированными индивидами значительно лучше, чем большими социальными группами, она облегчает принуждение к нужному «выбору».

Развитие современного информационного общества и его осмысление родили тезис об информации как новом способе стать человеком. С этим тезисом согласиться нельзя потому, что он стар как мир: без информации стать человеком невозможно в принципе. Иное дело, что современные информационные технологии в их воздействии на человека подвели человечество к состоянию некоего «информационного рабства». Это только с одной стороны владение информацией предоставляет индивиду широту выбора в достижении целей. Есть, к сожалению, и иная сторона: порабощение индивида потоком контролируемой и дозируемой информации, подвигающей его к выбору нужного управляющему информацией субъекту варианта решения. И в этих обстоятельствах сохранение этносов и этнических, отработанных многовековым опытом, морально-этических норм (нормативно-ценностной шкалы) еще долго будет сохранять защитную не только для членов этноса, но и для всего человечества, функцию. Науке этнологии нужно только совершенствовать приемы и методы исследования нормативно-ценностной сферы, характера ее функционирования и изменения.

У обсуждаемой темы есть еще один важный для этнологического знания эпистемологический ракурс. Благодаря интенсивному общению нашей науки постсоветского времени с западной научной традицией и ее представителями, в отечественной науке и системе специального профессионального образования стали активно распространяться подходы к объекту изучения, пришедшие из социальной/культурной антропологии. С одной стороны, это неоспоримое благо, ибо позволяет расширить представление о предмете изучения и посмотреть на него несколько с иной точки зрения, что всегда полезно. Особенно это касается некоторого смещения фокуса исследовательского интереса, при котором в центр внимания ставится человек и все его разнообразные проявления, связи и зависимости. Мне всегда казалось, что это необходимо, работы в жанре классической этнографии, созданные на материалах традиционных культур, чаще всего такой аспект упускали, и потребность «антропологизации» даже этого материала давно и остро ощущалась. Тем более это необходимо сейчас, когда этнические идентичности и идентификации занимают нередко далеко не ведущие места в жизни человека.

Однако по мере интенсивного расширения социально-антропологических подходов к объекту начинают просматриваться некоторые подводные камни таких подходов, когда дело оборачивается уже абсолютным господством «антропоцентризма», а задачи специфически этнологического видения действительности уходят куда-то на вторые и третьи планы, или даже вовсе исчезают из поля зрения исследователя. Но такой путь грозит полной потерей профессионального объекта изучения и специально-профессионального видения предмета. Иногда уже невозможно различить грань

между этнологическим и социологическим или психологическим восприятием объекта, теряются ориентиры дисциплины. Если посмотреть, например, на тематику некоторых докладов или даже секций последнего Конгресса 2013 г. Ассоциации этнологов и антропологов России, такое ощущение определенно возникает. Или можно привести в пример тематику журнала «Этнографическое обозрение» (№ 1 за 2014 г.), посвященного молодежным субкультурам. Хотя автор вводной статьи соответствующего тематического блока социолог Е.Л. Омельченко ввела слово «этнография» в название, но чтение текста, как и все обсуждение, вызывает закономерный вопрос, при чем здесь это слово (Омельченко 2014: 3–8). По сути термин «этнография» употреблен здесь исключительно в смысле «описания совокупности чего-либо», то есть любой социальной группы, а совсем не обязательно как-то связанной с понятием «этнос». Такое видение объекта, вероятно, тоже нужно, но если этнология хочет остаться областью знания, профессионально изучающего такой объект как этнос, необходимо все-таки не терять связь изучаемых социальных феноменов с этнокультурной сферой действительности. Без этого изучение любых социальных явлений, групп, процессов исключительно в духе социальной антропологии (к слову, хорошо коррелирующее с глобальными тенденциями атомизации общества), может быстро и даже безвозвратно утратить всякую связь с этнологической проблематикой. Думается, что обсуждение таких вопросов тоже уже назрело.

Литература

- Бергер 2004 – Бергер П. Введение. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М.: Аспект пресс, 2004;
- Омельченко 2014 – Омельченко Е.Л. От субкультур – к солидарностям и назад к субкультурам? Споры о терминах и этнография молодежной социальности // Этнографическое обозрение (далее – ЭО), 2014. № 1. С. 3–8;
- Пенн 2009 – Пенн М. Дж., Залесн К.Э. Микротенденции: Маленькие изменения, приводящие к большим переменам. М.: АСТ, 2009. – 510 с.;
- Риккерт 1903 – Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. СПб.: Издание Е.Д. Кусковой, 1903. – 615 с.

Karlov V.V. Ethnoses and ethno-cultural Processes in the Epoch of Globalization.

The appearance of ethnoses as the phenomenon was connected with the ways of adaptation of human to the environment. Historical changes of the very methods of directly affected the functions and the position of ethnoses in the local systems of adaptation. The most essential changes of the functions of ethnoses occurred within the process of transfer from the natural subsistence to the society, where exchange of the results of the specialized professional activities became the main method of adaptation (modern era). Humanity now stands before a new fundamental change in the modes of adaptation to environment, that is demonstrated by post-industrial society with its characteristic tendencies of globalization of the different spheres of the human life. Ethnoses proved to be under the influence, on the one hand, global macrocommunications of the global nature, on the other hand, of micro-tendencies, expressed by the atomization of society and by the appearance of many subcultures. For our discipline, which studies the phenomena of ethnos and the ethnic it is extremely important to focus research efforts on the study of these changes.

Key words: *ethnoses, globalization, ethnocultural reproduction, the adaptation to environment, macro- and micro-societies.*

ЭТНИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ИНТЕНСИВНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализация есть процесс не унификации, а сближения культур, выявления глобальной цивилизации как «федерации» цивилизаций локальных. В связи с трансформациями в период после распада колониальных империй феномена нации, тенденции к превращению ее из феномена «надэтнического» в «межэтнический», складывается глобальная транснациональная культура. В контексте этого процесса имеет смысл вести речь не о деградациии, а об изменении места и даже повышении роли этнической культуры в эпоху интенсивной глобализации.

Ключевые слова: этнология, этнос, нация, глобализация, культуры, постколониализм, транснационализм.

Позволю себе высказаться по поводу ключевых понятий, использовавшихся Виктором Владимировичем Карловым в его постановочном выступлении на нашем «круглом столе». При этом сразу хотел бы оговориться, что в целом поддерживаю общий пафос и наиболее существенные положения выступления Виктора Владимировича, а потому надеюсь внести вклад в их развитие.

В моем понимании этнология – наука не об этносах (как в известной формулировке Ю.В. Бромлея: «этнография – наука о народах»), а о культурах в их этническом аспекте. То есть этнология – это наука об этнических культурах.

Глобализация же, вопреки ее наиболее распространенному пониманию, видится мне процессом в основе своей не экономическим, а культурным, причем не сугубо современным, а исторически глубоким, можно сказать имманентным. Глобализация – это изначальный процесс проявления общемировой цивилизации (культуры) как своего рода «федерации» отдельных культур и локальных цивилизаций (культурных общностей) вследствие длительного и многонаправленного межкультурного взаимодействия.

Думается, было бы ошибкой представлять человечество в какой бы то ни было исторический период как простую сумму отдельных культур или даже локальных цивилизаций. Следует вести речь об имплицитном существовании общечеловеческой цивилизации. В то же время, вплоть до эпохи Великих географических открытий процесс глобализации как проявления общечеловеческой цивилизации имел ограниченный характер и не был необратим, если вести речь о его результатах, достигнутых во времена «неолитической революции», эллинизма и Римской империи, Великого переселения народов, завоеваний арабов и монголов, крестовых по-

ходов и т.д. С эпохи же Великих географических открытий в процессы межкультурного взаимодействия оказался навсегда вовлеченным практически весь мир, а сила воздействия этих процессов на все без исключения участвующие в них культуры многократно возросла. Во многом это определялось влиянием складывавшегося в ту же эпоху капитализма со свойственной ему тенденцией к нивелировке межкультурных различий. При этом еще раз подчеркну, что выявление глобальной культуры никоим образом не подразумевает исчезновения феномена культур локальных – этнических (хотя конкретные культуры могли исчезать в любую эпоху).

Что же касается нации, то это явление, прежде всего социальное, а не этническое. В том виде, в каком нация – как реальный феномен социальной истории и как «идея», «концепт» – сложилась в Западной Европе в период между окончанием Тридцатилетней войны и Великой французской революцией (а в Центральной и Восточной Европе – вплоть до революций 1848 г.), это, прежде всего, зрелое гражданское общество. Оно имеет (в идеале) свою собственную политическую организацию – национальное государство – и отличается особой, национальной культурой. Последняя же не есть культура этническая. Нация базируется на единстве системы ценностей членов гражданского общества, и в их сознании приверженность этой общности превращает все прочие составляющие идентичности индивида, включая этническую (а также конфессиональную, региональную и т.п.), в таксономически более низкие. Иначе говоря, даже если люди имеют разное этническое происхождение, принадлежат к разным этническим культурам, они могут быть членами одной нации, если разделяют базовые для нее ценности, являются приверженцами ее культуры и патриотами ее государства.

Таким образом, в контексте проблематики «круглого стола» имеет смысл поставить вопрос об изменении места этнической культуры и этничности в определении национальной идентичности и в самой концепции нации в современном мире. В том мире, в котором, с точки зрения нашей темы, следует отметить как минимум два кардинальных взаимосвязанных отличия от предшествующей эпохи: появление постколониальных обществ и формирование обширных неевропейских диаспор в европейских странах.

Постколониальные общества – уникальное явление всемирной истории. Их появление на свет в середине XX века не явилось результатом многовековых внутренних социальных процессов, но было непосредственно обусловлено образованием, недолгим (по историческим меркам) существованием и распадом колониальных империй европейских стран. Границы колоний отражали, прежде всего, соотношение сил между державами-метрополиями в том или ином регионе, но не предшествующий ход его собственной политической, социальной, экономической и культурной истории. В пределах той или иной колонии за редкими исключениями насильно объединялось множество различных народов. Зачастую между ними отсутствовало не только генетическое родство, но и культурная близость. И в то же время не менее часто границы колониальных владений разделяли один народ или рвали исторически сложившиеся региональные системы этнокультурных связей. Искусственные поликультуральность и полисоциумность оставались определяющими характеристиками большинства колониальных обществ на всем протяжении их существования и вместе с колониальными границами были унаследованы обществами постколониальными. Постколониальные государства есть на-

следие колониализма в том отношении, что, когда колонизаторы уходили, мир уже был «глобальным». Собственно, он и стал таковым окончательно и бесповоротно благодаря освоению мира европейцами, начиная с эпохи Великих географических открытий – «подвигу Запада» по выражению Ф. Броделя.

При этом в постколониальных условиях порожденные колониализмом проблемы приобрели новые измерения, в частности, связанные с необходимостью замещения колониальных государств суверенными национальными государствами. Появилась задача формирования национального – социокультурного, системоценностного – единства граждан, при котором в их иерархии идентичностей и (само)идентификаций принадлежность к общности сограждан занимает более высокое место, чем членство в какой бы то ни было общности, охватывающей лишь их часть, в том числе в общности этнической.

В Европе нации как форма культурного единства гражданских обществ и национальные государства как форма их политической организации вызревали в течение веков вследствие постепенной реализации внутренних предпосылок к этому. В результате, в пределах национальных государств, как подчеркивал Э. Геллнер, осуществилось приведение в соответствие культурных и политических границ. В большинстве же стран Азии и Африки в постколониальный период возникла необходимость максимально быстрого формирования наций на базе во многом случайного и разнородного конгломерата культур и социумов. При этом надо учесть, что нация и национальное государство – феномены по природе своей европейские; внутренняя социокультурная динамика афро-азиатских обществ к их формированию не вела.

Анализ почти всегда полиэтничных постколониальных обществ с точки зрения перспектив сложения в них «классических» наций наталкивает на мысль о возможном существовании важного парадокса. Его суть становится понятной при проведении аналогии между социокультурной и экономической историей постколониальных государств. В первые десятилетия независимости многие из них стремились воплотить в жизнь так называемую «модель догоняющего развития», т.е. ставили задачу индустриализации страны, создания экономической системы, подобной существовавшей в развитых странах. Эта модель не оправдала себя: пока постколониальные страны пытались индустриализироваться, Первый мир уже переходил в постиндустриальное состояние, и разрыв между ним и Третьим миром только увеличивался. Также в постколониальных государствах ставилась и продолжает ставиться задача строительства наций по образцу европейских наций Нового времени, несмотря на колоссальные трудности такого строительства, связанные, в том числе, с отличиями афро-азиатских традиционных политических культур, социальных институтов, систем ценностей от европейских образцов.

Однако в самом Западном мире сегодня уже вынуждены пытаться отойти от концепции нации, утвердившейся к концу XVIII века, и искать пути решения совершенно иной задачи – поддержания единства граждан государства, при сохранении привнесенного мигрантами со всего света культурного многообразия. Не единая культурная, системоценностная идентичность, доминирующая над идентичностями локальными и частными, но равноправное сосуществование множества этнокультурных идентичностей акцентируется ныне как новая базовая национальная ценность, как источник национального развития в современных условиях интенсивной глобализации. Соответственно, глобализация ставит под сомнение

будущее и национального государства как формы политической организации, и концепции национального суверенитета как основы его легитимности.

Не надо забывать, что национальное государство – явление историческое, т.е. возникающее в определенных исторических условиях и исчезающее с их изменением. В той форме, в которой национальное государство известно поныне, оно сложилось в Европе и Северной Америке в Новое время и пережило пору своего расцвета в XIX–XX вв., будучи адекватно реалиям мира промышленного капитализма и культурного национализма. Однако на грани XX и XXI вв. в мире доминируют иные тенденции и процессы – связанные с глобализацией и постиндустриализмом. Неудивительно, что и новоевропейская концепция суверенитета как основного атрибута национального государства, утверждающая отдельное национальное государство в статусе главного субъекта международных отношений, также переживает очевидный кризис. Создание Европейского Союза в 1993 г. стало первой попыткой (с до сих пор еще не вполне ясным исходом) наделить высшим суверенитетом транснациональные политические институты (а не создать объединение суверенных государств, подобное Организации Объединенных Наций, Африканскому Союзу, Лиге Арабских Государств и т.д.). Вероятно, в постиндустриальном и постсовременном глобальном мире нас ждет появление на свет и постнационального государства, одним из оснований которого будет отказ от национального суверенитета (но не политической независимости) как главного атрибута государства в пользу трансгосударственных институтов управления.

Параллельно будет формироваться и глобальная транснациональная культура, не упраздняющая, но объединяющая культуры национальные и этнические. Культурный национализм же постепенно утрачивает конгруэнтность патриотизму: как национальный патриотизм, он превозносит преданность согражданам как людям одной культуры, системы ценностей, тогда как ныне согражданство не подразумевает такого единства априори, а потому все более превращается в сугубо правовую категорию, постепенно лишаясь культурного и национального наполнения. Если некогда нации возникали в результате приведения в соответствие культурных и политических идентичностей, то ныне они снова могут не совпадать: сегодня быть членом нации означает, в том числе, способность проявлять толерантность к инокультурным согражданам.

В такой ситуации не является ли, наоборот, не бесперспективным, но выигрышным положение постколониальных стран? Тем более что во многих из них основной водораздел пролегает между культурами составляющих абсолютное большинство населения автохтонных этносов, различия между которыми не столь разительны, как между культурами коренного населения и многих общин мигрантов – двух основных «культурных акторов» в современных странах Запада. На сегодняшний день этот вопрос не имеет достоверного ответа, в том числе ввиду неясности перспектив мультикультурализма на Западе, по-прежнему играющем ведущую роль в глобальных социокультурных процессах. Однако суть этого принципиально важного вопроса очевидна и, на мой взгляд, является квинтэссенцией проблематики нашего «круглого стола»: речь идет о возможности радикальной трансформации нации из феномена «надэтнического» в «межэтнический». И, соответственно, следует говорить не о деградации, а об изменении места и даже повышении роли этнической культуры в «новом» национальном обществе и национальном государстве эпохи интенсивной глобализации.

Bondarenko D.M. Ethnic cultures, national cultures and transnational culture in the time of intensive Globalization.

Globalization is a process of not unification but rapprochement of cultures, formation of a global civilization as a «federation» of local civilizations. In connection with transformations of the phenomenon of nation in the post-colonial period, its tendency to transform from a «supraethnic» into «interethnic» phenomenon, a global transnational culture is forming. With respect to this process, it makes sense to speak about not degradation, but a change in the place of ethnic cultures and even an increase in their role in the time of intensive globalization.

Key words: *ethnology, ethnos, nation, Globalization, culture, postcolonialism, transnationalism.*

ВСПОМНИТЬ ОБ «ЭТНОСЕ»?

В 1980–1990-е годы в отечественной этнологии проходили оживленные дискуссии вокруг понятия «этнос». Эти дискуссии не дали существенных результатов и постепенно затихли. При этом проблема осталась и, время от времени, побуждает ученых высказываться по ее сути. В.В. Карлов, инициатор семинара на кафедре этнологии Московского государственного университета, придерживается адаптивного подхода к пониманию этноса. На мой взгляд, адаптивная функция характерна не для этноса, а для культуры. Сам этнос выражает своего рода «социальный инстинкт» (потребность человека в коллективности), опирающийся на историческую память и культурные символы.

Ключевые слова: этнос, этническая культура, адаптация, коллективность.

В последние десятилетия прошлого века в отечественной этнологии проходили весьма оживленные дискуссии о толковании понятия «этнос» и всего, связанного с ним. Мое знакомство с этой проблематикой началось со спецкурса Ю.В. Бромлея, прочитанного нам, студентам кафедры этнографии Исторического факультета МГУ (это было, кажется, в 1976 г.). Спецкурс, основанный на его книге «Этнос и этнография», произвел на меня весьма неоднозначное впечатление, но доминировали ощущения необычности и революционности. «Теория этноса», сформулированная Ю.В. Бромлеем, с самого начала вызвала, как я помню, тихое неприятие со стороны некоторых отечественных этнографов, предпочитавших конкретные исследования теоретическим изыскам.

Тем не менее, «теория этноса» стала на пару десятков лет методологическим ориентиром для советских этнографов, ставших потом этнологами и антропологами. И это было для того времени хорошо: появилась новая и дозволенная властями методологическая парадигма, не вполне вписывавшаяся в догмы «исторического материализма». Нынешние критики идей Ю.В. Бромлея, укоряющие его в схоластике, забыли, видимо, что «теория этноса» вызвала ожесточенную отрицательную реакцию со стороны представителей того, что называлось «историко-партийной наукой».

Справедливости ради надо признать, что «теория этноса» – это наиболее тщательно проработанная и детализированная концепция в истории этнологической науки. Я бы даже сказал, что это почти совершенство в жанре теоретизирования. Все, что было потом, – это, скорее, отрицание необходимости такого жанра, наступление идеализма и субъективизма в виде конструктивизма, постмодернизма, «саморефлексии» и т.п. Другое дело – насколько «теория этноса» полезна для изучения народов и их культур.

Не отношу себя к конструктивистам, которые специализируются на критике «те-

ории этноса». Меня, кстати, разные авторы относят и к тем же конструктивистам, и к примордиалистам – я же не считаю важным приписывать себя к какому-то идеолого-методологическому лагерю. Но я и сам немало критиковал «теорию этноса». Эта «критика» – еще до самой критики – началась тогда, когда я в какой-то статье (сейчас уже не помню, в какой) закавычил теорию этноса. Ю.В. Бромлей, который вообще-то относился ко мне очень хорошо, обиделся, полагая, что я ставлю под сомнение его теоретическое создание. А я просто хотел обозначить это построение устойчивым термином.

Со временем дискуссии вокруг «этноса» практически сошли на нет. Причина этого, на мой взгляд, заключается в том, что они зашли в тупик: что-то еще нового придумать оказалось невозможно. Было опубликовано еще несколько работ, но они, по большому счету, тоже ничего существенного не дали ни для понимания феномена этноса, ни для доказательства оправданности оперирования этим понятием (см. напр.: Рыбаков 2001; Филиппов 2010). Признаюсь, я тоже разуверился в значимости «этносологии» (мой неологизм) – моя последняя теоретическая публикация вышла в свет ровно двадцать лет назад (Чешко 1994). Однако инициатива В.В. Карлова спровоцировала некоторые мысли, которые я излагаю в нижеследующем тексте.

* * *

Основные теоретические коллизии, обсуждавшиеся на «круглом столе», связаны с понятиями «этнос» и «этническая культура». При этом В.В. Карлов, насколько я понял, сделал акцент на *этносе*, а Д.М. Бондаренко – на *этнической культуре*. Изложенная в статье Д.М. Бондаренко позиция мне представляется спорной, но я не могу дать ее детальную критику, поскольку «затравкой» дискуссии был заранее разосланный текст И.И. Карлова. Поэтому сосредоточусь именно на выступлении В.В. Карлова.

Одна из затронутых им тем – противостояние примордиалистов и конструктивистов, тема очень популярная в отечественной этнологической литературе. Я уже писал о том, что обычно к примордиализму неоправданно и бездумно относят «теорию этноса» – добавлю, и вообще всех, кто рассматривает этнос как историческую категорию (см. напр.: Чешко 2013: 179). Повторяться не стану. В последнее время, правда, между *конструктивистами* и *примордиалистами*, похоже, наступило перемирие. Но мне представляется, что и сама коллизия сильно раздута и мифологизирована.

Саких-то примордиалистов на Западе – в духе идей Ван ден Берге – было очень мало (к ним, правда, причисляют таких авторитетных ученых, как М. Вебер и К. Гирц), а в отечественной науке и вовсе не было и нет. Более того, правоверных адептов «теории этноса», кто бы вообще ее не критиковал, практически не осталось (да и во времена официального хождения «теории этноса» искренних адептов было немного). Что же касается конструктивистов в отечественной науке, то они больше именуется таковыми или именуют себя сами.

На деле отечественные конструктивисты, или подавляющее их большинство, вовсе не отрицают реальности того, что они сами изучают. Стали реже употреблять сам термин «этнос», предпочитая вернуться к старому и «безобидному» в методологическом отношении термину «народ». А главный пропагандист конструктивизма В.А. Тишков издает вполне «примордиалистскую» историко-этнографическую

серию «Народы и культуры», в томах которой видное место занимают этногенез, эволюция и смешение атропологических типов, политическая история, эволюция форм культуры.

Возможно, причина угасания интереса к дискуссиям, связанных с «этмосом», отчасти заключается и в том, что сама тема оказалась довольно схоластичной. Ни одна из избранных парадигм не вносит в соответствующую проблематику принципиально иного, нежели парадигма-конкурент, а также в практическую работу этнолога – ни в методику сбора информации, ни в подходы к ее осмыслению.

Вместе с тем, Карлов прав, беспокоясь о судьбе этнологии, если она рискует утратить собственный объект исследования. Задумываться об этой проблеме надо. Или же придется смириться с поглощением этнологии антропологией как с неизбежной тенденцией в науке, отражающей происходящие в мире общественные и интеллектуальные трансформации.

Главное в этом вопросе – возможность или невозможность выявить «родовую сущность» этноса. На этой проблеме и сосредоточено выступление В.В. Карлова.

Генеральная линия в размышлениях В.В. Карлова заключается в том, что природа этноса – «опосредованная социальной средой передача способа адаптации через культуру...». Мысль не нова, но Карлов развивает ее, рассматривая эволюцию этой функции этноса от неолита до так называемого постиндустриального общества.

Эволюция состоит в том, если я правильно понял сущность рассуждений Карлова, что на ранних этапах развития человечества этнос выступал как средство коллективной адаптации. А сегодня, в условиях глобализации, парцелляризации больших социальных общностей, индивидуализации жизни, ценностных ориентаций, мотиваций, интересов человека, этнос все больше превращается в средство индивидуальной адаптации ко всем этим изменениям.

Ход мыслей Карлова логичен, и его концепцию надо признать столь же правомерной, как и все прочие. Однако есть с чем и поспорить.

Во-первых. В приведенном выше определении природы этноса ключевое место занимает все же не этнос, а культура. И действительно, именно культура (а не существование этноса) отличает человека от прочих живых существ. Правда, можно сказать, что этнос является тем, что организует культуру и самих людей, коллективизирует их. Но все же возникает вопрос, что первично, а что вторично? Этнос производит культуру или наоборот?

Видимо, все же первична культура, возникшая до этносов и в рамках которой формировался человек современного вида. Карлов и сам относит возникновение этноса как рубеж к эпохе неолита. Ю.В. Бромлей, если вчитаться в его теоретические рассуждения, тоже полагал, что этносы появляются не ранее племенной стадии развития общественных отношений, то есть, фактически, в том же неолите (*Бромлей* 1981: 12, 66–67 и др.). Таким образом, выделенная Карловым адаптивная функция есть сущность культуры, а не этноса.

Во-вторых. Тезис о том, что в современную эпоху смысл этноса состоит в индивидуальной адаптации, тоже вызывает сомнения. Справедливы размышления Карлова, ведущие к выводу о том, что сегодня уже далеко не всегда этнос выступает в качестве референтной группы. Эта функция все чаще переходит к иным социальным общностям и группам, вплоть до самых малых и даже экзотических (сообщества социальных сетей, участники ролевых игр и пр.).

Трудно представить, каким образом этнос вообще может выступать в качестве механизма адаптации. Это было возможно в условиях родоплеменной организации; когда же этнос разрастается до такой степени, что становится, следуя за Б. Андерсоном¹, «воображаемой общностью», то такая возможность исчезает. Поэтому, кстати, утверждение Карлова о сохранении организующих функций этноса и в позднем средневековье в Европе, выглядит неожиданным. Мы хорошо знаем, что средневековая Европа организовывалась не столько этническими, сколько династическими и религиозными связями. Более того, именно в рамках европейских средневековых государств разворачивались процессы «окончательного» этногенеза (закавычил потому, что этногенетические процессы, как процессы *развития*, могут или не могут – в зависимости от обстоятельств – заканчиваться) и нациеобразования.

Для мигрантов, попавших в иноэтничную среду, общезтническая солидарность, наверное, имеет определенное значение, но внутри этноса действуют иные механизмы, связанные с внутренней социальной структурой этноса. Впрочем, общезтническая солидарность действует, прежде всего, у народов, сохраняющих элементы патриархально-общинных отношений и этических норм. Если взять, например, «русские диаспоры» в США, Израиле или в Европе, то на поверку это оказываются советско-российские диаспоры, а не этнические группы.

Как при всем при этом оценивать «этническое возрождение» периода «перестройки» и в постсоветской России? Да, это, видимо, можно рассматривать в качестве своего рода адаптации, но адаптации к ситуации, когда рухнула прежняя идеологическая система, и сознание человека нуждалось в какой-то замене. Кроме того, естественно проявилась реакция на прежнюю, советскую «национальную политику», а еще больше – на провокации и на истерические филиппики против нее. А для «коренных малочисленных народов» это нередко было еще и способом добыть себе преимущества, обусловленное их статусом.

Складывается, правда, еще одна тенденция, которая вроде бы является аргументом в пользу адаптивной концепции Карлова, но он упустил из ее вида.

Карлов отмечает снижение значения национальных государств в силу глобализационных процессов, интернационализации капитала, о чем пишут уже несколько десятилетий. Но в последние годы и, особенно, в последние месяцы, в связи с украинскими событиями, в Европе наблюдается и противоположные тенденции возрождения идеи национального государства и роста этнонационализма. Это можно рассматривать в качестве реакции на ту же глобализацию, а также на перенасыщенность мигрантами-выходцами из мусульманских стран, наступление исламизма на традиционные христианские ценности Европы, диктат США, экономические проблемы, поразившие саму Европу, культурную экспансию, включая гомосексуализм, педофилию, возрождение нацизма и пр.

Сопутствующая паника по поводу крушения парадигмы мультикультурализма мне представляется чрезмерной, производной от неумелой политики европейских государств. Мультикультурализм – по своей сути – это неизбежная данность и неизбежное будущее «развитых» стран мира. Проблема заключается в том, чтобы суметь встроить эту данность в традиционные социокультурные и соционормативные системы. Кстати говоря, этому можно было бы поучиться у России с ее многовековым опытом встраи-

¹ В нашей литературе часто пишут «Андерсен». Однако его имя – Anderson, Benedict Richard O’Gorman.

вания разных этнокультурных и религиозных традиций в единое общество.

Как бы то ни было, сегодня мы наблюдаем отчетливую тенденцию реанимации идеи национального государства. Но это относится только к Европе. А весь остальной мир – гигантски превосходящий ее по территории, численности населения и давности культурных традиций – от этой идеи и не отказывался.

Трудно судить, насколько эта тенденция окажется устойчивой. Но в любом случае речь может идти о другой линии адаптации, нежели той, которую нарисовал Карлов. Или же его модель надо продолжить, и она будет выглядеть так: коллективная адаптация – индивидуальная адаптация – коллективная адаптация (уже на новом, постиндустриальном уровне).

Между прочим, в современной России тоже наблюдается сдвиг, но другого рода – от этнонационализма, или мягче, *этницизма* к (обще)национальному государству и общероссийскому патриотизму. Интересно, что в последнее время в России, Крыму, на Востоке Украины, в Приднестровье в качестве символа этой общности зачастую звучит понятие «русский» как символ России, российской культуры и российской солидарности. И высказывания в таком духе можно услышать от представителей самых разных народов, носителей как православных, так и иных религиозных традиций.

Итак. Нет смысла спорить о реальности *народов-этносов* как *об исторически сложившихся и развивающихся социальных общностях, обладающих специфическим самосознанием*. И в этом смысле не так уж важно, называть ли такие образования этносами, народами, этническими общностями или как-то иначе, учитывая выработавшуюся аллергию на термин «этнос» среди части российских этнологов. Однако остается главная проблема – выявление родовой сути этноса, а ее, по моему разумению, невозможно выявить в системе координат материальной детерминированности – или пока никому не удалось этого сделать.

Рассмотрение истории этносов на разных этапах, в разные эпохи их существования, приводит меня к следующим выводам.

1. Полагаю, категория «этнос» для разных эпох и разных цивилизационных, историко-культурных, историко-культурно-географических (и т. п.) реалий, не имеет универсального смысла. Даже если речь идет об общностях (или уже не о реальных общностях, а об «инерционных», статистических образованиях?), сохраняющих этнонимы, возникшие столетия назад.

2. В контексте исторического континуума изменялись не только функции этноса – или вообще функции не этноса. Трансформировалось само то, что мы привыкли называть этносом. Применительно к родоплеменной эпохе можно говорить об этносе (племя, народность) как о реальном «социальном организме». Но сегодня правомерно говорить об *этничности* как о «социально-сверхсоциальном» инстинкте коллективности (потребности в коллективности) и солидарности, существующем и воспроизводящемся на базе историко-культурных символов. Возможно, кто-то воспримет эту идею как традицию, шедшую, кажется от Канта до Францева, но таково мое видение сути проблемы.

3. Если в связи со всем сказанным выше вернуться к проблеме объектной области этнологии и перспективах выживания самой этнологии в современных условиях, то можно заключить следующее.

Этнология не может исчезнуть до тех пор, пока существует культурное разнообразие человечества. При этом должно иметь в виду, что «традиционалистская па-

радикала» в понимании изучаемых объектов меняется постоянно. Если придерживаться принципов историзма, то нет и не может быть «классической традиционной культуры». Процесс культурного развития означает постоянное взаимодействие традиций и инноваций, умирание прежних традиций и превращение инноваций в традицию. Сегодня традиционная культура большинства российского населения – это не самовары, лапти и хороводы, а джинсы, компьютеры, смартфоны, иномарки и пр.

Если же иметь в виду исследования, связанные с «этническими» сюжетами, то они касаются, прежде всего, области самосознания, имея в виду причины и механизмы воспроизводства этнического самосознания в изменяющихся условиях, изменения в функциональной области этнического самосознания / этничности.

Литература

- Бромлей 1981 – Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М.: Наука. – 389 с.;
- Рыбаков 2001 – Рыбаков С.Е. Философия этноса. М.: ИПК Госслужбы, 2001;
- Филиппов 2010 – Филиппов В.Р. «Советская теория этноса». Историографический очерк. М.: Институт Африки РАН, 2010. – 185 с.;
- Чешко 1994 – Чешко С.В. Человек и этничность // ЭО, 1994. № 6. С. 177–181;
- Чешко 2013 – Чешко С.В. Рец. На: Н.Н. Константинов. Советский Союз 1944–1991 гг. в историографии: репрезентация полиэтничного политического сообщества. Екатеринбург: ИД «Гриф», 2012;
- Anderson 1991 – Anderson B. Imagined Communities: reflections on the origin and spread of nationalism. – L.; N.Y., 1991.

Cheshko S.V. To recall about «Ethnos»?

In 1980 – the 1990's years in domestic ethnology passed the lively discussions around the concept of "ethnos". These discussions did not give essential results and gradually calm down. Nevertheless, the problem remained and, from time to time, it provides a stimulus to speak out in its essence. V.V. Karlov, who initiated seminar in the department of ethnology of the Moscow State University, adheres to adaptive approach to understanding of ethnos. In my view, adaptive function is characteristic not for the ethnos, but for the culture. As to ethnos, it expresses some kind of "social instinct" (need of man for the collectivity), being rested on the historical memory and cultural symbols.

Key words: *ethnos, ethnic culture, adaptation, collectivity.*

УДК 39

© Т.С. Гузенкова

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ДЕСТРУКЦИИ ЭТНОСА

В настоящее время «глобализационная» тематика все еще слабо разработана в отечественной этнологии, тогда как глобализационные процессы уже оказали влияние на саму этнологическую науку, трансформировав сам предмет этнологического исследования. Базовым стало понятие «идентичность», а в центре внимания оказались самые различные группы идентичности и меньшинства. Такая ориентация антропологических исследований вполне корреспондирует с интересами глобальных структур и ТНК, которые жизненно заинтересованы в том, чтобы весь мир был поделен на контролируемые, просчитываемые и постоянно возобновляемые группы потребления. В этом контексте любая группа идентичности должна стать группой потребления. Соответственно, изучение идентичности, а также ее конструирование и поддержание становится одной из существенных задач воздействия глобализма на социальные процессы, на что социальная антропология прямо или косвенно и была ориентирована в последние десятилетия.

Ключевые слова: этносы, глобализация, идентичность, потребление, меньшинства, социальная антропология.

Тема этносов и этнокультурных процессов в эпоху глобализации настолько многозначна, что как ни ограничивай предметное поле и как ни суживай перечень обсуждаемых проблем, а все равно получается широко, с большим разбросом в предлагаемых подходах и трактовках. Не зря исследователи уже давно обратили внимание на то, что понятие «глобализация» стало однопорядковым с такими категориями как «история», «цивилизация», «эпоха», «прогресс» (Покровский 2007: 49). Да и сами происходящие процессы, подпадающие под категорию «глобальных», постоянно дают пищу для множества изысканий.

Что касается дискуссии на эту тему, состоявшейся в июне 2014 г. на кафедре этнологии истфака МГУ им. М.В. Ломоносова, то ее содержание, на мой взгляд, позволяет констатировать, по крайней мере, два принципиально важных вывода. Первый состоит в том, что в отечественной этнологии «глобализационная» тематика еще явно не освоена. Она, как будто, обходит стороной российских этнологов и социальных антропологов (или они ее обходят). Второй заключается в том, что вообще-то глобализация, в частности, в науке уже затронула отечественную этнологию, трансформировав сам предмет этнологического исследования. И в этом смысле российские этнологи, нередко сами того не подозревая, оказываются вовлеченными в глобальные исследовательские проекты на локальном уровне.

С.В. Чешко указал на то, что в 1980–1990-е годы проходили оживленные дискуссии вокруг понятия «этнос», но они не дали существенных результатов и посте-

пенно затихли. Я бы этот посыл разделила на две части. Действительно, дискуссии относительно теории этноса в тот период были нередко весьма бурными. Но будет большим преувеличением оценивать их как безрезультативные. Напротив, они как раз и дали толчок к разработке целого ряда интереснейших концепций и оснастили «полевую эмпирику» новыми, продвинутыми для того времени методиками.

Правда и то, что эти научные споры и теоретические изыскания впоследствии затихли. Но вот понимание того, почему это произошло, имеет, как кажется, непосредственное отношение к заявленной теме. Представляется, что в 1990-е годы в науке произошел парадигмально-концептуальный сдвиг, который достаточно радикально изменил как саму предметную область этнологии, так и ее интерпретацию. Понятие «идентичность» стало базовым, а в центре внимания оказались самые различные группы идентичности. Среди них этнические или этно-культурные группы заняли как будто равнозначное место наряду с любыми другими: религиозными, гендерными, сексуальными, языковыми и пр.

В этом смысле можно констатировать, что российская этнографическая школа, о которой, кстати, вспоминали участники нашей дискуссии, перешла на позиции англо-саксонского научного сообщества, превратившись при этом в периферийный или локальный вариант мейнстрима, формируемого британско-английской социальной антропологией. Представляется, что социально-культурные антропологи разных стран внесли свой вклад в обоснование и идейную легитимизацию такого феномена, который можно назвать политкорректным обществом меньшинств, где по образному выражению одного из авторов, «только меньшинства выглядят реально существующими и претендующими на универсальные права, тогда как господствующее большинство остается лишь фоном, служащим демонстрации специфики любого рода меньшинств и обоснованию их претензий на высокий статус и привилегированное место в системе распределения благ» (Ионин 2012: 228).

В этом контексте становится очевидным, что прежние методологические построения, связанные с теорией этноса и крупными этническими образованиями становятся малоактуальными. А если пользоваться понятиями рыночных отношений, они стали продуктом с низким потребительским спросом.

Представляется, что такое направление развития западной антропологии в последнюю четверть века оказалось вполне логично. Ведь известно, что базовым результатом глобализации и очевидным проявлением победы глобализационных процессов стало формирование общества потребления. В странах золотого миллиарда утвердилось гедонистическое, нарциссическое восприятие жизни. Возобладало безусловное представление о том, что абсолютной ценностью является одна индивидуальная человеческая жизнь, ее потребности, желания и наслаждения. Соответственно, удовлетворение этих желаний, умножение потребностей, формирование психологической зависимости от постоянной смены вещей и впечатлений, погоня за престижными формами потребления становятся содержанием и в немалой степени смыслом жизни, а уровень доступности различного рода товаров и услуг – символом общественного положения.

Производство перестало следовать за спросом, а начало само его создавать и наращивать, порождая, преобразуя и буквально навязывая предпочтения потребителей в соответствии со своими потребностями и коммерческими аппетитами. Глобальные структуры и ТНК жизненно заинтересованы в том, чтобы весь мир был поделен на

контролируемые, просчитываемые и постоянно возобновляемые группы потребления. В этом контексте любая группа идентичности может (вернее, должна) стать группой потребления: студенты и пенсионеры; мужчины и женщины; семьи и одиночки; инвалиды и вполне здоровые люди; ЛГБТ и люди с традиционной сексуальной ориентацией, экстрималы и любители комфорта; состоявшиеся и потенциальные эмигранты; богатые и бедные; ищущие работу и желающие отдохнуть от нее и т.д. и т.п. Соответственно, изучение идентичности, а также ее конструирование и поддержание становится одной из существенных задач воздействия глобализма на социальные процессы, на что, собственно говоря, социальная антропология прямо или косвенно и была ориентирована в последние десятилетия.

Этнос в этом смысле слишком абстрактен, аморфен, плохо поддается контролю и слабо выражает свои потребительские свойства, да еще при этом слишком привержен, с точки зрения рынка, к малоподвижным традиционным культурным стандартам. В такой системе «координат» этнические сообщества оказываются крайне уязвимыми, раздробленными на группы, теряющими свою конкурентоспособность, застревающими на периферии мировой иерархии.

Так что проблема, вынесенная на обсуждение В.В. Карловым, представляется более чем актуальной. И было бы крайне полезно еще не раз к ней вернуться.

Литература

- Покровский 2007– Покровский Н.Е. Глобализация // Политология: Лексикон / под ред. А.И. Соловьева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007;
- Ионин 2012 – Ионин Л.Г. Восстание меньшинств. СПб.: Университетская книга, 2012. Электронный ресурс: URL: <http://publications.hse.ru/books/75417264>.

Guzenkova T.S. Globalization as a Factor of Ethnos Disintegration.

Currently, globalization-related topics are poorly represented in Russia's ethnology whereas globalization processes are impacting ethnology as a science having transformed the very subject of research. The concept of identity has gained a fundamental status and various groups of identities and minorities have come into focus. Such bent of anthropological studies is quite in line with the interests of global structures and transnational corporations which seek to divide the world into controllable, predictable and permanently renewable consumption groups. In this context, any identity group is to become a consumption group. Correspondingly, the study of identity, as well as forming and maintaining such identity are becoming an essential task of globalism's impacts on social processes, and social anthropology, directly or indirectly, has been oriented towards it in the recent decades.

Key words: *ethnos, globalization, identity consumerism, minority, social anthropology.*

УДК 39

© В.В. Карлов

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ПОЛОЖЕНИИ ЭТНОСОВ И ЭТНИЧЕСКОГО И ИХ ИССЛЕДОВАНИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Автор подводит итоги состоявшегося обсуждения, останавливается на наиболее интересных и дискуссионных положениях, высказанных участниками «круглого стола».

Подводя итог состоявшемуся обсуждению в рамках «Круглого стола», я прежде всего хотел бы выразить глубокую, искреннюю благодарность всем коллегам, принявшим в этом участие. Обсуждение показало, что тема судеб этносов и этнического в современном постиндустриальном мире, включая перспективы его развития, действительно нуждается в серьезном осмыслении, в углубленной разработке исследовательских подходов. Поэтому все суждения о проблеме, включая как теоретические аспекты, так и наблюдения коллег о конкретных особенностях и проявлениях глобального, его сочетании с локальным в тех или иных этнических средах, чрезвычайно важны, помогая нам лучше понять и представить, с каким спектром социальных явлений мы имеем дело. Попыткой онтологически понять, что же происходит с человеческими культурами, какова логика и динамика их функционирования и развития, и была вызвана наша инициатива проведения «круглого стола».

Выступления коллег показали, что проблемы этнологического знания в условиях стремительного развития глобализационных процессов в мире, очевидного усиления культурной динамики человечества, действительно нуждаются в теоретико-методологическом осмыслении, включая отработку понятийного аппарата. Думается, что недостаток внимания к данной сфере научного знания в последние десятилетия, называть ли это «теорией этноса» или просто смотреть на все как на новый этап функционирования и изменения национальных, этнических, локальных и интернациональных особенностей культур, на сочетание всех этих явлений в каждой конкретной среде обитания людей – эта наша общая недоработка и создает некий понятийно-терминологический вакуум.

Проявилось это и в ходе наших слушаний. На некоторых аспектах, затронутых в выступлениях коллег, я хотел бы коротко остановиться. И в тексте С.В. Чешко, и у Д.М. Бондаренко приоритет отдается не понятию «этнос», а этнической культуре – именно культура, по их мнению, в условиях современного мира есть динамическая и подверженная изменениям «переменная составляющая» глобальных и локальных процессов бытия человечества. Я с этим тезисом совершенно согласен. Собственно, смысл моих рассуждений вытекает из отчетливого понимания того факта, что этническая культура, выполнив свою адаптивную функцию в доиндустриальном обществе, в индустриальную и постиндустриальную эпоху эту свою «родовую» специфику существенно утрачивает. Однако принадлежность людей к собственному народу,

Карлов Виктор Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Эл. почта: vicarlov@mail.ru.

идентификация с ним, сохраняется и воспроизводится. Что по крайней мере должно побуждать этнологов к осмыслению того, почему это происходит, и если прежнее предназначение этноса и его культуры как механизма адаптации ушло в прошлое, то каковы же функции этноса (или того, что остается еще от этнической культуры) в новых обстоятельствах бытия людей?

Исходя из таких посылок, мне трудно согласиться с определением моей позиции как адаптивного понимания этноса и этнического. Верно лишь то, что этнос, по моему мнению, как явление и как социокультурный феномен, стал следствием рождения специализированной культуры адаптации в среде. Однако на индустриальном этапе эту функцию стала выполнять уже не этническая культура: коллективным адаптивным механизмом стала не она, а нация, национальное сообщество, объединившее уже профессионально, а не этнически специализированные виды трудовой деятельности.

Не вижу я предмета для дискуссии также и в несколько напоминающем классический спор о курице и яйце вопросе о приоритете этноса или этнической культуры. Для меня ясно, что, конечно, не этнос рождал этнические культуры, но, напротив, развитие, отбор и стереотипизация специфического культурного комплекса приводит человека к пониманию того, что он живет и действует по-русски, -немецки, -персидски, -тувински, и т.д. Разумеется, понимание причастности индивида к народу рождено было спецификой его культуры и системы жизнеобеспечения, а не наоборот. В доиндустриальную эпоху как раз это определяло идентификацию в первую очередь. В данном отношении, несколько не оспаривая тезис С.В. Чешко о том, что в позднем средневековье организующую социум функцию выполняли скорее династические или религиозные компоненты, отмечу лишь, что пока не созрело индустриальное общество, идентификации этнокультурная, административно-государственная и религиозная были не иерархичны, но ситуативно взаимодополнительны.

Значительное место в выступлениях коллег занял вопрос об историческом времени развертывания процессов глобализации, ее культурных вариациях и, связанный с этим, вопрос о перспективах развивающегося культурного взаимодействия и взаимовлияния народов. Очень интересны наблюдения Д.М. Бондаренко о специфике этнонационального состава постколониальных государств, которые как бы унаследовали территории, изначально не строившиеся на этнической основе, и поэтому оказались полиэтническими. Д.М. Бондаренко видит в этом даже определенные преимущества, отмечая, что межэтническое взаимодействие может быть реальной перспективой постиндустриального человечества в построении гармоничного мира, где надэтнические нации могут постепенно превращаться в межэтнические образования, составляя вместе глобальную общемировую цивилизацию на базе федерации отдельных культур и локальных цивилизаций. Вместе с тем, он отметил и определенные сложности воплощения принципов действия европейских государств-наций на афро-азиатском пространстве, где организация социума всегда строилась на других принципах. И тем не менее, идеи строительства наций по образцу европейских держав нового времени продолжают насаждаться.

Вероятно, абсолютно точное копирование опыта европейских наций действительно едва ли применимо в специфической среде стран постколониального мира. Однако трудно представить возможность нациестроительства на иной основе, нежели принцип, сформулированный еще аббатом Сиейесом в годы Великой французской революции, когда на вопрос «что такое нация» был дан четкий ответ: «совокупность

объединенных индивидуумов, живущих под общим законом и представляемых одними и теми же законодательными органами» (*Sieyes* 1888: 31). Всякая попытка построить отношения в государстве на иной, моноэтнической, например, основе есть безнадежная архаика, возврат в доисторические времена, и оборачивается только насилием и кровью, что мы имеем, в частности, в случае с Украиной. Отмеченный коллегами некий ренессанс идеи национального государства в Европе под влиянием украинских событий все же вызван, думается, не стремлением к моноэтничности европейских государств, а конфликтностью, связанной с наплывом мигрантов с резко отличными культурными стереотипами.

Что же касается перспектив формирования гармоничных взаимоотношений в рамках будущей федерации культур и локальных цивилизаций, где этническое займет свое достойное место, то мне эта идея, конечно, очень симпатична. Как старинная мечта человечества, «когда народы, распри позабыв, в единую семью объединятся», она существует давно: достаточно вспомнить В.И. Ленина с его мыслями о грядущем сближении и слиянии наций, где он под слиянием понимал не пугавшее многих физическое перемешивание народов мира, но устранение всех и всяческих препон для свободного общения людей. Однако пока в складывающейся системе глобализма по-американски человечество от этого, к сожалению, слишком далеко.

О времени начала глобализационных процессов. Д.М. Бондаренко, конечно, правильно назвал период Великих географических открытий, плавно перешедший в колониальную эпоху. Такая трактовка начала глобализации дается и некоторыми зарубежными историками (См.: *Хелд* 2004: 493–501). Тот давний этап глобализации подготовил вступление европейских наций в индустриальное общество. Но сейчас, по существу, мы имеем дело с принципиально новой стадией развития, кардинально изменяющей многие параметры системы адаптации человечества в среде обитания, которая функционировала на индустриальной стадии. Какое воздействие новая стадия окажет на этнические культуры, которые, худо-бедно, но в индустриальные культуры были встроены – остается открытым вопросом, но поставить его, по-моему, нужно уже сегодня.

Важные замечания были высказаны также по поводу концепции мультикультурализма как перспективы построения отношений в глобальном мире. Неудачи мультикультурализма в Европе, по мнению С.В. Чешко, объясняются неумелым воплощением этой политики, сам же принцип мультикультурализма жизнеспособен. Я бы в данном вопросе отделил реальную мультикультурность подавляющего большинства современных государств от концепции мультикультурализма: как во многом справедливо показал Э. Балибар, на практике формальное признание равноправия культур привело к тому, что он назвал заменой расизма биологического на расизм культурный (*Балибар* 2003: 31–32). Ведь даже страны, где согласно проводимой политике мультикультурализма, мигрантам созданы наиболее благоприятные условия включения в местное сообщество, как, например, в Швеции, так и не смогли полностью вытеснить элементы «культурного расизма» (*Хелд* 2004: 374). Реальная же мультикультурность должна строиться только на основании равных прав для всех сограждан, живущих по одним законам. И этот великий принцип эпохи Просвещения актуальности не потерял. Многие государства мира, в том числе Россия, уже давно привыкли к его воплощению в практику отношений. Поэтому (и в немалой степени именно поэтому) национальное (но не моноэтническое!) государство своего предназначения как регуля-

тора межэтнических отношений еще далеко не исчерпало, ослабление же его, как уже явственно продемонстрировал мировой опыт, в условиях глобализации пока, увы, не приводит ни к чему иному, как использованию этнического фактора в чьих-то далеко не бескорыстных целях (Украина, Ближний Восток и др.).

Еще один из важных затронутых вопросов – в условиях, когда материальные атрибуты, окружающие человека, все более становятся единообразными, промышленно произведенными и видимой этнокультурной специфики не выражающими, что же должна изучать этнология? В самом деле, не джинсы же с кока-колой. С.В. Чешко считает, что тематика этнологии – это самосознание. Бесспорно. Но не только. Самосознание все же продукт рефлексии, то есть то на чем базируется рефлексия – это тоже сфера наших профессиональных интересов. А если это так, то область, где особенно сказываются этнокультурные различия – это восприятие мира. Это то, что П. Бурдьё обозначил термином «габитус». Мне кажется, что для задач этнологии здесь еще лучше было бы употребить термин, некогда предложенный Б.Х. Бгажноковым, но почему-то широко не употребляемый – *деонтика* (от греч. Деон – долг), под которым он понимает сферу социально одобряемого поведения, действительно, в разных социальных и этнических средах различающуюся. Но сохранение, независимо от социальной стратификации, общеэтнических оснований в этой сфере, или же их утрата – отслеживание подобной нормативно-ценностной динамики может послужить хорошим барометром исследования этнокультурных перемен.

Я полностью разделяю беспокойство Т.С. Гузенковой по поводу далеко не однозначного влияния англо-американской социальной антропологии на нашу отечественную научную традицию. При всем том, что наша классическая этнография действительно несколько упускала из поля зрения «антропологический ракурс» (если под этим понимать бытие и самоощущение носителей этнических культур на уровне личности), но, описывая в культурах этнически общее, наша наука все же стремилась не упускать из виду сочетание общего, особенного и единичного, видеть не только то, что отличает культуры, но и объединяющие их аспекты. Нынешний крен в сторону социальной антропологии такую научную задачу как будто игнорирует: исследовательское поле рассыпается на множество ничем не объединяемых фрагментов, социальных микрогрупп, нередко имеющих временное и ситуативное предназначение. Проблема, конечно, требует специального глубокого обсуждения, но все же позволю себе коротко сказать о ее понимании. Мне представляется, что антропологическое направление в науке чем дальше, тем больше начинает соответствовать целенаправленно атомистической социальной практике глобализма, где каждая группа оценивается, как справедливо отметил Т.С. Гузенкова, с позиции использования ее (группы) специфики в чьих-либо потребительских интересах. С науковедческой точки зрения, это ничто иное как подход, характерный для бихевиористской, чисто номиналистической, социальной практики. Европейская наука, долго придерживавшаяся иных постулатов, по-видимому, поддавалась этому глобальному «веянию времени». Понимаю, что такое суждение «походя», конечно, может выглядеть поверхностно-упрощенческим, вопрос, разумеется, заслуживает специального рассмотрения профессиональными этнологами и науковедами.

Вот основные мысли, навеянные нашим обсуждением. Главное его предназначение, хотелось бы надеяться, состоит в том, чтобы побудить научное сообщество к раздумьям над многими из этих весьма актуальных проблем этнологического / антропологического знания.

Литература

Sieyes 1888 – *Sieyes E. Que'est-ce que le tiers etat? / Societe de L'Histoire de la Revolution Francaise. Paris, 1888;*

Балибар 2003 – *Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос-Альтера, 2003;*

Хелд 2004 – *Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации. Политика, экономика и культура. М.: Праксис, 2004.*

Karlov V.V. Some remarks about the position of ethnoses and ethnic substance and their studies under the conditions of globalization.

The author observes the results of the current discussion, stresses on the most interesting and debatable positions, expressed by participants of the «the round table».

КАВКАЗСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 392.3

© *О.И. Брусина***СУДЬБА «ТУРКМЕНСКОГО КНЯЗЯ» КАК ОТРАЖЕНИЕ
ХАРАКТЕРА МОДЕРНИЗАЦИИ У СТАВРОПОЛЬСКИХ ТУРКМЕН
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА***

*Посвящается памяти
Асадуллы Идрисовича Суханбердиева,
создателя и руководителя на протяжении 20 лет
Общественной Организации «Ватан»
туркмен Ставропольского края*

На основе полевых материалов автора о судьбе «князя» Мусы-Аджи, рассматриваются процессы модернизации у ставропольских туркмен, которые в начале XX века были вынуждены переходить на оседлый образ жизни под давлением российского государства. В этот период формировалась новая элита, слой богатых скотопромышленников. Двойственность и своеобразие их положения заключается в том, что воспитанные в традиционной системе ценностей, они сумели интегрироваться в модернизированное российское общество, по сути, стали капиталистами. При этом они оставались лидерами в традиционной системе родоплеменных отношений внутри своей этнической группы, опираясь на достигнутое положение во внешней среде российских предпринимателей.

Ключевые слова: модернизация, элита, традиционное лидерство, ставропольские туркмены, социальное расслоение, российская государственность, родоплеменные отношения, межэтнические взаимодействия.

Согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., в Ставропольском крае проживает около 15 тыс. туркмен. Новые этнографические материалы об этой группе получены автором в ходе полевых исследований 2007, 2011, 2012 и 2013 гг. Были обследованы туркменские села Туркменского, Ипатовского, Нефтекумского, Арзгирского и Благодарненского районов Ставропольского края. Проводились опросы респондентов и экспертов, работа с архивными документами, с публикациями в местной прессе¹. Дополнительные материалы были получены из неопубликованной рукописи ставропольского туркмена – историка и этнографа И.Т. Токалова.

Брусина Ольга Ильинична – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: brusina@inbox.ru.

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, грант № 11-01-00045а и грант № 12-01-00235а.

Переход к оседлости и социально-экономические новации

На Юге России первые туркмены (*трукмены* в русской традиции XVIII – XIX вв.) обосновались в середине XVII века. Тогда более полутора тысяч семейств ушли в Северо-Западный Прикаспий, покинув под давлением хивинских ханов п-ов Мангышлак и прилегающие к нему степные районы, где прежде располагались их поселения (Бентковский 1869: 185). Туркмены продолжали прибывать в астраханские и ставропольские степные районы из закаспийских земель в XVIII в. и в начале XIX века. Они приняли российское подданство, и в 1825 г. в Ставропольской губернии было образовано Туркменское приставство. Огромная территория от р. Калауса на северо-западе губернии, до реки Кума на юго-востоке была выделена под пастбища туркмен, где племенные группы *суюнаджи* жили в долине реки Калаус, *човдуры* – по реке Маныч и Айгур, *игдыры* – по реке Кума. Эта территория получила название Туркменские степи. Пристав с двумя помощниками располагались на Летней и Зимней ставках (населенные пункты с этими названиями сохраняются по сей день), между которыми туркменские скотоводы совершали сезонные перекочевки.

С середины XIX века царская администрация стала прилагать усилия, чтобы сократить подвижность туркмен («перевести на оседлость») и изъять часть пастбищных угодий под земледелие для обустройства на этих территориях крестьян-переселенцев из центральных и черноземных областей России. Первые стационарные туркменские аулы стали образовываться с середины 1860-х годов, а по данным 1909 г. у ставропольских туркмен было уже 20 аулов, насчитывающих от 10 до 250 дворов (Прозрителев 1911: 148, 156). В результате отмежеваний пастбищные земли постоянно сокращались. Если в 1881 г. Туркменское приставство занимало 925 229 десятин земли, то на 1909 г. у туркмен осталось 783 604 десятины (Токалов 1976: 40).

Несмотря на усилия правительства, основная масса туркмен продолжала заниматься скотоводством (Тумаилов 1925: 6–7). В условиях сокращения пастбищ и поголовья скота обедневшие туркмены вынужденно отказывались от прежнего образа жизни, поселялись в стационарных аулах, но не становились земледельцами, хотя им была установлена норма землевладения в 30–40 десятин на душу мужского пола. Среди бедноты распространилась массовая практика сдавать крестьянам-переселенцам в аренду свои наделы. Хотя цены на землю в этот период сильно поднялись, туркменам часто доставалась лишь малая часть рыночной цены. Они сдавали в аренду русским крестьянам участки под распашку за 1/3 – 1/5 долю урожая (Курбанов 1995: 100). Уровень жизни осевших туркмен был крайне низкий, смертность у них превышала рождаемость, в то время как у кочевавших скотоводческих групп по-прежнему наблюдался прирост численности. У непривычных к оседлой жизни туркмен было отмечено антисанитарное состояние жилищ, резкое понижение качества пищи, среди них распространялись инфекции (Ярхо 1931: 256; Тумаилов 1925: 5–6). Они не привыкли пользоваться русской печью, которой власти оборудовали дома в аулах, поэтому комнаты зимой часто не отапливались, обычны были случаи отравления угарным газом (Прозрителев 2011: 583–584). Отсутствие медицинского обслуживания вызвало в 1910-х годах тяжелейшие эпидемии.

В эти годы, особенно в период Первой мировой войны, численность туркменского населения перестала увеличиваться, с 1901 по 1915 годов она сохранялась на уровне 15,5–16 тыс. человек (Василенко 1980: 17), сократилось поголовье скота и посевные площади (Тумаилов 1925: 8).

Усилилось социальное расслоение, сформировался слой туркмен, которые сумели адаптироваться к капиталистическому способу производства. В начале XX века, это выражалось в вовлечении элиты этой группы в орбиту российского капитализма, некоторые продукты домашнего промысла получили товарный характер (Токалов 1976: 24). К требованиям российского рынка стали приравниваться богатые скотоводы: они сотнями гнали лошадей, крупный рогатый скот, овец на ярмарки. Туркменские лошади славились далеко за пределами Туркменских степей. Даже кабардинцы, славившиеся своими лошадьми кабардинской породы, высоко ценили туркменских лошадей и не раз брали их для разведения. Так, в 1897 г. кабардинец Томат Коцев купил 80 маток на племя, а Муса Эшейаджиев в 1907 году подарил кабардинцу Аубекиру Лафишеву двух жеребцов-производителей. В начале XX века туркменские коневоды становятся ведущими скотопромышленниками, поставляющими скот на базары Моздока, Тифлиса, Ставрополя и других городов. Это – народный голова а. Кумы Исса Бекешаджиев, Бегджан Эфендиев, Эшей Аджиджи Беркилиев, Муса Эшеаджиев, Назар Дебулатов и другие (ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 2376. Л. 19).

Российские землеустроители, проводившие обследование туркменских земель с целью выделения участков русским крестьянам по запашку, утверждали, что большая часть надельной земли попадала в руки местных богачей, которые по традиции «опекали» бедноту. Они за малые деньги собирали паи осевших туркмен, пересдавали их крестьянам-землепашцам по рыночной стоимости и таким образом получали доход. При этом члены землеустроительной партии отмечали огромное влияние на жизнь своих соплеменников богачей. Они отлично владели русским языком и имели деловые отношения с русским населением (РГИА. Ф. 396. Оп. 4. Д. 774. Л. 17, 32 об., 38). Той же позиции придерживался в 1925 г. и ставропольский туркмен, позднее деятель КП Туркменской ССР М. Тумаилов, который писал, то «туркмены вследствие векового уклада жизни к новой обстановке приспособиться не могли и свои надельные участки отдавали в аренду муллам и богачам за низкие цены на несколько лет, а те перепродавали их соседям, зажиточным русским или крупным арендаторам за высокие цены» (Тумаилов 1925: 6–7). Однако в народных преданиях отсутствуют какие-либо сведения о подобных фактах, о местной элите сохранились самые теплые и уважительные воспоминания. Учитывая сложную структуру родоплеменных отношений у ставропольских туркмен, вряд ли стоит однозначно, с «классовых позиций» оценивать деятельность богатых туркмен, которые являлись родовыми и племенными лидерами и, с одной стороны были ответственны за своих соплеменников, а с другой – опирались на них.

Согласно заключению И.Т. Токалова – историка и местного жителя, понимающего ситуацию «изнутри», – «в силу развитых родоплеменных связей у ставропольских туркмен в конце XIX – начале XX века не сложились замкнутые классовые сословия. В общественном сознании туркмен их общество делилось не на классы, а на роды и племена. Это, несомненно, заглушевало классовые противоречия внутри туркменского общества» (Токалов 1976: 42). До ухода туркмен из Закаспия у них была развитая сословно-иерархическая структура свойственная восточным государственным образованиям, которая частично могла совпадать с родоплеменной: управляли ханы, их помощники сердары, нукеры (военные вожди, всадники) собирали войско, охраняли хана, воевали с неприятелем, бекам принадлежала административная власть, были баи – богачи, а также, орта-дайхане – скотоводы-средняки, дайхане – крестьяне вообще, гарыпы – бедняки-скотоводы и др. (см., напр.: Кадыров 2003: 48–57; Кадыров

2010: 137–185). С принятием русского подданства сословное деление, как компонент прежней государственности, потеряло свое значение, на первый план вышли традиционные пахриархально-родовые институты, которые легли в основу общественных отношений и на которые российская власть опиралась, вводя выборные должности и звания: «головы», казначея, старшин, аксакалов, «выборных», а также кадиев (судей) (Щеглов 1910: 125; Прозрителев 2011: 580, Фарфаровский 2011: 251).

«Длительное же существование родоплеменных отношений объясняется условиями политической жизни туркмен: отсутствие своего государства заставляло племя, а иногда и род принимать на себя функции защитника племенной или родовой собственности» (Токалов 1976: 38–40). По словам современных жителей туркменских аулов, общинами управляли родовые и аульные старейшины, которые наиболее важные решения принимали на своих советах *маслахадах* (ПМА 1).

Это подтверждается архивными материалами и данными на начало XX века. За два года до образования Туркменского Привставства (в 1823 г.), по донесениям Главному каранайскому и трукменскому приставу П.В. Балуюеву «Сунджаджиева», «Чавдырова» и «Игдырова» «родов» в каждом из них действовали старшины, обязанные исполнять «все возложенные на них от начальства порученности и дела, касающиеся до службы Его Императорского Величества». «Обязанность» старшин передавалась туркменами от отца к старшему сыну «по обычаю предков наших, до тех пор, пока выбранный нами вместо отца старшинский сын не будет замечен в каком-либо худом положении». Старшины руководили отдельными «родами», на которые подразделялось каждое из трех крупных племен («обществ» или «родов», согласно документам), других административных должностей, согласно донесению, не было, не считая духовных лиц: мулл, кадыев (судей по шариату), афенди [толкователей норм] (ГАСК. Ф. 249. Оп. 3. Д. 1508. Л. 57–61 об.).

Система местного управления «по народным обычаям» без особых изменений сохранялась вплоть до Советской власти. Каждый род, на которые делились племена, или оседлый аул имел своего старшину (который был посредником между обществом и местным приставом) он получал в год по 240 руб.; также избирались обычно на 3 года аксакалы, принимавшие решения на *маслахадах*, в том числе в качестве третейских судей, их жалование составляло 84 руб.; существовал и всенародно избираемый «голова» с содержанием 360 руб. (Щеглов 1910: 122, 125, 146; Фарфаровский 2011: 251). Как отмечает И.Л. Щеглов, даже у поселенных оседло в аулах туркмен «полной волостной организации у них пока еще нет». (Щеглов 1910: 146;). Хотя Г.Н. Прозрителев пишет, что по положению об управлении туркменским народом, полагался голова, влияние которого «было огромным и рядом с ним вырастал казначей» (Прозрителев 2011: 580), ни у одного из этих авторов, не говоря уже об опрошенных информантах, не удалось обнаружить никаких упоминаний о том, кем был «голова» – ни персонально, ни по этнической или племенной принадлежности, какие функции реально выполнял. Возникает мысль, что это была некая формальная или весьма дистанцированная от системы народного управления должность, поскольку, исходя из имеющихся данных, трудно себе представить, что какое-либо из трех племен согласилось подчиниться представителю другого.

Вместе с тем, социальное расслоение повлекло за собой формирование новой прослойки богатых скотоводов, которые наращивали своего рода клановые связи между собой. Богатые семьи роднились через браки, тем самым сохраняя в семье и

приумножая свое состояние. Так, два богатых рода Патма и Джума поженили своих детей – родителей Абида Дангатаровны (ПМА 2, Джанаева). Среди баев, в отличие от небогатых туркмен, были нередки родственные браки – между двоюродными или троюродными братьями и сестрами. Мать и отец Абида Масонедовны (ПМА 3: Пирмухамедова) были родственниками, их родители, «поменялись детьми для брака, так как и те, и другие были очень богатые и не хотели, чтобы добро ушло из их рода». Ее бабушка и дед (по отцу) Джанибековы жили в Сабан-Антуста, были баи, держали 100 баранов, 500 коров, 200 коней, нанимали батраков. Традиция родственных браков сохранялась и в советское время: сама Абида Масонедовна вышла замуж в 1950 г. за троюродного брата.

Муса-Аджи – традиционный лидер, или капиталист-предприниматель?

В ходе полевых исследований автором были собраны предания – зачастую, надо полагать, сильно мифологизированные – о богатейшем туркмене Мусе-Аджи, который в начале XX века был известен не только среди ставропольских сородичей, но и среди других групп населения. Его имя фигурирует также в архивных документах. На основе рассказов старожилов о нем опубликованы материалы в прессе и в Интернете². Эти материалы дополняют известные сведения о развитии социальных и внутриэтнических отношений у ставропольских туркмен, проследить, как менялось скотоводческое общество под влиянием российского государства и капитализма.

В литературе почти не встречается сведений о выдающихся туркменских лидерах и предпринимателях, вокруг которых группировалось множество простых туркмен и представителей других народов в качестве работников, обслуживающего персонала и т.п. Упомянутый в архивных источниках в ряду известных скотопромышленников Муса Эшеаджиев, Муса Эшейаджиев – один и тот же человек, о котором ставропольские туркмены помнят до сих пор. Он приходился сыном другому упомянутому скотоводу Эшей Аджи Беркилиеву. Именно о Мусе у жителей Ставропольского края сохраняются предания, его называют «туркменским князем» Муса-Аджи Эшеев или Ишеев, Беркалиев. Он происходил из племени човдур и покровительствовал всем ставропольским туркменам.

Предания о Мусе-Аджи подтверждают важную мысль И.Т. Токалова о том, что родоплеменные отношения в туркменском обществе играли важную роль, при этом сословные различия не перерастали в классовое противостояние (Токалов 1976: 38–40), они являлись основой для формирования и развития внутриэтнических связей на основе родства с племенным лидером как центральной фигурой, патриархом – по типу патрон и его клиенты.

Как следует из одного архивного документа, по закону на переход к оседлости требовалось добровольное согласие местного населения, условием получения которого стала сдача больших массивов земли в аренду скотоводам на 10 лет на особо льготных условиях. Был определен участок на степной равнине Ставрополя размером 109 тыс. десятин и выработаны льготные условия аренды. В 1914 году постановлением Губернского землеустроительного совещания частным коневодам из туркмен (Мусе Аджеву, Исе Беркилиеву и другим) были предоставлены в аренду казенные земли. За пользование ими была установлена символическая плата по 4-10 копеек за десятину в год, тогда как с торгов в это время казенные земли («оброчные статьи») сдавались от 3,20 до 10,20 рублей в год (ГАСК. Ф. 37. Оп. 1. Д. 16. Л. 16 об.–17).

Согласно «Посемейно-имущественному списку общества трухмен чавдурова рода» за 1886 г. (ГАСК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1959. Л. 49 об. – 50), в то время жили четыре богатых брата Джамбулатовы (сыновья Джамбулата). Беркели Аджи, 67 лет, имевший сына Иссу, 9 лет, владел 1305 лошадьми, 46 верблюдами, 81 головами крупного и 911 мелкого рогатого скота; Эшей Аджи, 57 лет с сыном Муссой, 12 лет, имел 85 верблюдов, 852 лошади, 105 крупного и 1313 мелкого рогатого скота; Шали, 50 лет с сыном Хабибом, 12 лет имел 23 верблюда, 255 лошадей, 25 крупного и 355 мелкого рогатого скота и Назар, 35 лет с сыном Аджи Ахметом 20 лет имел 47 верблюдов, 393 лошади, 35 крупного и 342 мелкого рогатого скота.

По данным на начало XX века из 49 самых богатых туркмен, имевших более 20 лошадей крупнейшими табуновладельцами были: Муса Эшей Аджиев с табуном в 1115 голов, и Иса Беркли Аджиев – с 1250 (*Курбанов* 1995: 99). Эшея, отца Мусы, Г.Н. Прозрителев, называет «легендарным богачом», богатство которого создавало ему влияние, он «играл роль короля среди своего народа». (*Прозрителев* 2011: 580). И.Л. Щеглов писал, что в хозяйстве Мусы Ишеева насчитывалось 1270 лошадей, 409 верблюдов, 716 крупного рогатого скота, 7 338 овец, 137 коз (*Щеглов* 1910: 167). Это был единственный туркмен, в ауле которого было более 1000 лошадей, у следовавшего за ним по численности табуна владельца было менее 500 лошадей, еще в трех аулах – по 200–300 лошадей (*Щеглов* 1911: 6, 22).

По преданиям (ПМА 4: Токтаниязов; ПМА 6: Стрекалова; ПМА 7: Суханбердиев и др.), владения Мусы-Аджи и его младшего брата Исы-Аджи, простирались от Летней ставки до Зимней – 200 км в длину. Принадлежавший им скот пасся на территории нынешних Нефтекумского, Арзгирского, Туркменского и Левокумского районов. Кочевали с табунами от Летней к Зимней ставки, и если выстроить все табуны в линию по одному коню, то они занимали всю дорогу от Летней к Зимней. Владения включали и пашенные участки земли, на которых выращивались зерновые культуры, в основном для скота. Судя по воспоминаниям местных жителей, владения, формально принадлежавшие каждому из братьев, управлялись сообща под руководством старшего Мусы-Аджи, которого вспоминают не только как «князя», но и как «предводителя» туркмен.

Свою ставку «Муса-Аджи» (впоследствии Приозерское), «князь» организовал в 1913 году. Сначала там жили одни туркмены, а затем стали селиться и русские. В 1916 г. Муса построил там сохранившуюся до сих пор кирпичную усадьбу (дата строительства была выбита и видна на стене). Дом, сделанный в «восточном стиле», состоял из 10 комнат для гостей и зала, с башней наверху, откуда мулла произносил по утрам молитвы. На каждом из четырех углов дома резьбой по камню арабскими буквами выполнены суры из Корана. По рассказу одного из первых поселенцев Приозерского, бывшего приказчика Алексея Никитовича Жигалкина (В краю 2006), сам «князь» в доме не жил. Посреди двора стояла его юрта в золотом украшении и дорогих коврах. У Мусы-Аджи было несколько жен. Мать одного из старожиллов нянчила его детей, они почему-то доживали только до шести-семи лет и умирали (В краю 2006; ПМА 4: Токтаниязов). Родственница богатого скотовода Гелендыка из Сабан-Антусты, который дружил с Мусой-Аджи, помнит, что у Мусы был приемный сын Ахмет, который взял в жены дочь Генендыка (ПМА 3: Пирмухамедова).

В ста метрах от дома Мусы стоял кирпичный дом его брата Исы. Жители Приозерского и других сел рассказывают, что два дома братьев соединялись подземным

переходом, вырытым в рост человека. Говорят, что подземные ходы были такие широкие, «что верховой на коне проезжал». В случае опасности, например, при набегах горцев, братья всегда могли прийти друг другу на помощь и укрыть здесь свои семьи. По другой легенде, подземный ход тянулся на несколько километров до основанного Мусой села Турксад – и в этом подземелье могли скрыться не только люди, но и табуны лошадей (ПМА 7: Суханбердиев; ПМА 4: Токтаниязов).

Рядом с усадебным домом стояли мазанки для работников, слуг и приезжих торговцев. По воспоминаниям старожилы Т.И. Шарова (В краю 2006), его бабушка го-

Рис. 1. Усадебный дом Мусы-Аджи, ныне в здании находится церковь, с. Приозерское, Левокумский р-н, Ставропольский край (фото автора, 2011 г.).

товарила обеды для многочисленных купцов, заезжавших к князю по случаю покупки скота. Были лавки, где торговали мукой, маслом, керосином. Здесь же располагалась аптека, маслозавод, мельница. Оборудование для мельницы и маслобойки Муса привез из Франции. Когда в это село стали переселяться русские, Муса построил для них церковь.

Поскольку местность была безводная, здесь искали подземные источники, чтобы поить скот. На средства Мусы выкопали глубокие артезианские скважины. В одном месте вода под напором ударила фонтаном. Чтобы она зря не разливалась, на нескольких гектарах разбили прекрасный фруктовый сад с яблонями, грушами, сливами, абрикосами, персиками, которые растут и поныне. Рядом с туркменским садом (отсюда название села Турксад) с чистой артезианской водой начали селиться люди.

Кроме описанного усадебного дома, у Мусы-Аджи, по рассказам, были дома в Ржеве, Могилеве и Петербурге. У него появился едва ли ни первый на Ставрополье автомобиль – Руссо Балт, говорят, что его даже арендовал губернатор. Было два водителя – русский и француз. Позднее без надлежащего технического ухода машина вышла из строя и была переоборудована под конную тягу (ПМА 7: Суханбердиев и др.).

Вероятно, родственником Мусы был богатый бай-скотовод Дангатар, по прозвищу Шангрык. Полагаю, что значение прозвища здесь не суть важно. После женитьбы на девушке из а. Эдельбай, тоже из очень состоятельной семьи, он обосновался в Турксаде, а потом основал село Шангрык – родовое имение в Арзгирском районе (ныне хутор Садовый). Его дочь жива и рассказала автору статьи о быте богатой семьи: помимо всего, у них было несколько пар верблюдов и несколько экипажей. Мама по делам и в гости ездила на своей повозке. А дочерям, незамужним девушкам, не положено было разъезжать одним, для них вместе с няней снаряжали отдельный экипаж (ПМА 2, Джанаева).

Муса был известен всему краю. Рассказывают, что однажды Муса и Иса поеха-

ли в Моздок с водителем и телохранителем. Пошли в чайхану, там сидели богатые люди – татары, ногайцы. Возник спор, они говорят вошедшим: «У нас много денег, можем всех накормить, у нас 40 тысяч голов овец, табун 10 тысяч лошадей, коров 10 тысяч». А Муса с виду – невысокого роста, неказистый. Его спрашивают: «Кто ты такой?». А он говорит: «У меня только пастушьих собак столько, я туркмен Муса». А те отвечают: «Да, есть такой, мы извиняемся» (ПМА 4: Токтаниязов).

В 1917–1918 гг. Джумакай, дед нашей собеседницы (ПМА 5: Казмухаметова), жил в Турксаде. «Однажды вечером пошел гулять к дому Мусы-Аджи. В доме был только сам хозяин, навстречу вышел охранник Пирей, который там жил. В это время банда напала на дом, а там золото, шерсть, шесть стволов оружия. Муса отстреливался, пока не закончились патроны. Бандиты спрашивают у него: “Где Муса?”. А он отвечает: “Я – Иса, а Муса уехал”. А в другой комнате лежат оружие и кинжалы. Среди бандитов были кумыки, а Муса знал кумыкский язык, он там учился: ему было 18 лет, когда он учился у кумыков, его туда направил отец – бай Эшей. Позднее Муса провел воду кумыкам. В Кумыкии узнали об этом добром деле, выходцы оттуда стали его охранниками, а один кумык – муллою. Среди кумыков был знакомый Мусы – Элхайтыр. Один из бандитов оказался его сыном, Муса узнал его, они между собой переговорили. Этот человек подтвердил, что перед бандитами – Иса, а Муса, сказал он, если придет, нас убьет. Грабители захватили мешок золота и ушли. На следующее утро Муса стал искать банду, узнал их имена и посадил в тюрьму. В 1918 г. во время революции их отпустили».

Муса-Аджи был гордым и эрудированным человеком, совершил хадж в Мекку. Предположительно он исполнял важную должность, по одной версии, старшего смотрителя, по другой – представлял интересы туркмен перед губернатором, говорят даже, что якобы он был депутатом от Туркменского приставства чуть ли не в 4-й Госдуме 1912 г. (ПМА 4: Токтаниязов; ПМА 7: Суханбердиев).

Муса разводил породистых скакунов лучших туркменских пород. Лошадей у него покупали северокавказские горцы, в основном кабардинцы. Иногда предпочитали платить золотом, которое среди степняков в то время редко служило платежным средством – в ходу были бумажные деньги. Золотые изделия и посуда складывались в сундуки, драгоценными вещами играли дети из семей Мусы и Исы (В краю 2006).

Упомянутый родственник Мусы бай Гелендык также разводил лошадей, гонял табуны к карачаевцам, делал кумыс, который отправлял солдатам царской армии (ПМА 2, Джанаева).

Во время Первой мировой войны Муса-Аджи снабжал верховыми лошадьми российскую армию. Скакунов гнали в Ростов, где офицеры выбирали лучших, но Муса строго наказывал своим людям, чтобы перед передачей в армию животных кастрировали и они не смогли бы дать потомства. Кони были настолько хороши и поставки шли в таком количестве, что туркменский «князь» был известен при дворе в Петербурге и лично знаком с царем. Николай II пожаловал ему китель (сюртук, мундир) со своего плеча, который Муса надевал в торжественных случаях. Есть легенда, что, имея личную связь с царем, Муса однажды попросил у него разрешения на то, чтобы пол в своем кабинете выложить золотыми царскими монетами. На что Николай II сказал, что это можно, но только попросил сделать выбор, какой стороной класть (по **чему** будут ступать ногами): орлом

(российским гербом) или решкой (портретом царя). На что Муса ответил, не задумавшись, «я ребром выложу» (ПМА 7: Суханбердиев; Политический форум).

Утверждают, что все знали Мусу-Аджи как доброго, хорошего человека. Он давал коней путникам, помогал бедным туркменам, бесплатно перемалывал для них зерно на мельнице, платил за них налоги. Пастбища «предводитель туркмен» использовал для себя и для своего народа, за его скотом ухаживало множество людей. Для туркмен он сделал много хорошего, в частности, в тяжелые годы, когда люди утрачивали средства к существованию, он давал им работу. В качестве пастухов, других работников и обслуживающего персонала у него трудились около 1500 чел., не только туркмен, но и русских, представителей других народов. Подчиненные уважали его за отзывчивость и доброту (ПМА 7: Суханбердиев; В краю 2006).

По убеждению информантов, именно он «откупил» российских туркмен от службы в армии. За каждого несостоявшегося солдата, который ушел бы служить и попал на войну, он отдавал по несколько ахалтекинских коней. Якобы, Муса написал Николаю II прошение с просьбой не брать на войну туркмен, ушедших в свое время с Мангышлака, так как их мало – чтобы они сохранились как народ. Вместо призыва в армию людей, он обещал отдать годичных жеребят своего табуна, который был настолько велик, что никто не знал его численности. Сделка была подтверждена, и царь издал указ, после которого людей вернули, в частности, был такой Балды Елболдыев, которого взяли на войну, а после указа возвратили домой (ПМА 5: Казмухаметова; ПМА 7: Суханбердиев).

Сомнительно, что такое могло быть в реальности, поскольку, по действовавшим в тот период российским законам, мусульман Кавказа и Средней Азии в армию не призывали, служба для них была заменена специальным налогом. Впрочем, их могли призвать на тыловые работы, также существовали иррегулярные конные соединения, в состав которых на добровольной основе могли записаться представители исламских народов Кавказа (Русская имперская 2011) – но остается открытым вопрос, в какой мере тогда соблюдался принцип добровольности.

Советская власть в селе «Муса Аджи» была установлена в январе 1918 г., все богатства «князя» подлежали экспроприации, национализации и разделу между крестьянами. Муса в возрасте 38 лет в 1918 г. покончил с собой (по другой версии был отравлен). Есть легенда, что в ноябре 1918 г. Муса устроил на кургане огромный пир по случаю праздника Курбан-байрам. В курган были уложены емкости с золотом, сделано пожертвование и после этого он выпил яд. Курган этот ищут до сих пор (ПМА 4: Токтаниязов; ПМА 7: Суханбердиев и др.). Говорят, что в нескольких километрах от с. Зимняя Ставка есть кошара – между собой чабаны-дагестанцы это место называют Муса-мечеть. Там расположен курган, на котором, по их утверждению информантов, раньше стояла мечеть, построенная по распоряжению Мусы, где он наказал себя похоронить (Политический форум).

В начале 1919 года село Муса-Аджи было захвачено белогвардейцами. По рассказам местных жителей, в годы Гражданской войны огромные табуны породистых лошадей оказались бесхозными и еще долго бродили по ставропольским степям, погибая из-за отсутствия корма (ПМА 7: Суханбердиев).

Дети Исы-Аджи, а, возможно, и Мусы эмигрировали в Европу, далее – в Америку. Усадебный дом стоял пустым. Народная молва гласит, что большевики хотели его снести, но один туркмен, близкий к Мусе, сказал, что не стоит этого делать. Его по-

просили перевести надписи арабской вязью на углах дома и он, не растерявшись, перевел: «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» (ПМА 7: Суханбердиев). В 1925 г. в доме открыли фельдшерский пункт и начальную школу. Потом дом превратили в магазин, одно время там был и сельсовет, а в 1992–1993 гг. его опять хотели разрушить, но народ воспротивился, и здание передали под христианский храм, который существует доныне.

В конце 1960-х годов в с. Приозерское из Франции приезжала женщина. Она представилась дочерью Мусы и хотела посмотреть на родовую усадьбу (ПМА 6: Стрекалова). В 2012 г. на доме усилиями руководителя общества «Ватан» А.И. Суханбердиева поставили мемориальную доску в честь Мусы-Аджи. Сохранился и дом, в котором жила одна из жен князя, а также построенная Мусой мельница. Не так давно, не видя в нем исторического памятника, разрушили соседний дом брата Исы, в котором долгое время был Дом культуры, а сейчас от него остался лишь фундамент.

* * *

Из многочисленных рассказов вырисовываются не только колоритный образ «туркменского князя», скотовода-кочевника по воспитанию и предпринимателя-капиталиста по характеру, но и особенности социальной жизни этнической группы ставропольских туркмен.

Будучи из семьи богатого скотовода, Муса получил во владение (на 10 лет) огромные территории – значительную часть тех пастбищ, по которым совершало ежегодные перекочевки большинство ставропольских туркмен.

Не вызывает сомнения, что казенные земли чиновники выдавали в аренду не тем, кого можно было бы назвать «частными предпринимателями», а признанным авторитетам российских туркмен – ведь это было условием оседания в дальнейшем группы в целом. Арендаторами были туркменские лидеры, занимавшие, согласно системе традиционных отношений, высшие ступени в социальной иерархии, построенной по родоплеменному принципу.

Родоплеменная структура подвижных скотоводов подразумевает не равенство отдельных семей и родственных коллективов, а их сложную внутриплеменную иерархию. На практике формировалась система субординации на основе старшинства более сильных, богатых и продвинутых родов, по аналогии со старшинством внутри каждого рода и семьи. При этом сохранялось осознание родства всех членов сообщества, но между семьями и родами устанавливались отношения, строящиеся по принципу возрастной иерархии: старшего (большого) и младших братьев, отца и сына. Такой тип отношений принимается всем этническим сообществом, что подтверждается материалами о Мусе-Аджи.

Получив во временное владение земли, Муса распоряжался ими как предводитель туркмен. Он с братом не разделяли скот и пастбища, формально принадлежавшие каждому из них, а сообща владели ими как члены большой семьи – под явным руководством старшего. Муса демонстрировал ответственность за всех своих сородичей и действовал в интересах всего народа, по крайней мере, таким он показан в описаниях потомков. Он представлял свой народ и защищал его перед властью, организовывал жизнь туркмен на подчиненной ему территории, платил за них налоги, давал им работу, предоставлял коней, питание, жилье – не просто в качестве

нанимателя батраков, а как старший родич, как предводитель, радеть о своих соплеменниках. Именно так к нему относились простые туркмены, в таком качестве он сохранился в народной памяти.

Что касается родоплеменного деления туркмен, то, вероятно, основу своего влияния Муса находил у своих соплеменников – из племени *човдор*. Хотя на этот счет нет прямых свидетельств, косвенно такое предположение подтверждается тем, что предания о «князе» гораздо больше распространены ныне в аулах с преобладанием човдоров, не только расположенных в районах бывших зимний кочевий, где был аул Муса-Аджи – в Озек-Суате, Уллуби-Юрте, – но и в двухстах верстах от него, севернее Летней ставки – в Юсуп-Кулаке. Менее он популярен в аулах с иным племенным составом, например в Шарахалсуне, где большинство составляют *союнаджи*.

Но все же Муса-Аджи позиционируется, прежде всего, как предводитель всех ставропольских туркмен. Его высокий статус в традиционной социальной иерархии обусловлен его личной деятельностью, богатством и влиятельными связями с губернской и государственной властью. В этом видится влияние российской государственной системы и развивавшейся капиталистической экономики на этносоциальные отношения в туркменском обществе, которое затронули процессы модернизации. Местная модель отношений с государством предполагала формирование единой общности ставропольских туркмен. При предоставлении туркменским предводителям казенной земли вряд ли учитывались племенная, а тем более родовая принадлежность будущих владельцев. Российские чиновники рассматривали туркмен как целостную группу «трухменцев», и для них было важно, чтобы получатели земли имели авторитет и влияние среди своего народа.

Муса эту модель воспринял, приняло ее и общество. Неизвестно, были ли Муса и его отец Эшей племенными лидерами. Но благодаря обретенному богатству и влиянию, Муса получил неофициальный высший статус, прозвище князя и стал представлять всех ставропольских туркмен, оказался их предводителем – по крайней мере, в глазах значительной части туркмен и, вероятно, всего окружающего нетуркменского населения.

Именно размеры богатства Мусы и то, как он им распорядился, предопределили старшинство достаточно молодого по возрасту «туркменского князя». То, что появился не племенной, а этнический лидер, и то, что свой статус он получил не столько по наследству и «старшинству крови», а в большей степени по имущественному критерию и личной деятельности, явилось новациями для традиционной социальной системы, которая таким образом адаптировалась к новым тенденциям в экономике ставропольских туркмен, к взаимодействию с российской властью. Именно Мусу российские власти признали представителем туркмен. Сам же народ увидел в нем лидера, поскольку его богатство использовалось в интересах всех туркмен (по крайней мере, так это интерпретировалось): у многих появилась работа, была развернута инфраструктура, получены новые источники воды, за туркмен платились налоги в казну, людям оказывалась материальная поддержка.

Кем Муса осознавал себя сам: капиталистом-предпринимателем или традиционным лидером, может быть, приблизился к роли хана?

Муса вместе с братом сумел организовать хозяйство и жизнь своей семьи едва ли не по последнему на тот период слову техники. Возвел кирпичные дома, обустроил резиденцию как развитый поселок городского типа с современной по тем временам

инфраструктурой, выписав для этого французское оборудование, соорудил артезианские скважины, разбил орошаемые сады, стал в губернии первым автовладельцем. Он действовал как капиталист-предприниматель, нанимая и организуя огромный по тем масштабам штат работников, успешно ведя торговлю с широким и разнородным кругом клиентов – и с северокавказскими горцами, и как поставщик коней для российской армии. Распространив свою деятельность далеко за пределы родного края, он приобрел дома в нескольких ведущих российских городах, выезжал по делам за границу в Европу.

Вместе с тем, воспитанный в традиционной системе ценностей, Муса выступал в роли покровителя и предводителя своего народа. В его модели хозяйствования немалое место занимала классическая для этнографии *престижная экономика*. Во многом для престижа были построены красивые каменные дома, поскольку наличие юрты во дворе показывает, какое жилище в действительности предпочитали хозяева. Накопления в виде золота хранились в сундуках, драгоценным металлом богато украшалось жилище и бытовые предметы. Средства расходовались для помощи соотечественникам и поддержания своего статуса: устраивались массовые пиршества, оказывалась безвозмездная (по крайней мере, не требующая непосредственной отдачи) помощь – вплоть до того, что Муса взял на себя уплату налогов за большую часть, если не за всех туркмен. Очевидно, что он чувствовал себя лидером народа и стремился нарастить и укрепить свой авторитет и влияние.

В принципе, речь могла бы идти о властных амбициях, однако нет свидетельств, что Муса добивался подчинения, власти над народом любой ценой, или того, что он пользовался своим влиянием как хан, правитель. Все-таки он оставался лидером в системе родоплеменных отношений, которая предполагала выдвижение на иерархическую вершину равного по крови, но «лучшего среди равных», выдающегося и авторитетного соплеменника, которому как «большому отцу» или «старшему брату» делегировались добровольно полномочия если не предводителя, то представителя высшей местной власти. При этом его возраст уже не имел решающего значения.

Сам Муса нуждался именно в такой модели отношений, во многом благодаря ей функционировало все его хозяйство. Поддержка народа выступала как потенциальная сила, способная охранять его лично и его родню, а также его несметное имущество от разграбления и набегов горцев. Только уважительное и доброжелательное отношение соотечественников могло обеспечить сохранность многочисленных табунов и стад, пасущихся на территории, изначально принадлежавшей всем туркменам. Видимо, осознание, что все богатство это – коллективная собственность, переданная в управление одному выдающемуся человеку, частично присутствовало и у простых туркмен, и у самого Мусы. Нет упоминаний того, что у «князя» было свое сколь-нибудь значительное войско, причем даже его охранники лишь едва фигурируют в народных преданиях – вероятно, их число и значение были невелики.

В то же время, многократно повторяющиеся сообщения о том, что была построена система подземных ходов, куда могли спрятаться в случае набега не только люди, но многочисленное поголовье дорогих коней, показывают, что Муса предпочитал не воевать и обороняться, а налаживать миролюбивые соседские отношения, порой, вероятно, откупаться, иногда прятаться или спасаться бегством. Причем такое поведение выглядело не как слабость, а как хитрость и смекалка – это было возможно в том случае, если он опирался на авторитет всего народа.

Сам факт гибели Мусы свидетельствуют о том, что этот человек, видимо, не мыслил своей жизни вне системы отношений и ценностей, воспринятой в детстве – той внутриэтнической иерархии, в которой он занял самую высокую позицию. Утрата богатства вследствие большевистской экспроприации означала не только потерю личного статуса, но могла трактоваться как крушение всей сложившейся системы отношений, невозможность защитить свой народ, за который «князь» нес ответственность, видимо, не только перед людьми, но и перед собой. Он предпочел не отъезд за границу, как его родственники, а почетные похороны, с предвосхитившим их грандиозным пиром в кругу соплеменников. Это способствовало тому, что он остался народным предводителем и героем после кончины.

Двойственность и своеобразие образа Мусы заключается в том, что это степняк-скотовод по духу и воспитанию, который сумел не только адаптироваться, но и интегрироваться в модернизированное российское общество, по сути, стал капиталистом. При этом он стал предводителем этнического сообщества, ведущего в целом традиционный образ жизни, опираясь на достигнутое положение во «внешнем мире» – в государстве, в его экономической системе. То есть этот человек с успехом придерживался двух совершенно различных моделей поведения и отношений: одной – внутри своего этноса, как «человек традиционной системы», а другой – на общероссийском пространстве, как предприниматель. Это соединение выглядит вполне органично и демонстрирует принципиальную возможность совмещения капиталистического характера хозяйства и традиционной социальной организации на основе родоплеменных отношений. Переориентация скотоводческого хозяйства на капиталистические рельсы не подорвала сложившуюся истари внутриэтническую социальную систему, а организовала ее с некоторыми новациями, выдвинув лидера, причем не по возрасту или происхождению, а по имущественному положению и предпринимательской активности, при этом внутриплеменная солидарность уступила место общезнаковой, что способствовало укреплению группы.

Примечания

- ¹ По итогам полевых исследований написаны брошюра и статья (*Брусина 2008* и *Брусина 2012*).
- ² Так, близкие старожила с. Приозерское учителя местной школы Тимофея Ивановича Шарова хорошо знали семейство Мусы Аджи. Дед долгое время работал у него кучером, а бабушка – поварихой. Отец другого русского старожила работал у Мусы в Приозерском водителем. (См.: В краю 2006; *Варданян 2011*; Политический форум).

Список сокращений

ГАСК – Государственный архив Ставропольского края;
РГИА – Российский государственный исторический архив.

Источники и литература

- ПМА 1 – Полевые материалы автора (Личный архив). Информация из а. Шарахалсун и а. Верхний Барханчак. 2013;
- ПМА 2 – Информант Джанаева Абида Дангатаровна 1923 г. р., а. Уллуби-Юрт. 2011;
- ПМА 3 – Информант Пирмухамедова (Джанибекова) Абида Масонедовна 1932 г. р. а. Уллуби-Юрт. 2011.
- ПМА 4 – Информант Токтаниязов С., а. Озек-Суат. 2011;
- ПМА 5 – Информант Казмухамедова, около 1930 г. р. а. Эдельбай. 2012;
- ПМА 6 – Информант Стрекалова Л.Н., с. Приозерское. 2011;

- ПМА 7 – Информант Суханбердиев А.И., а. Озек-Суат. 2011;
- Бентковский* 1869 – *Бентковский И.В.* Трухмяне, кочующие в Ставропольской губернии // Сборник статистических сведений Ставропольской губернии. Ставрополь, 1869. Вып. II;
- Брусина* 2008 – *Брусина О.И.* Ставропольские туркмены. Этнокультурное развитие, социальные обычаи, процессы адаптации и интеграции. // ИЭА РАН. Исследования по прикладной и неотложной этнологии № 202. М., 2008;
- Брусина* 2012 – *Брусина О.* Этническая группа в многонациональном окружении: полевые исследования среди туркмен Юга России // Диаспоры, 2012. № 1;
- В краю – В краю непуганых птиц // «Ставропольская правда», 27 октября 2006 г. // Электронный ресурс: <http://levokumskoe.ru/publ/4-1-0-30>;
- Василенко* 1980 – *Василенко Н.В.* Переход к оседлости туркменского кочевого народа Ставрополя в годы строительства социализма // История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX – начале XX вв.: (проблемы социально-экономического развития). Ставрополь, 1980;
- Варданян* 1909 – *Варданян Т.* Этот загадочный Муса-Аджи... // «Ставропольская правда». 27 июля 2011 г.;
- Де Фриу* 1909 – *Де Фриу.* К вопросу о табунном коневодстве в Ставропольской губернии // Юго-Восточный хозяин. Ростов на Дону, 1909. № 9;
- Кадыров* 2003 – *Кадыров Ш.Х.* «Нация» племен. Этнические истоки, трансформация, перспективы государственности в Туркменистане. М., 2003;
- Кадыров* 2010 – *Кадыров Ш.Х.* Многоликий туркменчилик. Этнические очерки, понятия и термины. М., 2010;
- Курбанов* 1995 – *Курбанов А.В.* Ставропольские туркмены. Историко-этнографические очерки. СПб., 1995;
- Невская* 2013 – *Невская Т.А.* Земельные отношения у туркмен Северного Кавказа в начале XX века // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа – V. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 16-18 ноября 2012 г. Пятигорск, 2013;
- Политический форум – Политический форум о политических событиях в России, Украине, странах бывшего СССР // Электронный ресурс: <http://politikforum.ru/showthread.php?s=a37e5258b261e00d52ce69ccf6d329ba&t=9702>;
- Прозрителев* 1911 – *Прозрителев Г.Н.* Сборник сведений о Северном Кавказе (список населенных мест Ставропольской губернии). Т. V. Ставрополь, 1911;
- Прозрителев* 2011 – *Прозрителев Г.Н.* Гибнущий народ. Туркмены и их судьба // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология. Т. 3. Ставрополь, 2011;
- Русская императорская – Русская императорская армия и стратегический план России накануне Первой мировой войны / Военное обозрение. 19 декабря 2011 // Электронный ресурс: <http://topwar.ru/9429-russkaya-imperatorskaya-armiya-i-strategicheskiy-plan-rossii-nakanune-pervoy-mirovoy-voyny.html>;
- Токалов* 1976 – *Токалов И.Т.* Ставропольские туркмены в конце XIX – начале XX вв. (Историко-этнографический очерк). Дипломная работа. Рукопись. Кабардино-Балкарский государственный университет. Нальчик, 1976;
- Тумашлов* 1925 – *Тумашлов М.* Туркмены Северо-Кавказского края: (Краткий историко-этнографический очерк). Полторацк (Асхабад), 1925;
- Фарфоровский* 2011 – *Фарфоровский С.В.* Народно-юридические обычаи туркмен Ставропольской губернии. Этнографический очерк // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология. Т. 3. Ставрополь, 2011;
- Щеглов* 1910 – *Щеглов И.Л.* Трухмяны и ногайцы Ставропольской губернии. Т. 1. Ставрополь, 1910;
- Щеглов* 1911 – *Щеглов И.Л.* Трухмяны и ногайцы Ставропольской губернии. Т. 2. Вып. 1. Ставрополь, 1911;
- Ярхо* 1931 – *Ярхо А.И.* К вопросу о вымирании малых народностей // Советская Азия. Вып. 1–2. М., 1931.

Brusina O.I. The Destiny of the «Turkmenian kniaz» as the reflection of the patterns of modernization among the Stavropol Turkmens at the beginning of the XX century.

The processes of modernization of Stavropol Turkmens are researched on the base of the author's field materials about the biography of the "Prince" Musa-Aji. At the beginning of the XX century the Stavropol Turkmens have been forced to move into sedentary under pressing the Russian power. A new elite, the stratum of rich pastoralists were forming in this period. Their status was duality and special, because they were brought up in the traditional society, at the same time they were able to integrate into the modernized Russian society, in fact, become capitalists. Thus they remain leaders in the traditional system of tribal relations in their ethnic group, based on their positions achieved among Russians capitalists-entrepreneurs.

Key words: *modernization, elites, traditional leadership, Stavropol Turkmens, social differentiation, Russia statehood, tribal relations, ethnic interactions.*

УДК 392.91

© Л.Т. Соловьева

ТРАДИЦИЯ ИМЯНАРЕЧЕНИЯ ТУРКМЕН СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ*

В статье рассматривается локальная этническая группа туркмен, обитающих в Ставропольском крае, в частности, свойственные им традиции имянаречения. По архивным материалам (посемейные списки туркменских «родов» и аулов) анализируется именной, характерный для этой группы туркмен в конце XIX века. Собранные в экспедиции полевые материалы и данные хозяйственных книг сельских поселений дают возможность показать тенденции трансформации традиций имянаречения на протяжении XX – начала XXI века.

Ключевые слова: туркмены, народы Северного Кавказа, туркмены Ставрополя, традиции имянаречения, посемейные списки, хозяйственные книги сельских поселений

Туркмены Северного Кавказа (в литературе XIX – начала XX века известны также под названием *трукмены*) обосновались на территории Российской империи более двух веков тому назад. Эта локальная этническая группа туркменского этноса проживает в ряде селений Астраханской области и Ставропольского края и в настоящее время насчитывает около 17 тысяч человек.

Начало изучения этой группы туркмен в российской историографии практически совпадает со временем ее появления на территории Российской империи. Посвященные ей статьи, заметки, книги публиковались как в XIX – начале XX века, так и в советское время. Туркменам Ставрополя посвящена монография А.В. Курбанова, где подробно представлены основные этапы этнического развития этой группы и практически все аспекты характерной для нее традиционно-бытовой культуры: основные и подсобные хозяйственные занятия, поселения и жилища, одежда, пища, обычаи, обряды и верования, развлечения и игры. Здесь же опубликована обширная библиография изданий, где имеются те или иные сведения о ставропольских туркменах (Курбанов 1995). В последние годы вышли несколько работ О.И. Брусиной, написанные на основе новых полевых и архивных материалов (Брусина 2008, 2012), а также других авторов (Невская 2013; Соловьева 2013). Тем не менее, несмотря на значительный объем литературы по туркменам Ставрополя, некоторые аспекты их этнокультурного развития изучены пока еще недостаточно.

Данная статья написана на основе полевых материалов, собранных во время экспедиции в туркменские селения Туркменского (Шарахалсун, Кучерли, Кендже-кулак) и Ипатовского (Большой, Малый и Нижний Барханчак, Юсуп-кулак) районов

Соловьева Любовь Тимофеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: lubsolov@gmail.ru.

* Работа выполнена по гранту РГНФ № 12-01-00235 (рук. О.И. Брусина).

Ставропольского края в 2013 года¹. Для изучения имен, бытовавших у туркмен Ставрополья в конце XIX века, использованы материалы Государственного архива Ставропольского края (ГАСК): «Посемейный список аула Чур Туркменского приставства. Составлен в 1896 году» (ГАСК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1813), «Посемейный список общества Трухмен Игдырова рода, составленный в 1886 году» (ГАСК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1994), «Посемейный список аула Башанта-Трухменский, Трухменского приставства. Составлен в 1896 году, а отделен от аула Эдильбай в 1899 году» (ГАСК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1818). К сожалению, в «Посемейном списке общества Трухмен Игдырова рода» 1886 г. не зафиксированы члены семьи женского пола, поэтому здесь представлены только мужские имена.

В книге А.В. Курбанова интересующей нас теме уделено некоторое внимание. В частности, он отмечает существование у туркмен праздника в честь рождения ребенка «аттарчак» («дадим ребенку имя») и традицию выбора имени отцом, родственником, уважаемым в ауле человеком, муллой (*Курбанов* 1995: 171). По его справедливому замечанию, «наряду с общемусульманскими именами у северокавказских туркмен сейчас редко, а раньше значительно чаще были распространены имена, восходящие к доисламской традиции», к которым он отнес такие имена, как Палта-Полат (стальной топор), Клыч (кинжал) и др. (*Курбанов* 1995: 170). Судя по выявленным архивным материалам, подобные имена действительно были очень популярны в конце XIX века. Так, в ауле Чур встречались мужские имена Полта, Полтаполат, Полтабай, Полтанияз, Бекполат, Темирполат, Джанполат, Менглиполат; отмечено даже одно женское имя с подобным формантом – Полтакис (ГАСК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1813). В ауле Башанта также были довольно распространены мужские имена Полта, Полтанияз, Полтаполат, Бекполат, Ханполат, Кунполат, Джанполат, Кенджеполат, Палташукур, Палтабек и др. (ГАСК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1818).

Видимо, в связи с большой детской смертностью нередко давали имена, которые можно перевести как «Останься», с различными прибавлениями к нему. Так, в ауле Чур зафиксировано мужское имя Токтар и женское Тохтохан (ГАСК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1813), в ауле Башанта – мужские имена Тохтар, Токтар-Мухамет, Токтанияз, Токтаклыч, женские – Токтасултан, Токтахан (ГАСК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1818). А.В. Курбанов упоминает также имена с аналогичным значением (Токтоха – «Останься», Омирузек – «Долгая жизнь») (*Курбанов* 1995: 171).

В архивных материалах часто встречаются женские имена с формантом «Огул» («Мальчик», «Сын»). Согласно нашим полевым материалам, в том числе собранным в Марыйской области Туркмении, там до настоящего времени сохранился обычай давать такие имена (Огул, Огулнабат, Огулнязик, Огулгерек – «надо сына» и др.), если в семье рождаются несколько девочек подряд, а сына нет. Так, в одной из семей, по сообщению нашего информанта, первым пяти родившимся девочкам дали имена Огулкурбан, Огулсона, Огулболды, Огултедж, Огулджемал, а родившихся за ними трех мальчиков назвали Бердымухаммед, Нурмухаммед, Гелдымухаммед (ПМА 2011 г., Марыйский вelayat, с. Яхтыйол).

Видимо, аналогичный обычай был известен и туркменам Ставрополья. Так, в 1890-е годы в ауле Чур зафиксированы женские имена Огултотай (встретилось шесть раз), Огулбике, Огулай, Огулхан, в ауле Башанта – Огулхан, Огулдовлат / Огулдовлет, Огулстан, Огулменгли, Огулбике, Огулдонды.

Видимо, если ребенок родился на свет с особыми приметами (родинка, родимое

пятно – *хал*), это также отражалось в его имени. С этим, возможно, связана многочисленная группа имен (как правило, женских), которую можно перевести как «имеющий / имеющая родинку»: в ауле Башанта это женские имена Халлы, Халлы-Мерьем, Халисултан, Ораз-халлы, Халлы, Халлышекир, мужское имя Халнияз и др.

Многочисленной в конце XIX века была группа туркменских имен с элементом Кендже / Гендже (младший). В ауле Чур зафиксированы только мужские имена с этим значением: Кендже, Кендже-нияз, Кенджекей, Кенджеахмет. В ауле Башанта наряду с мужскими (Кендже, Кенджемурад, Кенджебай, Кендженияз) были известны и женские подобные имена (Кендже, Кенджихан/Кенджихан, Кенджебике и др.). Как свидетельствуют информанты, подобные имена дают и сейчас младшим детям в семье.

Весьма продуктивным при образовании имен был формант «султан», причем главным образом это были женские имена (в Башанте – Султан, Аджасултан, Аксултан, Альмасултан, Шасултан, Халисултан, Курбансултан), и только изредка мужские (например, Султанмухамет).

Весьма распространенными мужскими именами были Айдогды (от слова «ай» – Луна) и Кундогды (от слова «кун» – Солнце, день). Как сообщают наши информанты, эти имена давали мальчикам, родившимся соответственно ночью или днем.

В архивных материалах отражены случаи, когда имя умершего ребенка повторно давали новорожденному: так, в ауле Башанта в семье Корфалиева Джуманияза в 1898 г. умерла дочь Мерьем, и такое же имя дали девочке, родившейся в 1900 г. (ГАСК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1818. Л. 14 об.).

А.В. Курбанов отмечает, что имена могли дать по дню недели, когда родился ребенок, и приводит в пример имя Джума (пятница) (Курбанов 1995: 171). В архивных материалах такие имена довольно многочисленны, большинство из них связано с пятницей – священным для мусульман днем (аул Чур – мужские имена Джума, Джумай, Джумагельды, Джуманияз, Джумали, женские – Джумай, Джумайхан, Джуматотай; в ауле Башанта – женские имена Джумайбике, Джумайхан, мужские Джума, Джуманияз). Имена были связаны и с другими днями недели (мужские имена в ауле Чур – Екшенбе / Екшембе – воскресенье, Чершембе – среда, в ауле Башанта – Чершембе, Чершембеаджи). Названия месяцев мусульманского календаря также нередко использовали в качестве имен, в основном мужских: Рамазан, Курбан, Сафар-Али, Эреджеп, Эреджеп-Али (аул Чур), Рамазан, Эреджеп, Эреджеп-Али, Сафаргельды, Сафарали (аул Башанта). Г.П. Васильева отмечала, что в Туркмении имена по названию месяцев мусульманского календаря были довольно частыми, причем их давали и мальчикам и девочкам, добавляя иногда в первом случае «кули» – «раб»: Курбанкули,

Рис. 1. Традиционная колыбель салланчак. Школьный музей с. Юсуп-Кулак Ипатовского района (фото автора, 2013 г.)

Рис. 2. Ребенок в традиционной колыбели, с. Шарахалсун Туркменского района (фото автора, 2013 г.)

мет, Шамухамет, Шихухамет, Язухамет, Ярмухамет и др. (по данным аула Башанта: ГАСК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1818). Традиция преобладания «составных» имен, видимо, была характерна для всех групп туркмен. В.А. Никонов, исследовавший в 1970-е годы личные имена туркмен Ашхабада и пяти районов Туркмении, пришел к выводу, что «абсолютное большинство имен у туркмен – составные», и видел в этом одну из главных причин того, что у туркмен очень обширен набор имен (Никонов 1975: 85).

Среди женских мусульманских имен следует отметить довольно часто встречающееся имя Фатма (Фатима, имя дочери пророка Мухаммеда).

Близнецам-мальчикам нередко давали имена Хусейн и Хасан; в «Посемейном списке общества Трухмен Игдырова рода» отмечены два подобных случая (Ф. 408. Оп. 1. Д. 1994. Л. 11 об., 63 об.).

Обычно детям в семье старались давать созвучные имена, или – реже – имена, начинавшиеся с одной буквы (например, в ауле Башанта – братья Мухтар, Муса, Мурза, Махмут – ГАСК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1818. Л. 8 об.). Это касалось как мужских, так и женских имен. Так, в ауле Чур сестер звали Сейфиль-Мелек и Раиль-Мелек; Нуртотай и Джантотай; Альмахан и Менглихан. В ауле Башанта в семье Кочакова Баймухамета дочерям дали имена Кулистан и Халистан (ГАСК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1818. Л. 51 об.). Согласно «Посемейному списку туркмен Игдырова рода» в семье Абдуллы Мувлем-берды-эфендиева сыновей звали Абдулхамит и Абдулганим (ГАСК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1994. Л. 1 об.), в семье Есенова Язмухамета сына назвали Нурмухамед, а внука – Курбанмухамед (Там же: Л. 11 об.); сыновей Ибраимова Хаджикея звали Ниязмухамет, Душмухамет, Ишмухамет (Там же: Л. 5 об.); в одной из семей отца звали Тоймухамед, его

Реджепуки, во втором – «гуль» – «цветок»: Курбангуль, Сапаргуль (Васильева 1969: 287–288).

Значительную группу составляли мусульманские по происхождению имена. Среди подобных мужских имен преобладали имена с элементом «Мухамед / Мухамет»: Мухамет (встречалось намного реже, чем «составные»), Аджимухамет/Аджамухамет, Аднамухамет, Айтмухамет, Акмухамет, Баймухамет, Бекмухамет, Гульмухамет, Джанмухамет, Джумамухамет, Динмухамет, Досмухамет, Егенмухамет, Елдашмухамет, Зармухамет, Ильмухамет, Ишмухамет, Казмухамет, Кенджемухамет, Кильджанмухамет, Кочмухамет, Кульмухамет, Курбанмухамет/Курбанмамат, Мухаметнасыр, Ниязмухамет, Нурмухамет, Нухмухамет, Одемухамет, Оразмухамет / Оразмамат, Пирмухамет, Садыкмухамет, Сафармухамет, Сеитмухамет, Султанмухамет, Тоймухамет, Токгармухамет, Шамухамет, Хаджимухамет, Халмухамет, Ханмуха-

сыновей – Аджимухамед и Ханмухамед (Там же: Л. 23); братьев звали Айдогды и Кундогды (Там же: Л. 92 об.).

В «Посемейном списке аула Башанта» также немало подобных примеров: братьев звали Абдулазис, Абдулхаким, Абдулмуталип, Абдулгани (ГАСК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1818. Л. 44 об.), Бекполат и Ханполат (Там же: Л. 50), Бердышукур и Хаджишукур (Там же: Л. 3 об.), Одекнияз и Курбанияз (Там же: Л. 3 об.), Бердыклыч, Токтаклыч, Аднаклыч (Там же: Л. 55 об.), Бекклыч, Аднаклыч, Токтаклыч (Там же: Л. 94), Тойкей, Ходжай, Ханай (Там же: Л. 64

Рис. 3. Старшие и младшие, с. Нижний Барханчак Ипатовского района (фото автора, 2013 г.)

об.), Оразмухамет, Халмухамет, Баймухамет, Хаджимухамет (Там же: Л. 102 об.), Кенендык, Сагандык, Союндык, Бегендык (Там же: Л. 152 об.). Нередко подбирали сходные по звучанию имена отцу и сыновьям (отец Акмухамет, два сына с одинаковым именем Пирмухамет (22 и 1 год), Кульмухамет (5 лет) – Там же: Л. 11), отец Хаджиназар и сын Хаджибайрам (Там же: Л. 95). Девочке могли выбрать имя, созвучное имени матери: мать Зейнельхан и дочь Гульхан (Там же: Л. 52). Данное явление – выбор для братьев и сестер близких по звучанию имен – отмечен и у других тюркоязычных народов, например, у челканцев (Функ 2000: 138), башкир (Шакуров 1980: 43–48), алтайцев (Шатинова 1980: 39–42).

Как свидетельствуют наши полевые материалы, и в настоящее время обряд имянаречения остается важным и значимым событием как для семьи, в которой родился ребенок, так и для ее ближайшего родственного окружения. В условиях туркменских селений Ставрополя – это довольно обширный круг, включающий двоюродных и троюродных родственников, а также родственников по свойству.

Обряд наречения именем сохранил тесную связь с мусульманской религией и проводится с обязательным участием муллы. Как правило, этот обряд устраивается на седьмой день, по возвращении матери с ребенком из роддома, и для мальчиков и для девочек, он практически одинаков у всех мусульманских народов Северного Кавказа. Приглашенный мулла в правое ушко ребенку «кричит» (по выражению информантов) *азан* (призыв мусульман к молитве), а затем произносит «От имени Аллаха нарекаю тебя ...» и называет выбранное заранее имя. В левое ушко мулла «кричит» *икамат* – призыв, который следует произносить непосредственно перед выполнением обязательной части молитвы. В настоящее время мулла нарекает ребенка именем, которое выбирают, как правило, родители. Но как вспоминают информанты, прежде имена в большинстве случаев выбирали старшие в семье – дед ребенка, его дядья и т.д. Девочке могла выбрать имя и бабушка (чаще – бабушка по отцу).

Что касается собственно тех имен, которые сейчас дают детям, то их можно разделить на несколько групп. Во-первых, это традиционно распространенные у данной

Рис. 4. Бабушка с внуком, с. Нижний Барханчак Ипатовского района (фото автора, 2013 г.)

группы туркмен имена – как связанные с мусульманской религией (мужские – Мухамет, Мухаметали, Тоймухамет, Шихмухамед, Мухарем, Мухаремали, Джума, Исмаил, Ибрагим, Курбан, Омар, Осман, Рахман, Эреджеп; женские – Фатима, Мадина, Малика, Мерьем, Муслимет, Джумабике, Джумайхан и др.), так и не связанные с религиозными сюжетами и персонажами. Из числа последних – женские имена с формантом «султан»

и «хан» (Бексултан, Айсултан, Шасултан, Бозархан, Генджехан, Зорахан, Токтохан, Меглихан и др.), мужские Бекполат, Батыр. Имена, даваемые младшим детям в семье – это Гендже / Кендже (младший), прежде встречалось и как мужское, и как женское имя) или многочисленные имена, частью которых является формант «гендже / кендже»: Генджехан (женское), Гендже, Генджемерат / Генджемурат, Генджалы (мужские). По свидетельству информантов, такие имена родители дают «последышам», когда считают, что других детей у них уже не будет. Долгожданного сына, или мальчика, который родился после нескольких девочек, нарекают по традиции именем «Арзман / Арзыман» (от «арзу» – мечта). Практически перестали встречаться женские имена с формантом «огул» (мальчик, сын), бытовавшие еще в 1970-е годы. Во-вторых, для последних десятилетий характерно проникновение в именник туркмен Ставрополя имен, если можно так сказать, региональных, распространенных у многих народов Северного Кавказа, причем вне зависимости от их религиозной принадлежности: Азамат, Азат, Анзор, Арсен, Арслан, Мурат / Мурад, Руслан, Рамазан, Тимур и др. В-третьих, появляются имена, взятые, по формулировке информантов, «из кино, из телевизора, из сериалов»; следует отметить, что это в основном имена женские (Алина, Анжела, Ангелина, Индира, Радмила, Сабина, Эмма, Эльза, Элиза, Элина). Имена «европейского» происхождения мальчикам дают лишь в единичных случаях (так, в селении Башанта встретились имена Артур и Эмиль). Судя по всему, к именам мальчиков – наследников, продолжателей рода – относятся более «серьезно», и стараются давать им «чисто туркменские имена», хотя сейчас в число воспринимаемых так имен попадают и имена «регионально» распространенные, а также и мусульманские имена, в старину у местных туркмен не встречавшиеся.

Следует отметить, что продолжает сохраняться и такое явление, как «составные», или «двусоставные» имена, очень характерные, особенно в прошлом, как для туркмен в целом, так, по данным архивных свидетельств, и для туркмен Северного Кавказа. Тем не менее удельный вес таких имен кардинально сократился: если в конце XIX – начале XX века они явно преобладали (это относилось и к мужским и к женским именам), то теперь составляют лишь незначительную долю. Из мужских

это имена с элементами «Али» (Арсланали, Мухаметали, Мухаремали, Сейпетали, Шихали и др.), «Мурат» (Баймурат, Бекмурат, Ильмурат, Хаджимурат), «Мухамет» (Нурмухамет, Тоймухамет). Имеются и женские «двойные» имена, наиболее распространены таковые с элементом «гуль» – цветок»: Гульминат, Гульгизар, Гульзанат, Гулистан, Гульнара, Гульмира, Кызылгуль, Гульджемине, Гульджемал, Айнагуль. Кроме того, выше уже шла речь о женских именах с элементами «хан» и «султан». Некоторые из подобных имен уже воспринимаются если не как устаревшие, то как слишком сложные для повседневного использования и произнесения окружающими. Например, девушку с традиционным именем Гульхадидже, живущую ныне в Ставрополе, там зовут Сюзанной. По рассказу одной жительницы селения Шархалсун, мулла во время обряда имянаречения дал ее сыну имя Арсланаалы, но ей это имя показалось слишком сложным, и в свидетельстве о рождении она попросила написать имя «Арслан».

«Русских» имен детям, как правило, не дают (исключение составляют дети из этнически смешанных туркменско-русских семей, которых немного), но в повседневной жизни они используются порой как «вторые» имена, особенно у лиц среднего поколения, что, возможно, было связано с тем, что в советское время нередко работа в совхозах и колхозах протекала в этнически смешанных коллективах, где было немало русских. Так, Бексултан могли звать также Верой, Айсултан – Асей, Шасултан – Светой и т.д. Опять же, судя по всему, это касалось прежде всего женских имен, по отношению к которым допускалось больше «вольностей».

Как свидетельствуют архивные материалы, в частности посемейные списки конца XIX века, фамилии у туркмен (записывавшиеся российскими чиновниками в соответствующих документах), образовывались от имени отца. Таким образом, в одной семье, если она была трехпоколенной, было представлено минимум пять-шесть и более фамилий (хозяина семьи, его жены – она сохраняла «девичью» фамилию, его детей, а также, в случае, если сыновья были женаты – их жен и детей). Если же в состав семьи входили падчерицы, пасынки, племянники и т.д., то число фамилий могло быть и больше. В советское время фамилии постепенно были «зафиксированы», и в настоящее время уже не изменяются в каждом новом поколении. Как явствует из похозяйственных книг, жены теперь в основном после заключения брака также принимают фамилию мужа. Тем не менее в погребальной обрядности старый порядок зачастую сохраняется. Так, на могильном памятнике обычно не пишут современную фамилию человека (обычно она происходит от имени его деда или прадеда), но обязательно упоминают имя его отца: «Такой-то, сын такого-то».

Представленные в данной статье материалы – лишь часть того обширного ономастического массива туркмен Северного Кавказа, который еще ждет своего детального изучения. Тем не менее и на этом этапе можно сделать определенные выводы относительно характерных особенностей именника туркмен Ставрополя и тенденций его изменения в последние десятилетия.

Собранные материалы, относящиеся к концу XIX века, свидетельствуют, что для именник местного туркменского населения того периода характеризовался преобладанием (или весьма значительной долей) «составных» имен, наличием большого числа тюркоязычных имен, имевших тот или иной смысловой оттенок, связанных с той или иной обрядовой практикой (имена девочек с формантом «Огул» при отсутствии сыновей в семье; особые имена в случае, когда дети в семье не выживали,

и т.д.). Следует также отметить, что, по материалам этого времени, в каждом ауле существовала, судя по всему, и некая «локальная» традиция выбора имен, о чем говорит определенное своеобразие имен в отдельных обществах туркмен.

Судя по имеющимся материалам, именная туркмен этой группы стал существенным образом изменяться примерно с середины XX века, что было связано в целом с социально-экономическим развитием нашей страны и Северокавказского региона в частности, с интенсификацией межэтнических связей с соседними народами. Однако эти трансформации проходили в основном в «традиционном русле», под влиянием в немалой степени соседних народов Северного Кавказа. В силу этого доля «инородных» имен, воспринятых туркменами, оказалась минимальной. А.В. Курбанов в 1990-е годы отмечал, что «в настоящее время имена туркмен Ставропольского края мало чем отличаются от имен живущих по соседству ногайцев и татар» (Курбанов 1990: 171).

Но поскольку имена ногайцев и татар этого региона, несмотря на наличие ряда публикаций (Никонов 1976; Булгарова 1985; Керейтов 1991), изучены все еще в недостаточной степени, нет оснований считать, что подобное сходство характерно только для XX в. Видимо, причиной сходных явлений в развитии именной этих народов следует считать прежде всего их тесные взаимосвязи на протяжении предшествующих столетий. При этом не стоит забывать также и о длительных этнокультурных контактах северокавказских туркмен с калмыками². Несомненно, учет всех этих многообразных взаимовлияний с культурами соседних народов поможет дать более полную характеристику традиционно-бытовой культуры туркмен Ставрополья и выявить особенности их исторического развития.

Примечания

- ¹ В экспедиции участвовали сотрудники Института этнологии и антропологии РАН О.И. Брусина и Л.Т. Соловьева.
- ² Благодарю старшего научного сотрудника Института этнологии и антропологии РАН А.А. Ярлыкапова за ценный совет рассматривать наличие многовековых этнокультурных взаимосвязей туркмен с соседними народами как важный фактор формирования различных аспектов их культуры.

Литература

- Брусина 2008 – Брусина О.И. Ставропольские туркмены. Этнокультурное развитие, социальные обычаи, процессы адаптации и интеграции / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 202. М.: ИЭА РАН, 2008;
- Брусина 2012 – Брусина О.И. Этническая группа в многонациональном окружении: полевые исследования среди туркмен юга России // Диаспоры, 2012. № 1;
- Булгарова 1985 – Булгарова М.А. Некоторые особенности современной ногайской антропологии // Социалистический образ жизни и языковые отношения в Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1985;
- Васильева 1969 – Васильева Г.П. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М.: Наука, 1969;
- Керейтов 1991 – Керейтов Р.Х. Система личных имен у ногайцев и их параллели у народов Средней Азии и Казахстана // Из этнографии народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1991. С. 93–102;
- Курбанов 1995 – Курбанов А.В. Ставропольские туркмены: Историко-этнографические очерки. СПб.: Изд. Отд. Языкового центра СПбГУ, 1995;

- Невская* 2013 – *Невская Т.А.* Земельные отношения у туркмен Северного Кавказа в начале XX века // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа: Материалы региональной научно-практической конференции. Вып. 5. Пятигорск: ПГЛУ, 2013. С. 238–245;
- Никонов* 1975 – *Никонов В.А.* Личные имена туркмен // Полевые исследования Института этнографии. 1974. М.: Наука, 1975. С. 84–88;
- Никонов* 1976 – *Никонов В.А.* Личные имена кумыков и ногайцев сегодня // Ономастика Кавказа. Махачкала, 1976;
- Соловьева* 2013 – *Соловьева Л.Т.* Туркмены Северного Кавказа: о некоторых источниках изучения хозяйства и семейных традиций локальной этнической группы // Материалы III Международного конгресса кавказоведов. Тбилиси: Универсали, 2013. С. 447–449;
- Функ* 2000 – *Функ Д.А.* Традиционная антропонимическая модель челканцев / / Челканцы в исследованиях и материалах XX века. М.: ИЭА РАН, 2000 (Алтаистические исследования. Т. 3). С. 137–146;
- Шакуров* 1980 – *Шакуров Р.З.* Рифмование имен у башкир // Ономастика Востока. М.: Наука, 1980. С. 43–48;
- Шатинова* – *Шатинова Н.И.* Рифмование личных имен у алтайцев // Ономастика Востока. М.: Наука, 1980. С. 39–42.

Solovyeva L.T. The traditions of naming among the Turkmens of the Stavropol region.

The local Turkmens ethnic group of the Stavropol region is examined, in particular, the characteristic of their traditions of naming childs. Using the archive materials (family and clan lists, household books) the author analyzes naming lists, characteristic for this group the Turkmens at the end XIX v. The field materials, as well as data of the hosehold books of rural settlements give the possibility to show the tendency of the transformation of the traditions of naming system during the XX and beginning of the XXI centuries.

Key words: *Turkmens, the peoples of the North Caucasus, the Turkmens of the Stavropol region, tradition of naming, the household books of the rural settlements.*

АМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 572

© С.В. Васильев, Е.В. Веселовская, А.П. Пестряков

ПОСЛЕДНИЙ ИНКА*

(ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Авторами был исследован череп последнего Инка – Атауальпа. Помимо классических и авторских краниологических методик была произведена и графическая реконструкция.

Череп Атауальпа описывается как мезокранный. Форма черепной коробки при взгляде сверху – овоидная. Лоб скошенный и достаточно узкий. Рельеф развит слабо. Затылок широкий. Лицевой скелет низкий и относительно неширокий. Горизонтальная профилировка хорошо выражена в нижней части лица. Имеется выраженный альвеолярный прогнатизм. Орбиты небольшие, имеют округлую форму. Нос не высокий и узкий – лепторинный. Спинка носа изогнутая. Зигомаксиллярная область и нижняя челюсть достаточно грацильные.

В сравнительном анализе череп Атауальпа занимает промежуточное положение между пацифидами как целое и индейцами Южной Америки, с одной стороны, и между индейцами Анд, с другой. На фоне характеристики андийских краниосерий череп Атауальпы отличается большей величиной, практически такой же как в среднем по южноамериканским индейцам, а по форме очень близок к современному населению Анд.

Выполненные и представленные портреты позволяют хорошо увидеть антропологические особенности лица и, в целом, головы Атауальпа.

Ключевые слова: *последний Инка, краниология, краниотип, индейцы Южной Америки, графическая реконструкция.*

Введение

Атауальпа – при этом имени трепетали сердца тысяч подданных огромной империи инков. Хроники свидетельствуют о жестокости и властолюбию последнего импе-

Васильев Сергей Владимирович – доктор исторических наук, зав. Центром физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: Vasbor1@yandex.ru.

Веселовская Елизавета Валентиновна – кандидат биологических наук, зав. лабораторией пластической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: e.veselovscaya@rambler.ru.

Пестряков Александр Петрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: e.veselovscaya@rambler.ru.

* Работа выполнена при поддержке ПФИ РАН грант «Изменчивость антропологического облика населения Центральной России от древности до позднего средневековья на сравнительном фоне окружающих территорий» и РФФИ (проект № 12-06-00153-а).

ратора Тауантинсу́йу. Однако среди свидетельств испанских и индейских хронистов мы находим очень мало сведений относительно облика Атауальпы. Известно лишь, что он отличался благообразием лица, сильным гибким станом и более высоким ростом, чем его современники. Существует обширная художественная и научная литература, посвященная этой знаменитой исторической личности времен конкисты, однако вниманием обойден один важнейший источник информации, а именно череп великого воина и политика. На настоящий момент антропология располагает новейшими методиками изучения черепа, которые позволяют пролить свет на особенности внешности легендарного императора и доподлинно восстановить его портрет.

Статья посвящена комплексному анализу черепа, предположительно принадлежавшему последнему главе государства инков (Тауантинсу́йу). Череп хранится в Музее Человека г. Парижа (Франция), где он и был измерен и описан по стандартной краниологической программе и сфотографирован в фас и профиль с расстояния 1,8 м. По фотографиям методом антропологической реконструкции был восстановлен прижизненный облик последнего Инки. В статье проведено сопоставление особенностей строения черепной коробки Атауальпы с индейцами Анд и южноамериканскими популяциями в целом. На черепе слева сзади имеется надпись «Atahualpa Antofagasta – Bolivia. Don Senechal de la Grande № 97» (рис. 1). Его каталожный номер 34640.

Рис. 1. Череп Атауальпы. Надпись «Atahualpa Antofagasta – Bolivia. Don Senechal de la Grande № 97», каталожный номер 34640, Музей Человека, Париж (фото С.В. Васильева, 2012)

Историческая справка

Атауальпа родился в самом конце XV века в семье правителя империи Уайна Копака. Империя инков (Тауантинсу́йу) была гигантским по тем временам государственным образованием в Южной Америке и включала в себя территории современного Перу, большей части Эквадора и частично Боливии и Чили. Появление

этого племени зафиксировано в XI веке, их исконная территория находилась близ знаменитого высокогорного озера Титикака, а язык принадлежал к группе кечуа. В дальнейшем это пастушеское племя распространялось на север и северо-запад и в XV веке создало свое мощное государство, которое в период расцвета распространилась на обширные территории и подчинила себе все местные племена. Большая часть этих территорий представляла собой высокогорную страну системы Анд, по масштабу абсолютных высот и территориальной протяженности сравнимую с азиатской горной системой Тибета и Гималаев.

Население страны делилось на три больших социальных группы. Верхний привилегированный слой представляли собой потомки племени инков. Основная масса населения, крестьяне, пастухи и ремесленники были потомками завоеванных индейских племен. Они несли обязательную трудовую и военную повинность в пользу государства, возглавляемого инками, строили и ремонтировали дороги и мосты, работали на постройке дворцов и храмов, трудились в государственных золотых и серебряных копях. Часто практиковалась массовая переброска крестьян в другие районы страны для выполнения трудовой повинности. Иногда переселения вызывались экономическими, а иногда политическими причинами – например, для заселения вновь завоеванных провинций. Ремесленники получали от государства сырье, а готовые продукты и изделия в обязательном порядке сдавали государству. Все основное население, и мужчины и женщины, с детства до глубокой старости обязано было нести трудовые повинности. И даже калекам предписывались определенные виды работ. Низшим слоем населения были государственные рабы – янакуна. Они обрабатывали государственную землю, пасли государственные стада лам и были слугами в домах инков. Основой хозяйства империи было земледелие. Главными возделываемыми культурами были картофель и кукуруза. Законодательно вся земля являлась собственностью Инки и давалась крестьянам в пользование. Среди женщин особую категорию составляли, так называемые «избранные». Из всех деревень чиновники отбирали самых красивых девочек 8-9 лет и их воспитывали далее в специальных домах, типа монастырей до 13 лет. В дальнейшем часть из них попадали в жены инкам, а часть (солнечные девы) выполняли культовые ритуалы в честь Богов солнца, луны и звезд.

Высшим сословием инков регламентировалась вся жизнь остального населения. Контроль над всеми работами осуществлялся чиновниками. Империю инков отличали суровые законы в отношении нарушавших трудовую дисциплину. Этический кодекс заключался в трех основных запретах: не воровать, не лгать, не лениться. Крестьяне не имели права покидать свои деревни без разрешения, семейные отношения также находились под жестким контролем государства. Все мужчины, достигшие определенного возраста, обязаны были вступать в брак. Раз в год каждую деревню посещал особый чиновник, который проводил публичную церемонию заключения браков.

Представители высшего сословия этого государства были потомками племени инков, того самого, которое завоевало и поработило в XIV–XV вв. все племена обширной территории будущей империи. Глава государства именовался Инкой, этот пост передавался по наследству по мужской линии, однако официальными женами Инков могли быть лишь их родные сестры. Члены высшей социальной группы пользовались многочисленными привилегиями, в частности могли иметь нескольких жен и наложниц, число которых зависело от социального статуса мужа.

Иерархический чиновничий аппарат владел и использовал особое письмо (кипу), представлявшее собой сложную систему узелков на специальных шнурах. Это тайное письмо до сих пор до конца не разгадано.

При 11-ом Инке Уайна Капаки империя достигла наивысшего расцвета, он и являлся отцом Атауальпы. Он завещал свою власть брату Атауальпы Уаскару, с чем не мог смириться молодой амбициозный будущий последний великий Инка Атауальпа. После смерти Уайна Капака в 1527 г. началась гражданская война между претендентами на высшую власть в империи. Приблизительно к этому времени относят разведочные походы Фрациско Писарро, будущего покорителя империи. В 1532 г. Уаскар терпит поражение и Инкой становится Атауальпа. Но в этом же году его предательски захватывает Писарро и в результате надуманных сфабрикованных обвинений был казнен (рис. 2). Хотя он предлагал огромное количество золота за сохранение ему жизни. В течение последующих нескольких лет вся некогда могущественная империя инков оказывается под властью испанских конкистадоров. Причиной столь быстрого завоевания Тауатинсуйу была огромная социальная пропасть, отделявшая высший слой власти от простонародья. Такова стандартная судьба тоталитарного государства.

Эта загадочная цивилизация оставила после себя грандиозные архитектурные памятники, прекрасно выполненные транспортные пути (дороги и мосты), при этом не зная колеса и практически не используя металлов.

Рис. 2. Знаменитое полотно Луиса Монтеро. «Кончина Атауальпы»¹.

Методика исследования

Методика краниологического изучения особенностей строения черепной коробки

Нами уже предпринимались попытки исследовать останки исторических персонажей (Васильев 2012; Васильев, Боруцкая, Халдеева 2011; Васильев 2012). В ряде случаев реконструкция лица по черепу помогала идентифицировать личность (Васильев 2001, 2007).

В данном случае, череп Атауальпа имеет сравнительно неплохую сохранность. Исследование проводилось по классической краниологической программе (*Алексеев, Дебец* 1960). Известно, что палеоантропологический материал (в нашем случае краниологический) требует иной классификационной схемы, чем привычная для антропологов расово-морфологическая. Многие важные расоводиагностические признаки невозможно фиксировать на палеоматериале: цвет кожи, глаз, волос, форму волос, степень обволошенности тела и т.д. Поэтому необходима собственно краниологическая классификация наличного антропологического материала. Предлагая свое понимание основ подобной классификации, профессор В.В. Бунак писал: «положить в основу классификации наиболее существенные и морфологически важные признаки... Наиболее удовлетворяют этому требованию три основные оси черепа, определяемые величиной трех его диаметров: продольного, поперечного и высотного...» И далее: «Только учет абсолютных размеров всех трех основных диаметров черепа и их различных сочетаний позволяет нам разобраться в сложных генетических отношениях отдельных форм» (*Бунак* 1922: 24, 52).

Около 20 лет назад нами была разработана краниологическая классификация современного населения Земли, в основу которой положены эти идеи В.В. Бунака (*Пестряков* 1995; *Пестряков, Григорьева* 2004).

При сравнительном изучении более 300 краниосерий, близких к современности, было выделено три доминирующих краниотипа, к которым принадлежит основная масса современного населения планеты. Они были названы по зонам своего происхождения и первичного распространения – **тропиды, голарктиды и пацифиды**. Кроме этих панойкуменных краниотипов в дальнейшем были выделены и некоторые иные краниотипы, имеющие меньшее территориальное распространение, названные нами локальными.

Ниже в таблице 1 даны характеристики абсолютных размеров и формы трех панойкуменных краниотипов. Представлены средние данные по 9 параметрам черепной коробки, обычно используемым нами в других работах. Четыре из них характеризуют абсолютные величины черепа: наибольшие продольный, поперечный и высотный ее диаметры, т.е. № 1, 8, и 17 стандартного краниологического бланка Р. Мартина и ОРВ (общая ростовая величина), рассчитываемая векторным сложением величин этих диаметров. Другие пять параметров характеризуют форму черепной коробки. Это черепной указатель (ЧУ) – отношение наибольшего поперечного диаметра черепа к его наибольшему продольному (в %), высотно-поперечный указатель (ВПУ) – отношение высотного диаметра черепа к его поперечному (в %), а также указатель долихоидности (УД) – относительная длина черепа, указатель брахиоидности (УБ) – относительная ширина черепа и указатель гипсиоидности (УГ) – относительная высота черепа. Величины трех последних параметров вычисляются единообразным способом и представляют собой средние геометрические для отношений каждого из трех названных диаметров черепной коробки к двум оставшимся (в %).

Таблица 1

Краткая характеристика панойкуменных краниотипов (n - число серий)

Краниотип (n)	1	8	17	ОРВ	ЧУ	ВПУ	УД	УБ	УГ
Тропиды (69)	183.5	132.4	134.1	263.1	72.2	101.3	137.8	84.5	86.0
Голарктиды (144)	180.2	145.0	132.8	266.7	80.5	91.7	129.9	93.8	82.2
Пацифиды (121)	179,5	140,3	136,7	265,7	78,3	97,4	129,7	89,7	86,1

Ниже даны основные разграничительные характеристики трех панойкуменных краниотипов.

Тропиды имеют минимальную величину черепной коробки (параметр ОРВ), при наибольшем продольном диаметре и наименьшем поперечном. По абсолютной высоте черепной коробки они занимают положение между двумя другими панойкуменными краниотипами. Но именно у них часто отношение высотника к поперечнику имеет максимальную величину. Преобладает рост черепной коробки в длину и в высоту. Эпохальная тенденция брахикефализации, зафиксированная на большей части территории Евразии, у тропидов практически незаметна. Среди них **доминирует долихокrania (ЧУ < 75,0)**.

Голарктиды, будучи антиподами тропидов, имеют максимальную величину коробки, с наиболее широкой и наиболее низкой формой. Среди изученных серий голарктидов на среднегрупповом уровне долихокranными оказались 4,5%, а брахикranными 61,9%. **Доминирует брахикrania (ЧУ > 80,0)**.

Пацифиды сочетают некоторые черты тропидов и голарктидов. Черепная коробка у них по общей величине, по абсолютной и относительной длине почти такая же как у голарктидов, но при этом всегда абсолютно и относительно высокая и умеренно широкая. **Доминирует мезокrania (ЧУ – 75,0-79,9)**.

Панойкуменные (глобальные) краниотипы лишь частично совпадают с принятой расовой классификацией человечества (см. табл. 2).

Таблица 2

Сопоставление глобальных краниотипов и больших рас человечества

Краниотип	Раса
Тропиды	Экваториальная Веддо-австралоидная
Голарктиды	Европеоидная Континентальные монголоиды
Пацифиды	Тихоокеанские монголоиды Американоидная (америнды)

Методика антропологической реконструкции

Метод восстановления лица на основе черепа широко применяется во всем мире, прежде всего в целях идентификации личности по костным останкам. Большое значение он имеет и для иллюстрации стадий эволюции человека. Восстанов-

ление внешнего облика исторических деятелей прошлого и представителей различных археологических культур широко применяется в музейном деле и для решения вопросов происхождения, миграции, становления различных антропологических типов во времени и в пространстве. Научные основы метода заложил знаменитый российский ученый Михаил Михайлович Герасимов, долгие годы проводивший скрупулезные исследования соответствия структур черепа и лица (*Герасимов 1949, 1955*). Ученые всего мира признают приоритет российской школы антропологической реконструкции. В созданной Герасимовым Лаборатории продолжают работы по совершенствованию метода восстановления облика на основе черепа. К настоящему времени собран обширный материал, характеризующий особенности лицевой морфологии, охватывающий ряд контрастных в антропологическом отношении групп населения. Исследования проводились на живых людях и позволили получить достоверный, большой, по своей численности, материал по двум составляющим направлениям методики антропологической реконструкции: 1) измерение толщины мягких покровов на различных участках головы; 2) изучение взаимосвязей между отдельными физиономическими признаками и подлежащими морфологическими структурами черепа. Для восстановления внешнего облика используют стандарты толщины мягких покровов, полученные с применением ультразвука на живых людях (*Веселовская 1991, 1994, 1997*). Отдельные физиономические размеры мы рекомендуем рассчитывать по уравнениям регрессии, где в качестве независимых признаков использованы черепные характеристики, для которых получены высокие значения корреляционных связей (*Веселовская, Балуева 2012*).

Антропологическая реконструкция может быть выполнена в зависимости от конкретных целей в виде контурного изображения, графического или скульптурного портрета. Однако независимо от назначения реконструкции главное – это воспроизведение индивидуальных черт лица человека, которому принадлежит данный череп, с учетом его расовых особенностей. Процесс восстановления внешнего облика начинается с подробного описания всех индивидуальных особенностей строения черепа и его измерения по общепринятой краниологической программе, дополненной рядом признаков, имеющих значение при реконструкции (*Веселовская 2006; Веселовская, Балуева 2012*). Следующий этап – построение контура лица в профиль и фас на основе обводов черепа, выполненных либо с помощью специального прибора – диоптрографа, или на основе фотографий, сделанных с большого расстояния в определенных нормах.

Контурная реконструкция является начальным этапом для любого другого вида реконструкций. Графическая реконструкция выполняется уже на основе контурного изображения. Сложность ее заключается в том, чтобы правильно передать все светотени, создавая корректное впечатление о ширине лица, его профилировке, положении глаз и т.д. Графическая реконструкция, по сравнению со скульптурной, более наглядна и применяется шире, так как требует меньше времени. Опираясь на серию графических реконструкций из одного могильника, численность которых лимитируется лишь объемом краниологического материала, можно получить достаточно полную антропологическую характеристику изменчивости морфологического типа конкретной популяции (*Веселовская 2007; Balueva, Veselovskaya 2011; Balueva et al. 2012; Kobyljansky et al. 2008*).

Для нас каждый череп строго индивидуален, а методика воспроизведения черт

внешности по костным структурам точна и выверена до мелочей. Поэтому, работая над реконструкцией, мы четко и последовательно формируем структуры лица, не отвлекаясь на создание художественного образа – главное это доскональная передача индивидуальных черт внешности. Именно поэтому восстановление лица по черепу широко применяется в судебной практике, так как мы восстанавливаем индивидуальный портрет человека с присущими ему характерными чертами, такое лицо узнаваемо вне зависимости от возраста и эмоционального состояния (Балуева, Веселовская 2006; Веселовская и др. 2013а, б).

Результаты исследования

По ряду морфологических характеристик на черепе нами был сделан вывод о принадлежности его мужчине. Череп имеет сравнительно неплохую сохранность. По облитерации (заращению) швов на черепе можно дать индивидуальный биологический возраст индивида в интервале от 30 до 40 лет.

По краниологической программе

Нами был измерен череп Атауальпа по классической краниологической программе. Результаты измерений представлены в таблице 3.

Таблица 3

Краниологические характеристики Атауальпа

Обозначение признака по Мартину	Название признака	Значение признака
1.	Продольный диаметр	178
8.	Поперечный диаметр	142
17.	Высотный диаметр от ba	135
5.	Длина основания черепа	102
9.	Наименьшая ширина лба	89
10.	Наибольшая ширина лба	124
11.	Ширина основания черепа	124
12.	Ширина затылка	116
26.	Лобная дуга	123
27.	Теменная дуга	136
28.	Затылочная дуга	125
29.	Лобная хорда	106
30.	Теменная хорда	119
31.	Затылочная хорда	103
8:1	Черепной указатель	79,8
17:1	Высотно-продольный указатель от ba	75,8
17:8	Высотно-поперечный указатель от ba	95,1
29:26	Указатель изгиба лба	86,2
30:27	Указатель изгиба темени	87,5
31:28	Указатель изгиба затылка	82,4

Таблица 3 (окончание)

Обозначение признака по Мартину.	Название признака	Значение признака
9:8	Лобно-поперечный указатель	62,7
40.	Длина основания лица	100
45.	Скуловой диаметр	132
48.	Верхняя высота лица	62
47.	Полная высота лица	103
43.	Верхняя ширина лица	102
46.	Средняя ширина лица	96
55.	Высота носа	48
54.	Ширина носа	22
51.	Ширина орбиты от mf	38
52.	Высота орбиты	38
	Ширина скуловой кости по Vu	53
	Высота скуловой кости по Vu	11
60.	Длина альвеолярной дуги	50
61.	Ширина альвеолярной дуги	61
62.	Длина неба	42
63.	Ширина неба	35
FC	Глубина клыковой ямки	5
MC	Максилло-фронтальная ширина	16
MS	Максилло-фронтальная высота	6
SC	Симотическая ширина	6
SS	Симотическая высота	3
40:5	Указатель выступания лица	98,0
45:8	Поперечный фацио-церебральный указатель	93,0
48:17	Вертикальный фацио-церебральный указатель	45,9
48:45	Верхний лицевой указатель	47,0
54:55	Носовой указатель	45,8
52:51	Орбитный указатель	100
SS:SC	Симотический указатель	50,0
75(1)	Угол выступания носа	23
77.	Назо-малярный угол	142,0
<zm'	Зиго-максиллярный угол	128,3
71a	Наименьшая ширина ветви	35
65.	Мышелковая ширина	122
66.	Угловая ширина	91
67.	Передняя ширина	43
69.	Высота симфиза	28
69(1)	Высота тела	26
69(3)	Толщина тела	11

Описание мозговой коробки

Форма черепной коробки при взгляде сверху овоидная, то есть наибольшая ширина черепа приходится на заднюю часть мозговой коробки. Лобный и теменные бугры сглажены. Череп Атауальпа может быть описан как среднеудлиненный и относительно широкий – мезокранный с тенденцией к брахикрании. Высотно-продольный указатель высокий свидетельствует о гипсикрании. В категорию метриокранных черепов попадает он по высотно-поперечному указателю. Оба показателя говорят об относительно высоком черепе.

Лоб скошенный и визуально довольно узкий. Абсолютные размеры наименьшей ширины лба входят в категорию очень малых, а наибольшей в категорию больших. По лобно-поперечному указателю череп микроземный (узколобый). По достаточно высокому указателю кривизны лобной кости можно сделать вывод о достаточно малом ее изгибе. Развитие надпереносья оценивается в два балла по шестибальной шкале Брока. Надбровные дуги (тип II) – заходят за середину верхнеорбитального края, но не заходят на надглазничный треугольник.

Теменные бугры расположены высоко. Относительно низкий указатель кривизны теменных костей говорит о небольшом радиусе изогнутости их. Сосцевидные отростки довольно крупные, имеют длину около 2 см и оцениваются баллом 2. Затылок широкий. Сильное развитие имеют верхние выйные линии (*linea nuchae superiор*), которые представляют собой валикообразные массивные структуры, следует отметить также и необычное развитие наружного затылочного выступа (*protuberantia occipitalis externa*). Ярко выражена височная линия. Очень сильно затерты мышцелки.

Описание лицевого скелета

Лицевая часть черепа неширокая и относительно низкая, по верхнелицевому указателю - эуриенная (показатель низколицести). Углы горизонтальной профилировки относятся к категории средних и малых, т.е. лицо даже по европеоидным меркам резко профилировано особенно в нижней части. Прогнатизм лица подтверждается значениями указателя выступления лица (указатель Флоуэра). Краниофациальный вертикальный указатель имеет низкое значение, то есть наблюдается тенденция сочетания низкого лица и относительно высокой мозговой коробки. Краниофациальный поперечный указатель имеет средние значения, что говорит о сочетании среднеширокого лица и относительно широкой мозговой коробки.

Орбиты низкие и относительно узкие (гипсиконхные). Верхний край орбиты притуплен. Надглазничные каналы замкнуты. Форма верхнего края глазниц округлая. Нижний край глазниц имеет несколько припущенный латеральный край. В абсолютных размерах нос не высокий и относительно узкий (лепторинный), тоже подтверждается и носовым указателем. Угол выступления носа средний. Симотический и максиллофронтальный указатели входят в категорию больших, что говорит о значительной высоте переносья. Зигомаксиллярная область узкая, грацильная. Нижний край грушевидного отверстия – *fossae praenasales*, то есть боковые края грушевидного отверстия не переходят в нижний край, а продолжают вниз и сходятся ниже нижнего края. Форма спинки носовых костей в профиль изогнутая.

Описание нижней челюсти

Латеральное возвышение нижней челюсти развито средне, переходя в краевой валик, и образует хорошо выступающий задний краевой бугорок. Передний краевой бугорок хорошо рельефно выражен. Верхний латеральный валик практически отсутствует. Боковое возвышение на ветви развито слабо. Ярко выражена жевательная ямка со слегка вывернутыми наружу углами нижней челюсти. Подязычная ямка развита слабо. Треугольный валик ветви развит хорошо, от него отходят внутренние венечный и мышелковый гребни. Внутренний мышелковый гребень у головки суставного отростка образует верхний крыловидный бугорок. На внутренней поверхности углов нижней челюсти имеется хорошо выраженная бугристость.

Нижнечелюстные отверстия большие и имеют костную пластинку спереди в виде заостренного гребня. Суставная вырезка не глубокая. Подбородочные отверстия располагаются в середине тела по высоте на уровне вторых премоляров. По абсолютным размерам тело нижней челюсти довольно низкое и грацильное.

По генерализованным параметрам мозговой коробки

На фоне данных по трем панойкуменным (основным) краниотипам рассмотрим: а) величины изучаемых параметров 28 серий индейцев Южной Америки, б) из этих 28 серий 6 серий индейцев территории Анд, а также в) индивидуальные краниологические характеристики черепа Атауальпы. Данные по южноамериканским сериям взяты из работы Ньюмана (*Newman* 1949).

Таблица 4

Сравнительная характеристика (n - число серий)

Краниотип (n)	1	8	17	ОРВ	ЧУ	ВПУ	УД	УБ	УГ
Тропиды (69)	183,5	132,4	134,1	263,1	72,2	101,3	137,8	84,5	86,0
Голарктиды (144)	180,2	145,0	132,8	266,7	80,5	91,7	129,9	93,8	82,2
Пацифиды (121)	179,5	140,3	136,7	265,7	78,3	97,4	129,7	89,7	86,1
Индейцы Южной Америки (28)	180,5	140,1	135,0	265,5	77,7	96,5	131,3	89,8	85,0
Индейцы Анд (6)	175,7	137,8	134,7	259,7	78,5	97,8	129,0	89,6	86,6
Атауальпа	178	142	135	264,7	79,8	95,1	128,6	91,6	84,9

Из анализа представленной таблицы следует, что индейцы Южной Америки, как целое, органично вписываются в панойкуменный краниотип пацифидов, куда по нашим предварительным исследованиям (*Пестряков, Григорьева* 2004) относятся и тихоокеанские монголоидные группы Азии и подавляющее большинство американоидов. Следует отметить, что Андские краниосерии на фоне южноамериканских индейцев имеют несколько меньшую величину черепной коробки и по форме сдвинуты в сторону брахикрании. Подобными же особенностями отличается и индейское земледельческое население Юго-запада соединенных штатов Америки. По материалам других исследователей население Анд имеет сходство с весьма отдаленным от него регионом Азии. А

именно с группами Тибета и Непала. Это работы Моранта по краниологии (Морант 1923) и одонтологические исследования А.А. Зубова (Зубов 1968, 1979).

На фоне характеристики андских краниосерий череп Атауальпы отличается большей величиной, практически такой же как в среднем по южноамериканским индейцам, а по форме очень близок к современному населению Анд. Скорее всего более крупные размеры головы отличали всех представителей высшей касты за счет лучших условий жизни и направленного полового отбора.

По данным таблицы 4 была построена нижеследующая дендрограмма (рис. 3).

Здесь в одном большом кластере оказались данные панокуменного краниотипа пацифидов, индейцев Южной Америки (суммарно), индейцев Анд и данные по черепу Атауальпы. При этом череп последнего занимает как бы промежуточное положение между пацифидами как целое и индейцами Южной Америки с одной стороны и между индейцами Анд с другой.

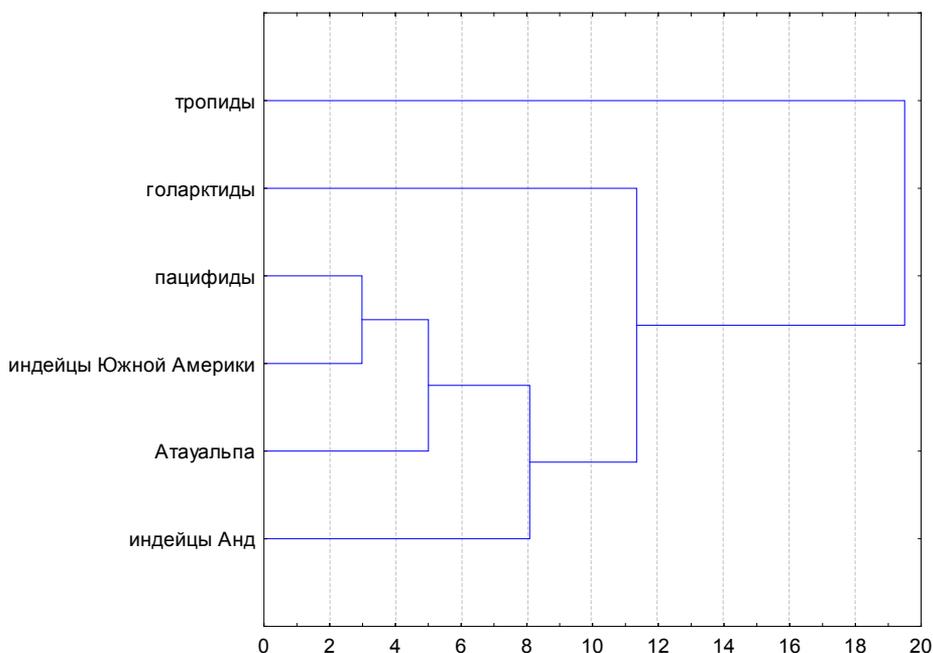

Рис.3. Дендрограмма таксономических расстояний между представленными в таблице краниосериями.

По антропологической реконструкции

Работа над восстановлением портрета началась с анализа индивидуальных особенностей черепа. По краниологическим размерам были рассчитаны прижизненные размеры лица, такие как физиономическая высота лица, ширина носа и рта, высота и ширина глазной щели, высота уха. Фотографии в фас и профиль были распечатаны в натуральную величину и на их основе были выполнены контурные реконструкции (рис. 4, 5). В данном случае мы использовали стандарты толщины мягких покровов и уравнения

пересчета размеров лица для монголоидных групп. Обращает на себя внимание необычная форма носа Атауальпы. Методика воспроизведения по черепу профиля наружной спинки носа была разработана ученицей М.М. Герасимова Г.В. Лебединской, и в настоящее время многие ученые предпочитают именно этот способ (*Kobyliansky, Pestryakov, Veselovskaya* 2013). Если мы обратимся к современной расовой классификации, то увидим, что именно для коренного населения Западного полушария характерно значительное выступание носа в хрящевой части при умеренном выступании носовых костей. Именно так и можно описать форму наружной спинки носа, построенную на основании носовой вырезки черепа на контурной реконструкции Атауальпы. Далее на основе контурных реконструкций выполняли графические портреты в фас и профиль, подчеркивая штриховкой распределение плоскостей поверхности лица (рис. 6, 7). Здесь мы сознательно не изображали волосы на голове и растительность на лице, последняя кстати крайне мало развита у представителей индейских племен Латинской Америки. Разработанная в лаборатории программа «словесный портрет по черепу», а также выполненные портреты позволяют довольно подробно описать как выглядел последний император могущественного государства инков. В целом внешность его можно охарактеризовать следующим образом. Мезокефалия сочетается с высоким сводом, лицо среднее по ширине округлой формы. Лоб не широкий, средней высоты. Линия лба при взгляде в профиль немного выпуклая, направлена вертикально. Надбровный рельеф выражен крайне незначительно, что, впрочем, характерно для большинства представителей монголоидного антропологического ствола. Контур бровей ближе к прямому. Глазные яблоки в глазницах поставлены выпукло, глазная щель крупных размеров, складка верхнего века развита по всей длине. Нос значительно выступает в хрящевой части, имеет горбинку, в целом форма спинки характеризуется как в значительной степени выпуклая. Ширина переносья и спинки носа небольшая, в крыльях нос средней ширины. Общая высота носа большая. Верхняя губа высокая, рот широкий. Подбородок по высоте небольшой, но достаточно широкий, вперед выступает незначительно.

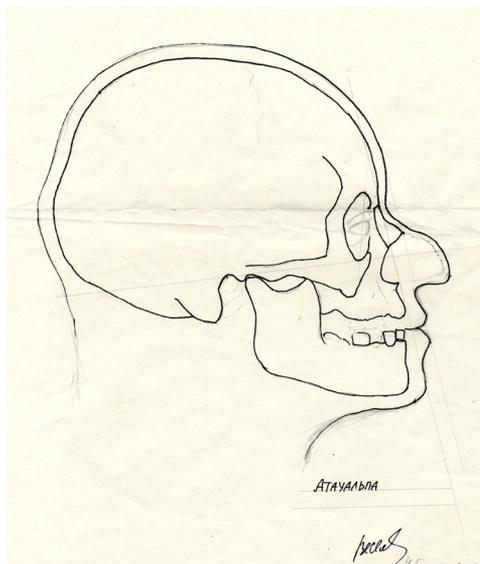

Рис. 4. Контурная реконструкция по черепу Атауальпы. Профиль.

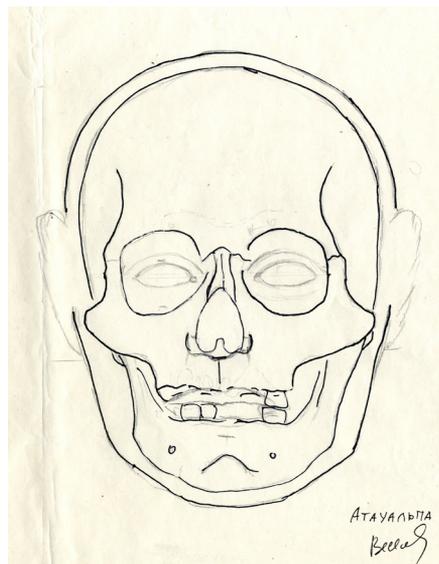

Рис. 5. Контурная реконструкция по черепу Атауальпы. Фас.

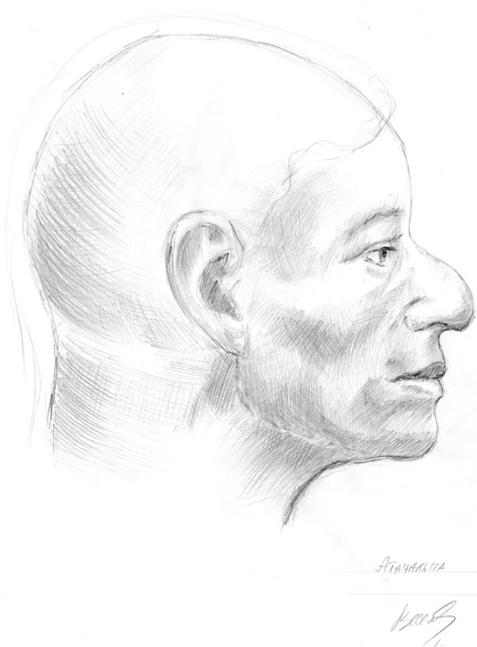

Рис. 6. Графическая реконструкция по черепу Атауальпы. Профиль. Карандаш.

Рис. 7. Графическая реконструкция по черепу Атауальпы. Фас. Карандаш.

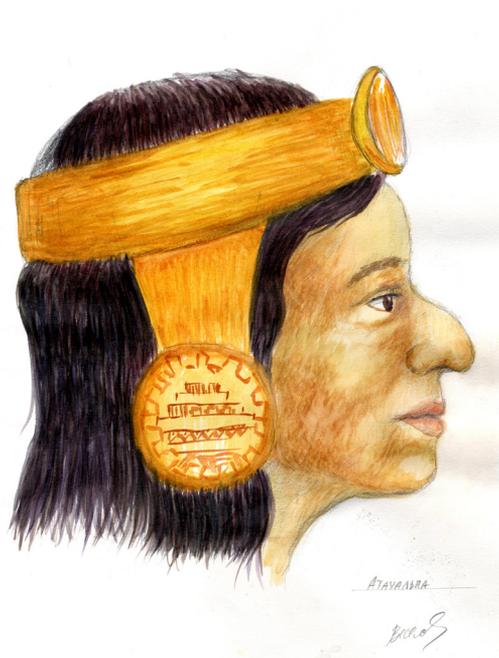

Рис. 8. Графическая реконструкция по черепу Атауальпы. Профиль. Акварель.

Рис. 9. Графическая реконструкция по черепу Атауальпы. Фас. Акварель.

Выводы

Череп Атауальпа мезокранный с тенденцией к брахикрании. Форма черепной коробки при взгляде сверху – овоидная. Лоб скошенный и достаточно узкий. Рельеф развит слабо. Затылок широкий. Лицевой скелет низкий и относительно не широкий. Горизонтальная профилировка хорошо выражена в нижней части лица. Имеется выраженный альвеолярный прогнатизм. Орбиты небольшие, имеют округлую форму. Нос не высокий и узкий – лепторинный. Спинка носа изогнутая. Зигомаксиллярная область и нижняя челюсть достаточно грацильные.

В сравнительном анализе череп Атауальпа занимает промежуточное положение между пачифидами как целое и индейцами Южной Америки, с одной стороны, и между индейцами Анд, с другой. На фоне характеристики андских краниосерий череп Атауальпы отличается большей величиной, практически такой же как в среднем по южноамериканским индейцам, а по форме очень близок к современному населению Анд.

Выполненные и представленные портреты позволяют хорошо увидеть антропологические особенности лица и головы Атауальпы (рис. 8 и 9).

Благодарности

Авторы выражают искреннюю признательность Музею человека г. Париж, Франция и лично Филиппу Менесье, куратору антропологических коллекций Музея человека за неоценимую помощь в работе над материалом.

Примечание

¹ Репродукция полотна Луиса Монтеро // Интернет ресурс: <http://www.mali.pe/modulo/upload/1302650252funerales%20atahualpa.jpg>. Дата обращения: 11.10.2014.

Литература

- Алексеев 1960 – Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. 1960.
- Балуева и др. 2006 – Балуева Т.С., Веселовская Е.В. Метод антропологической реконструкции для науки и практики. Этнология обществу. Прикладные исследования в этнологии. Отв. ред. С.В.Чешко. М.: Оргсервис-2000, 2006. С. 200–207.
- Бунак 1922 – Бунак В.В. Основные морфологические черты черепа человека и их эволюция // Русский антропологический журнал, 1922. Т. 12. К. 1–2. С. 24–52.
- Васильев 2001 – Васильев С.В. К вопросу о тайне «золотого гроба». В сб. История и культура древнего и раннехристианского Египта. М.: ИВ РАН, 2001. С. 35–44.
- Васильев 2007 – Васильев С.В. Лицо фараона // Вестник антропологии. 2007. Вып. 15. Ч. 2. С. 439–450.
- Васильев и др. 2011 – Васильев С.В., Боруцкая С.Б., Халдеева Н.И. Антропологическое исследование останков жен Ивана III – великих княгинь Марии Борисовны Тверской и Софьи Палеолог // Труды III (XIX) всероссийского археологического съезда. Великий Новгород. Старая Русса, 2011. Т. II. С. 221–222.
- Васильев 2012 – Васильев С.В. Три сюжета об идентификации исторических личностей методами физической антропологии. Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология, 2012. № 1. С.246–265.
- Васильев и др. 2012 – Васильев С.В., Герасимова М.М., Боруцкая С.Б., Халдеева Н.И. Антропологическое исследование костных останков великого князя Андрея Боголюбского: спустя 70 лет. // Вестник Московского Университета, серия XXIII антропология, 2012. № 4. С.54–69.

- Веселовская 1991 – Веселовская Е.В. Закономерности внутригрупповой изменчивости признаков толщины мягких тканей лица. Сб.: Антропологическая реконструкция. М., 1991. С. 68–111.
- Веселовская 1994 – Веселовская Е.В. Исследование изменчивости признаков толщины мягких тканей лица в аспекте полового диморфизма. Женщина в аспекте физической антропологии. Материалы международной конференции «Женщина и свобода. Пути выбора в мире традиций и перемен». М., 1994. С.86–93.
- Веселовская 1997 – Веселовская Е.В. Единство закономерностей внутригрупповой изменчивости и межгрупповая дифференциация признаков толщины мягких тканей лица у современного человека. Сб.: Единство и многообразие человеческого рода. Ч. 1. М., 1997. С. 312–335.
- Веселовская 2006 – Веселовская Е.В. Антропологическая реконструкция. Антропологическая наука в высшей школе. Методические материалы к оригинальным авторским спецкурсам. Для специальности № 350 100 – Социальная антропология. М.: ИАЭ РАН, 2006. С. 217–231.
- Веселовская 2007 – Веселовская Е.В. Визуализация облика древнего населения Арало-Каспийского региона // Историко-культурное наследие Арало-Каспийского региона. Актау, 2007. С. 11–16.
- Веселовская и др. 2012 – Веселовская Е.В., Балуева Т.С. Новые разработки в антропологической реконструкции // Вестник антропологии, 2012. Вып. 22. С. 22–42.
- Веселовская и др. 2013а – Веселовская Е.В., Абрамов А.С., Долгов А.А., Бобрецов И.В. «Программа краниофациального соответствия» при проведении антропологических исследований и практический случай ее использования // Актуальные вопросы медико-криминалистической экспертизы: современное состояние и перспективы развития / под ред. В.А. Клевно. Материалы научно-практической конференции, посвященной 50-летию МКО БСМЭ Московской области. (27-29 марта 2013 г. М.). М., 2013. С. 116–123.
- Веселовская и др. 2013б – Веселовская Е.В., Пестряков А.П., Кобылянский Е.Д. Татьяна Сергеевна Балуева и Российская школа антропологической реконструкции // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. М., 2013. № 4. С. 29–41.
- Герасимов 1949 – Герасимов М.М. Основы восстановления лица по черепу. М.: Советская наука, 1949. 190 с..
- Герасимов 1955 – Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). М.: Изд-во АН СССР. 1955. 585 с..
- Зубов 1968 – Зубов А.А. О физическом типе древнейшего населения Америки // Советская этнография, 1968. № 4. С. 118–122..
- Зубов 1979 – Зубов А.А. «Восточный зубной комплекс» у населения Тихоокеанского побережья Перу // Тезисы доклада на XIV Тихоокеанском Конгрессе, М., 1979.
- Пестряков 1995 – Пестряков А.П. Расы человека в краниологической классификации населения тропического пояса // Современная антропология и генетика и проблема рас у человека. М., 1995. С. 43–90.
- Пестряков и др. 2004 – Пестряков А.П., Григорьева О.М. Краниологическая дифференциация современного населения // Расы и народы. Ежегодник. М., 2004. Вып. 30. С. 86–131.
- Balueva et al. 2011 – Balueva T., Veselovskaya E. The appearance of ancient inhabitants of Hostice I za Hanou // Hostice 1 za Hanou. Drozdova et al. Masarykova univerzita. Brno, 2011. P. 85–106
- Balueva et al. 2012 – Balueva T., Veselovskaya E., Drozdová E. 2012: Rekonstrukce podoby některých pohřbených z mladohradištního pohřebiště u Divák. Jižní Morava 2012, ročník 48, svazek 51: 291–293.
- Kobyliansky et al. 2008 – Kobyliansky E., Balueva T.S., Veselovskaya E.V., Arensburg B. Facial Image of Biblical Jews from Israel // Anthropologischer anzeiger, 2008. 66 (2). P. 1–24.
- Morant 1923 – Morant G.A. A first study of the Tibetan skull // Biometrika, 1923. V. XIV. P. II–IV:

Newman 1949 – Newman M.T. The Sequence of Indian Physical Types in South America // Papers on the Physical Anthropology of the American Indian. N.Y.: 21, 1949. P. 69–97.

Vasilyev S.V., Veselovskaya E.V., Pestryakov A.P. Last Inca (historical and anthropological research).

The skull of the last Inca – Atahualpa – was studied. In addition to classical and author's craniological techniques the graphic reconstruction was made.

Atahualpa skull can be described as mesocranial. The shape of the skull from above is ovoid. It also has sloping and rather narrow forehead. The morphological relief is underdeveloped. The nape is wide. The facial skeleton is low and relatively wide. The horizontal profiling is well expressed in the lower part of the face. There is a pronounced alveolar prognathism. Orbits are small and have rounded shape. The nose is not tall and narrow and can be described as leptorrhine. The nasal bridge is curved. Zygomatic area and the mandibula are quite gracile. In a comparative analysis Atahualpa skull occupies an intermediate position between Pacifics and the Indians of South America, on the one hand, and between the Indians of the Andes, on the other. While comparing to Andean cranioseries Atahualpa skull has bigger size, almost the same as the average for the South American Indians, and in its shape it is very close to the modern population of the Andes.

Completed and introduced portraits allow to see clearly the anthropological features of the face and, in general, of the head of Atahualpa.

Key words: *physical anthropology, the last Inca, craniology, craniotype, Indians of South America, graphic face reconstruction.*

УДК 643.01

© А.А. Матусовский

ЖИЛИЩЕ ИНДЕЙЦЕВ ХОТИ

Статья основана на материалах, собранных автором в ходе нескольких этнографических экспедиций к индейцам хоти, проживающим в центральной Венесуэле, на севере штата Амазонас и юге штата Боливар. Автор статьи дает классификацию и осуществляет типологический анализ жилища индейцев хоти.

Ключевые слова: индейцы Венесуэлы, индейцы хоти, традиционное жилище.

Индейцы *хоти* населяют центральные районы Венесуэлы, область, расположенную на севере штата Амазонас и юге штата Боливар, почти полностью совпадающую с горным массивом Сьерра-де-Маигуалида. Существование хоти зависит от охоты, примитивного подсечно-огневого земледелия, рыболовства и собирательства. В конце 1960-х – начале 1970-х годов эти индейцы были известны ученым под именами их отдельных локальных групп: *чикано (шикана), юана, или ювана, варувару, руа (руе), оречикано, варуваду*. Позднее, основываясь на географическом расположении локальных групп хоти, а не на существенных этнографических отличиях, этнологи стали подразделять хоти на две группы – северную, в верховьях реки Кучиверо, и южную, в бассейнах рек Парусито, Игуана и Асита.

«В настоящее время результаты многочисленных исследований подтверждают, что хоти и южных, и северных зон проживания сами себя обозначают именно как хоти, и что данные, относящиеся к их антропологическому типу, языку и образу жизни, свидетельствуют о единой этнической сущности этих двух групп» (Матусовский 2010: 215).

В период с 2001 г. по 2012 г. автор статьи осуществил три этнографические экспедиции к южным группам индейцев хоти, расселенным на севере штата Амазонас: в 2001 г. он посетил хоти, живущие в междуречье Каньо-Москито и Каньо-Бандарита, левых притоков верхнего течения реки Парусито (Там же: 213–214); в 2010 г. находился в деревне хоти Сан-Хосе-де-Коромото на р. Асита, правом притоке верхнего течения реки Вентуари (Там же: 61–63); в 2012 г. проводил исследования среди индейцев хоти на р. Каньо-Москито, р. Каньо-Бандарита (община Бандарита) и Махагуа (община Махагуа), левого притока реки Парусито (рис. 1).

Анализ материалов, собранных автором статьи в ходе этих экспедиций, позволил сформулировать важный исследовательский вопрос – почему небольшой индейский народ, чья численность не превышает 900 чел. (Там же: 221), имеет несколько типов жилища, а определить традиционный, исконный, свойственный этой индейской культуре тип жилища представляется весьма сложным? Этот вопрос важен потому, что он касается выяснения происхождения хоти, особенностей их адаптации к окружающей среде, связей с окружающими народами.

Матусовский Андрей Александрович – кандидат философских наук. Эл. почта: AndreyMatusovskiy@rambler.ru.

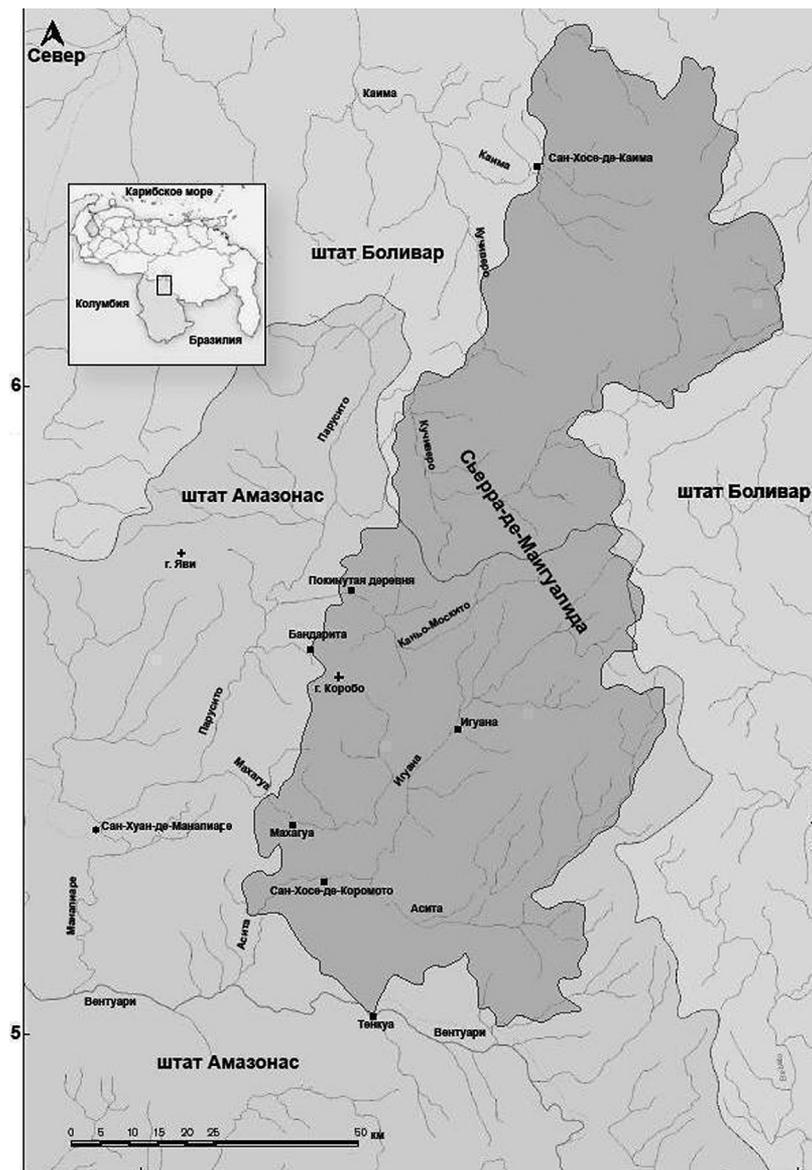

Рис. 1. Территория проживания индейцев хоти (обозначена темным цветом). Рисунок автора.

Проблеме типологизации современного жилища индейцев хоти, а также выявлению традиционного типа жилища, характерного для их постоянных поселений, посвящена данная работа.

Все зафиксированные типы жилищ различаются между собой по ряду общих признаков: а) по геометрическим формам, б) по функциональному назначению построек, в) по использованным для строительства материалам. У южных групп индейцев хоти выявлено девять типов жилищ.

I. Жилище прямоугольной формы под двускатной крышей из пальмовых листьев, имеющее решетчатые стены,

построенные из жердей, обмазанных с внутренней и внешней сторон глиной (ПМА 2010: тетр. 1; ПМА 2012: тетр. 1).

II. Прямоугольной формы под двускатной крышей из пальмовых листьев со стенами из плетеных циновок (ПМА 2010: тетр. 1).

III. Прямоугольной формы жилище под двускатной крышей из пальмовых листьев, имеющее стены, также полностью построенные из пальмовых листьев (ПМА 2012: тетр. 1).

IV. Прямоугольной или овальной формы жилище под двускатной крышей из пальмовых листьев, имеющее стены, сработанные из тонких жердей, вертикально вкопанных в землю (Там же: тетр. 1).

V. Прямоугольной формы жилище, без стен, открытое со всех сторон, под двускатной крышей из пальмовых листьев (ПМА 2010: тетр. 1; ПМА 2012: тетр. 1).

VI. Круглое в плане с конусообразной крышей из пальмовых листьев, со стенами, построенными из плетеных циновок (ПМА 2010: тетр. 1).

VII. Круглое в плане с конусообразной крышей из пальмовых листьев, со стенами, построенными из жердей, обмазанными с внутренней и внешней сторон глиной (ПМА 2012: тетр. 1).

VIII. Прямоугольной формы легкая хижина под двускатной крышей из пальмовых листьев, немного не доходящей до земли (ПМА 2001: тетр. 1).

IX. Легкий охотничий навес под односкатной наклонной крышей из пальмовых листьев (ПМА 2010: тетр. 1; ПМА 2012: тетр. 1).

Ранее мне доводилось писать: «Существуют два типа поселений хоти: постоянные и временные. В постоянных хоти живут на одном месте не более пяти лет, возвращаясь туда после частых походов в лес, участия в коммерческом обмене, обрядах. Рядом с таким поселением есть расчистка под огород. Временный лагерь организуют во время выходов для сбора плодов. Продолжительность пребывания во временных и постоянных жилищах у хоти значительно различается и связана с биологическими ресурсами, временем года, характером коммерческого обмена, участием в общественных ритуалах, встречами с другими локальными группами. Место постоянного жительства может быть оставлено как из-за общего истощения пищевых ресурсов, так и из-за смерти одного из членов группы» (Матусовский 2010: 226–227).

Жилища типов I, II, III, IV, V, VI, VII хоти строят в постоянных поселениях, а типов VIII, IX используют в качестве временных во время перекочевки в сухой сезон или на охоте. Следует учитывать, что «в зависимости от характера поселений хоти строят два типа жилища. Одни служат месяцы и даже годы, другие – это временные укрытия, предназначенные по большей части для хранения предметов обихода вблизи расчистки-плантации или во время охоты и занятий собирательством» (Там же: 227).

Различные типы жилища южной группы индейцев хоти были зафиксированы автором в пяти селениях хоти: в сезонном временном лагере в междуречье Каньо-Москито и Каньо-Бандарита в общинах Сан-Хосе-де-Коромото, Бандарита, Махагуа, в безымянной деревне на реке Каньо-Москито, а также в охотничьих лагерях хоти на реках Асита, Каньо-Москито и Махагуа.

Эгли и Стэнфорд Зент, супружеская пара исследователей, длительное время занимавшаяся изучением культуры хоти, так характеризует поселения хоти на реках Каньо-Москито и Махагуа: «Сообщество на реке Канья-Москито – независимое и очень маленькое (12 чел.), имеющее редкие контакты с другими этническими группами. Сообщество на реке Махагуа – независимое маленькое (25 чел.), имеющее редкие контакты с пиароа и панаре» (Zent E.L., Zent S. 2002: 9).

Каждый выявленный тип жилища заслуживает отдельной характеристики.

I. Жилище прямоугольной формы под двускатной крышей из пальмовых листьев, имеющее решетчатые стены из жердей, обмазанных с обеих сторон глиной (ПМА 2010: тетр. 1; ПМА 2012: тетр. 1).

Тип жилища I может быть подразделен на три подтипа, различающихся по форме стен, крыши и построению фронтонов:

а) прямоугольный контур стен, под двускатной крышей, фронтоны являются продолжением торцовых решетчатых стен и также обмазаны глиной;

Рис. 2. Тип жилища I, подтип б. Община Сан-Хосе-де-Коромото (фото автора, 2010 г.)

б) прямоугольный контур стен, под двускатной крышей, фронтоны закрыты пальмовой кровлей;

в) прямоугольный контур стен, закругляющийся на торцевых сторонах, под двускатной крышей, закругляющейся на фронтонах.

Размеры жилища типа I разнятся: $3,5 - 5,5 \times 4,5 - 7 \times 4 - 4,5$ метров (стороны А × Б × высота). Имеют вход, расположенный на торцевой стороне. Большинство построек типа I, зафиксированных автором статьи, имело дверь, сделанную из досок или жердей, и, как правило, оснащенную

каким-либо запором или навесным замком. Лишь в одном случае, в деревне Сан-Хосе-де-Коромото, тип жилища I имел дверь, представляющую собой две широкие плетеные циновки, привязанные к двум столбам, образующим вход. Циновки также закрывали образовавшиеся прорехи в решетчатых стенах, обмазанных глиной (ПМА 2012: тетр. 1). Крыша жилищ типа I не достигает до земли около 1,5 метра.

Для строительства стен жилищ типа I между опорными столбами устанавливают дополнительные, более тонкие столбы, которые врывают в землю в вертикальном положении. К ним в горизонтальном положении, параллельно друг другу, крепят деревянные жерди, связывая их лианами в каждом месте пересечения с вертикальными деталями конструкции. Смонтированный таким образом решетчатый каркас обмазывают по всему периметру глиной, работая только руками, не используя каких-либо инструментов. Чтобы накладываемый кусок глины не проваливался сквозь полую ячейку каркаса, с обратной стороны его поддерживают рукой, постепенно заполняя каждую клетку решетки и разглаживая поверхность. Иногда строителей, накладывающих глину, двое, и тогда они работают в паре – с внешней и внутренней стороны.

II. Жилище прямоугольной формы под двускатной крышей из пальмовых листьев, имеющий стены, построенные из плетеных циновок (ПМА 2010: тетр. 1). Размеры: $3,5 \times 5 \times 4,5$ метров (стороны А × Б × высота).

Фронтоны жилища типа II остаются открытыми, по всему периметру пространство между опорными столбами закрыто плетеными циновками. Вход расположен с края одной из длинных стен. Дверью служит широкая циновка. Крыша не достигает до земли около 1,5 метра.

Данный тип жилища был отмечен автором статьи единственный раз в деревне Хоти Сан-Хосе-де-Коромото. В нем проживала одинокая женщина, имевшая трех детей: двух 10-12 лет, мальчика и девочку, и младенца 1-2 лет. В строительстве дома этой семьи были применены самые незамысловатые архитектурные решения, использование которых, возможно, обуславливалось отсутствием мужа у хозяйки жилища и ее неспособностью самостоятельно осуществить сложные строительные работы.

Мужчины и женщины Хоти мастерски владеют искусством плетения, по мере надобности быстро и качественно изготавливая различные предметы традицион-

го обихода: корзины нескольких видов, блюда и сита, циновки. Поэтому возможно утверждать, что факт использования плетеных циновок при возведении жилища типа II и устранения с их помощью изъянов, образовавшихся в глинобитных стенах жилища типа I, свидетельствует о желании индейцев минимизировать трудовые затраты. Тип жилища II тождественен типам жилищ I, III и V.

III. Жилище прямоугольной формы под двускатной крышей из пальмовых листьев, имеющее стены, также полностью построенные из пальмовых ветвей и листьев (ПМА 2012: тетр. 1). Размеры: $3/5 \times 3,5/6 \times 2,5/4$ метров (стороны А х Б х высота).

Тип жилища III тождественен типу жилища I, с той лишь разницей, что его стены, как и крыша, полностью сделаны из пальмовых листьев. Имеет два подтипа, различающихся по форме стен, крыши и построению фронтонов: а) прямоугольный контур стен, под двускатной крышей, не доходящей до земли около 1 метра, фронтоны закрыты пальмовой кровлей; вход располагается на торцевой стороне; б) прямоугольный контур стен, закругляющийся на торцевых сторонах, под двускатной крышей, закругляющейся на фронтонах, не доходящей до земли около 1,5 метров; вход устроен с края одной из длинных стен. Входной проем у данного типа жилища остается открытым или имеет дверь, сделанную из плетеной циновки.

При строительстве стен жилищ типа III, в том числе на фронтонах, используется та же техника, что и при создании крыши, однако листья пальмы кладутся лишь несколькими не столь плотными рядами. Листья пальмы, формирующие стены, могут крепиться к опорным столбам, как в вертикальном, так и в горизонтальном положении относительно земли. Если листья уложены горизонтально земле, последний из них, соприкасающийся с землей, прижимают длинной жердью. В общине Бандарито автором статьи был отмечен случай, когда вертикально установленные листья пальмы, формирующие стены жилища типа III, дополнительно укреплялись снизу листьями пальмы, идущими горизонтально (Там же: тетр. 1).

IV. Жилище прямоугольной или овальной формы под двускатной крышей из пальмовых листьев, имеющее стены, построенные из тонких жердей, вертикально вкопанных в землю (Там же: тетр. 1).

Тип жилища IV включает два подтипа: а) прямоугольный контур стен, двускатную крышу, открытые фронтоны; б) овальный контур стен, под двускатной крышей, закругляющейся на фронтонах. Тип жилища IV зафиксирован в общинах хоти на реках Каньо-Бандарита и Махагуа.

В общине Каньо-Бандарита в жилище типа IVa, представленном единственным экземпляром, проживала молодая женщина, одинокая мать двоих малолетних детей, у которой умерли родители и муж и о которой некому было позаботиться. Она жила бедно, имея мало пищи, все свободное время посвящая грудному ребенку. Ее жилище представляло собой постройку размером около пяти метров в длину, четырех в ширину и трех с половиной в высоту, под двускатной пальмовой крышей, закруглявшейся по торцевым сторонам. Дом служил хозяйке одновременно и жилым помещением, и кухней.

В общине хоти Махагуа стояли три строения, относящихся к типу жилища IV: семейная хижина подтипа IVб, в которой проживала полноценная семья, состоявшая из мужа, жены и двух детей, использовавшая свой дом в качестве не только жилого помещения, но и кухни; хижина подтипа IV, где располагалась местная школа; хижина подтипа IVa, выполнявшая роль своего рода «общинного» дома, в ней днем

собирались почти все жители общины (однако большая их часть уходила ночевать в жилища типа Iб, Iв, IVб), готовилась еда.

Отдельного внимания в общине Махагуа заслуживает жилище типа IVа. Эта постройка имела внушительные размеры, самые большие, зафиксированные автором статьи среди всех строений южной группы индейцев хоти: $5-5,5 \times 9-10 \times 4-4,5$ м (стороны А \times Б \times высота). Каркас жилища составляли несколько опорных столбов диаметром около двадцати сантиметров, располагавшихся по периметру строения, к которым крепились балки, как поперечные, так и идущие по всему контуру здания. Между опорными столбами вертикально в землю были вкопаны тонкие жерди, неплотно подогнанные друг к другу, и оставлявшие таким образом возможность видеть изнутри, что происходит снаружи, скрепленные горизонтальными усиливающими жердями. Жесткость конструкции также обеспечивали несколько дополнительных строительных деталей, отсутствовавших во всех других типах жилищ: а) два опорных столба, поддерживавших крышу, установленных в центре жилища, связанных лианами с поперечными балками, лежащими на основных опорных столбах; б) дополнительные усиливающие балки на фронтонах. Жилище типа IVа было оборудовано дощатой дверью.

Хозяином данного жилища являлся шестидесятилетний мужчина хоти по имени Луис, глава и шаман общины Махагуа, свидетель и непосредственный участник первых контактов южной группы хоти с внешним миром в конце 1960-х – начале 1970-х годов. Луис был одним из информантов американского антрополога Уолтера Коппенса, посетившего индейцев хоти в начале 1970-х годов. Жилище типа IVа активно эксплуатировалось, оно выглядело старым и об-

Рис. 3. Тип жилища IV, подтип а. Община Махагуа (фото автора, 2012 г.).

ветшалым. На мой вопрос, сколько лет этому строению, Луис ответил – двадцать. Луис поясняет, что живет на этом месте уже сорок лет, и все это время деревня Махагуа располагалась здесь. Раньше у него был другой дом, и он стоял в Махагуа ближе к берегу реки (Там же: тетр. 1).

Интерьер жилища типа IVа составляли: два очага (один из них выполнен в виде небольшой примитивной жаровни, на которой хоти установили огромный металлический противень для обжарки маниоковой муки), несколько гамаков, подвешенных к балкам конструкции, бревно-скамья, лежавшее на земле слева у входа, и две большие ткацкие рамы, предназначенные для производства гамаков. При беглом взгляде создается впечатление, что в интерьере жилища типа IVа царит полнейший хаос: картину дополняют заткнутые за стены по всему периметру, подвешенные к балкам и валяющиеся на земле различные хозяйственные приспособления, плетеные

Луис, глава и шаман общины Махагуа, свидетель и непосредственный участник первых контактов южной группы хоти с внешним миром в конце 1960-х – начале 1970-х годов. Луис был одним из информантов американского антрополога Уолтера Коппенса, посетившего индейцев хоти в начале 1970-х годов. Жилище типа IVа активно эксплуатировалось, оно выглядело старым и об-

корзины, духовые трубки, копья, одежда, связки бананов. Однако хоти четко представляют, что и где у них находится. Заслуживающим внимания представлялся тот факт, что оба кухонных очага индейцы располагали вдоль одной из длинных стен, высвобождая, таким образом, значительную площадь в центре жилища и у противоположной стены для осуществления других видов хозяйственной деятельности и развешивания гамаков. Рядом с жилищем типа IVa, где днем проистекала активная жизнедеятельность, было построено жилище типа Ib, куда ночью отправлялся спать Луис со своей семьей (Там же: тетр. 1).

Ранее жилище типа IVa в Махагуа также использовалось как место ночевки семьи Луиса (Там же: тетр. 1). Его внушительные размеры характеризуют его не только как единственное в своем роде, но и позволяют предположить, что в недавнем прошлом оно служило обителью для достаточно большой группы людей, скорее всего, большой расширенной семьи. Данную гипотезу подтверждают сведения первых этнологов, посетивших хоти в начале 1970-х годов. У. Коппенс и П. Митрани так описывали интерьер постоянного жилища хоти: между опорными столбами, образуя треугольник вокруг костра, были развешены гамаки каждой семьи: женские располагались вдоль стен, мужские – ближе к центральной части жилища, треугольник замыкал гамак детей старше 10 лет; гамаки детей 7-10 лет висели над гамаками их родителей; грудные дети спали вместе с отцом или матерью (Coppens, Mitrani 1974: 138). Спустя несколько десятилетий после посещения У. Коппенсом и П. Митрани хоти в 2010 г., в Сан-Хосе-де-Коромото автору статьи довелось наблюдать подобное традиционное размещение гамаков в жилище типа II: младенец спал вместе с матерью в ее гамаке, гамак более старшего ребенка был закреплен еще выше, над ними (ПИМА 2010: тетр. 1).

Жилище типа IVa не встречается у соседних индейских групп и не может быть идентифицировано как инокультурное заимствование.

Приведенные выше аргументы и почтенный возраст жилища типа IVa, зафиксированный в Махагуа, дают возможность говорить, что автору статьи довелось наблюдать один из старейших, вероятно, наиболее традиционный тип строений, свойственный для постоянных деревень южных групп индейцев хоти.

V. Жилище прямоугольной формы, открытое со всех сторон, под двускатной крышей из пальмовых листьев (ПИМА 2010: тетр. 1; 2012: тетр. 1). Размеры: $6 \times 5 \times 5/6$ м (стороны А \times Б \times высота).

Каркас жилища типа V имеет четыре, или более, опорных столба диаметром пятнадцать – двадцать сантиметров и высотой около двух метров, врытых в землю по углам воображаемого прямоугольника. По центру коротких сторон установлены столбы пяти – шестиметровой высоты. К верхним точкам опорных столбов по периметру конструкции,

Рис. 4. Девочка хоти, чистящая пойманную рыбу. Община Махагуа (фото автора, 2012 г.).

параллельно земле крепятся жерди, усиливающие несущий каркас и одновременно являющиеся нижней опорой для двускатной крыши. Остов жилища укрепляют и балки, идущие между высокими и низкими опорными столбами. Крышу также поддерживает дополнительное усиливающее стропило в центре жилища, которое, не касаясь земли, уходит вверх из точки его пересечения с поперечной балкой. На верхних точках высоких опорных столбов устанавливается продольная перекладина. Каркас крыши составляют более тонкие жерди, закрепленные лианами параллельно друг другу на расстоянии шестидесяти – восьмидесяти сантиметров и под углом к земле в верхней точке – к продольной перекладине, в нижней – к жердям, идущим по периметру конструкции. Фронтоны жилища типа V закрыты пальмовыми листьями. Крыша не доходит до земли около восьмидесяти сантиметров. С одной из торцевых сторон в свисающей кровле прорезают проход высотой в человеческий рост.

Тип жилища V имеет подтип: Va – прямоугольный в плане легкий открытый навес на четырех или более столбах, под двускатной крышей из пальмовых листьев, с закрытыми или открытыми фронтонами. Следует предположить, что он выполняет функцию кухни, хозяйственной вспомогательной постройки рядом с жилой хижиной, или облегченного временного жилища для проходящих из других деревень гостей. Описанный подтип был выявлен в общинах Сан-Хосе-де-Коромото (ПМА 2010: тетр. 1), Бандарита, Махагуа, в безымянной деревне на реке Каньо-Москито

Рис. 5. Тип жилища VI. Община Сан-Хосе-де-Коромото (фото автора, 2010 г.)

(ПМА 2012: тетр. 1). Однако во время пребывания автора статьи в деревнях Сан-Хосе-де-Коромото и Махагуа имевшиеся там строения типа Va представляли собой заброшенные, требующие ремонта постройки, и делать какие-либо категоричные выводы об их функциональном назначении не представляется возможным.

VI. Круглое в плане жилище с конусообразной крышей из пальмовых листьев, со стенами, построенными из плетеных циновок (ПМА 2010: тетр. 1). Жилище типа VI было отмечено автором статьи единственный раз – в постоянной деревне хотя Сан-Хосе-де-Коромото на реке Асита, правом притоке верхнего течения реки Вентуари. Размеры постройки: диаметр – около 4-4,5 метров, высота – около 5 метров. Крыша не доходит до земли около 1,5 метра. Имеет

один вход, обращенный в сторону р. Асита.

Автор статьи придерживается мнения, что тип жилища VI является инокультурным заимствованием. Несмотря на то, что состав населения Сан-Хосе-де-Коромото был этнически однородным, местные хоти поддерживали эпизодические контакты с представителями других этнических групп – индейцами *пиароа* и *екуана*, чьи селения располагались на берегах реки Вентуари, в непосредственной близости от устья реки Асита. Их традиционные постройки имеют кругообразную форму и характерную конусообразную форму крыши. Глава общины Сан-Хосе-де-Коромото – молодой мужчина по имени Марселино, ребенком взятый на воспитание индейцами *екуана* из селения Тенкуа на реке Вентуари, так как его родители умерли, когда ему было совсем мало лет, и он многие годы провел среди *екуана*, выучив их язык (ПМА 2010: тетр. 1; Матусовский 2013: 171).

Для традиционного жилища индейцев *екуана* *атта* характерен более пологий угол наклона крыши (Gasparini, Margolies 2009: 187), а вот куполообразная крыша традиционного жилища индейцев *пиароа* *имсо'де* («острый») явно напоминает кровлю жилища хоти типа VI в Сан-Хосе-де-Коромото (Там же: 140–141, 144–145). Поэтому с наибольшей степенью вероятности допустимо утверждать, что заимствование происходит из культуры *пиароа*.

В пользу влияния со стороны *пиароа* говорит и тот факт, что большинство жителей Сан-Хосе-де-Коромото пришло сюда жить десять лет назад с реки Игуана, притока реки Асита, из бывшей миссионерской протестантской станции «Миссии новые племена». Обустроить ее помогали индейцы *пиароа*; после высылки американских проповедников, заподозренных в шпионаже в пользу США, в 2006 г. станция была переоборудована в правительственный пост (ПМА 2010: тетр. 1). Как говорили сами хоти, они ушли оттуда, потому что там сконцентрировалось слишком много людей, и всем им было сложно прокормиться. До прихода хоти с реки Игуана на реке Асита, на месте современной деревни Сан-Хосе-де-Коромото, стояло всего две хижины хоти (Там же: тетр. 1). Следует отметить, что «поселения хоти варьируют от относительно постоянных и многолюдных при миссиях на реках Каима и Игуана до временных стоянок какой-нибудь парной семьи, ведущей подвижный образ жизни (Матусовский 2010: 227)».

VII. Круглое в плане жилище с конусообразной крышей из пальмовых листьев, со стенами, построенными из жердей и обмазанными с двух сторон глиной (ПМА 2012: тетр. 1). Размеры: диаметр – около 4-4,5 метров, высота – около 6-6,5 метров. Крыша не доходит до земли около 1,5 метра. Имеет один вход.

Тип жилища VII зафиксирован автором статьи также единственный раз, в постоянной деревне хоти Бандарита на реке Каньо-Бандарита. Община Бандарита представляла собой место, куда пришли жить хоти из различных, порой весьма отдаленных мест – с рек Каньо-Москито, Каньо-Бандарита и Игуана, из католической миссии, расположенной на берегу реки Каима, правом притоке верхнего течения реки Кучиверо. Автору статьи не довелось беседовать с хозяевами жилища типа VII и узнать, откуда они пришли жить в общину Бандарита, почему построили свой дом такой формы, не довелось быть внутри строений типов VI и VII. Поэтому он не владеет данными, свидетельствующими об устройстве их внутренних конструкций. Однако, как и в случае с типом жилища VI, можно с уверенностью говорить – тип жилища VII является прямым заимствованием от индейцев *панаре*.

Это можно объяснить тем, что «часть общин хоти проживала совместно с ин-

дейцами панаре: в штате Боливар община Каима/Кайама – общее число жителей 126 чел. (согласно материалам переписи индейского населения Венесуэлы в 1985 году – прим. автора; в начале 2000-х годов – около 500 чел.), в федеральной территории Амасонас общины Абионетабали/Като Игуана и Като Пиигуано с общим числом жителей 84 и 41 чел. соответственно. Остальные общины хотя жили отдельно от других этнических групп» (*Матусовский* 2010: 220).

Один из типов традиционного жилища индейцев панаре – общинный дом *перекка*, характерного для области верхнего течения реки Кучиверо. Он представляет собой круглое в плане строение диаметром десять-двадцать метров, высотой двенадцать-пятнадцать метров, с одним входом, с высокой куполообразной крышей, спускающейся до земли (*Gasparini, Margolies* 2009: 241). Крыша находившегося в общине Бандарита жилища типа VII полностью копировала крышу переки, но здесь она, в отличие от строений панаре, не доходила до земли.

VIII. Прямоугольной формы легкая хижина под двускатной крышей из пальмовых листьев, немного не достигающей до земли (ПМА 2001: тетр. 1). Размеры: $4,5 \times 3,5 \times 2,5/3$ метров (стороны А х Б х высота).

Тип жилища VIII следует отнести к временному, однако имеющему, в отличие от типа жилища IX, более основательную конструкцию и, соответственно, более длительный срок службы. До исследований 2010 и 2012 гг. среди южных групп индейцев хотя на реках Асита, Махагуа, Каньо-Бандарита и Каньо-Москито, не имея достаточного сравнительного материала, автор статьи ошибочно причислял этот тип жилища к постоянному (*Матусовский* 2010: 1, 227).

Зафиксированный во время экспедиции 2001 г. (ПМА 2001: тетр. 1) тип жилища VIII представлял собой «прямоугольную в плане хижину длиной 4,5 м, шириной 3,5 м, высотой 2,5 м. Двускатная крыша из больших пальмовых листьев доходит до земли. Каркас хижины составляют жерди П-образной формы, на которые опирается крыша. На П-образный каркас настилаются продольные жерди, что позволяет организовать под смыкающейся кровлей своего рода чердак – место хранения духовых ружей, копий, корзин.

Внутри хижины каждый член группы, за исключением грудных детей, спящих вместе с матерью или отцом, имеет собственный гамак. В хижине постоянно тлеют три-четыре костра, которые обитатели жилища по мере надобности с помощью умелых и ловких движений заставляют вновь вспыхивать. Для этого служат специальные веера. К опорным столбам подвешивают плетеные корзины для хранения домашнего скарба. На плотно утоптанной земляной пол кладут циновки. Для сидения используют гамак или деревянный чурбан. Под крышей хижины, как правило, хранится сухая чурка для добывания огня. Тонкую стружку, которая получается в процессе выточки стрел для духового ружья, используют для разжигания огня» (*Матусовский* 2010: 227–228).

IX. Легкий охотничий навес под односкатной наклонной крышей из пальмовых листьев (ПМА 2010: тетр. 1; ПМА 2012: тетр. 1). Размеры: $3 \times 3 \times 2/2,5$ метров (стороны А х Б х высота). Данная категория временных жилищ широко представлена во всех областях расселения южных групп индейцев хотя. Жилище типа IX строится исключительно в ходе охотничьих вылазок, которые могут длиться несколько дней.

Основанием такого навеса служат четыре некрупных опорных столба диаметром десять-пятнадцать сантиметров и высотой около ста пятидесяти сантиметров, вры-

тых в землю по углам воображаемого прямоугольника или квадрата. По периметру конструкции на высоте примерно полутора метров к опорным столбам лианами привязываются более тонкие жерди, служащие для усиления несущего каркаса. С одной из сторон к опорным столбам постройки на высоте двух метров крепится дополнительная жердь. На верхнюю и нижнюю жерди настилаются широкие пальмовые листья, образующие наклонную крышу. Чтобы листья не унесло порывом ветра или дождя сверху на них укладывают ветки средней величины.

Легкие охотничьи навесы, благодаря простоте возведения, могут быть сооружены с использованием в качестве основы одного-двух деревьев, стоящих рядом.

Индейцы хоти, как и их соседи индейцы ябарана и пиароа, используют для покрытия крыши большие длинные пальмовые листья. На стебле листа расположено множество осокообразных длинных листочков, расходящихся в противоположные друг от друга стороны. Перед тем как начать их укладывать на каркас крыши, заготовленные заранее листья тщательно высушивают особым способом.

Осокообразные листья одной стороны стебля загибают, поворачивая их на семьдесят градусов параллельно листьям другой стороны. В таком сложенном пополам состоянии пальмовый лист оставляют под гнетом на солнце. Из полностью высохших листьев получают готовые строительные заготовки. Не менее часто листья-заготовки начинают укладывать на крышу еще зелеными. К жердям крыши их прикрепляют, начиная снизу вверх, параллельно земле, тщательно подгоняя одну заготовку к другой таким образом, чтобы осокообразные листья шли плотным настилом ряд за рядом сверху вниз. При этом каждую заготовку аккуратно привязывают лианами во всех местах ее пересечения с жердями каркаса – получается надежная водонепроницаемая крыша, которая прослужит своим хозяевам несколько лет.

У типов жилищ, имеющих прямоугольную форму, на коньке кровля крыши удерживается несколькими способами: а) продольно с двух сторон кладутся дополнительные пальмовые листья, прижимающие сверху всю конструкцию; б) в нескольких местах конек насквозь прошивается деревянными кольями - шпильками; в) на поперечные колья-шпильки кладутся длинные жерди, прижимающие пальмовые листья. Острия крыш жилищ типов VI и VII устроены следующим образом: а) у типа VI наверху перевязано лианами; б) у типа VII последний пальмовый лист крепится к вертикально выступающей жерди.

Для соединения между собой различных частей строительных конструкций всех типов хоти используют лианы – гибкий и прочный природный материал.

В целях предотвращения проникновения дождевых вод в свои жилые и хозяйственные постройки индейцы выкапывают по их периметру неглубокие канавки. Если у жилищ типа I отсутствует дверь, и дверной проем остается открытым, его нижнюю часть прикрывают широкой доской высотой около сорока сантиметров, предназначенной для защиты жилища от кур, собак, ядовитых земноводных и пресмыкающихся.

Вертикальные балки, поддерживающие крышу, являются дополнительными усиливающими элементами конструкций; как правило, они не доходят до земли, а только до уровня поперечных опорных балок, до высоты человеческого роста. Внутреннее пространство всех описанных типов жилищ остается свободным. Исключение, ввиду своих больших размеров, составляет только жилище типа IVa, зафиксированное автором статьи в общине Махагуа и имеющее два дополнительных опорных

столба, расположенных в центре постройки.

Выявленное многообразие типов жилища у немногочисленного народа хоти, обитающего на ограниченной, компактной территории, позволяет сформулировать важный вопрос: что мы наблюдаем – своеобразный культурный феномен вариативности или эволюцию одного из основополагающих элементов традиционной материальной культуры?

В постоянных деревнях южных групп индейцев хоти присутствовало одновременно нескольких типов жилищ. Население этих деревень было сформировано как из семей, относительно недавно пришедших жить на новое место (общины Бандарита и Сан-Хосе-де-Коромото), так и из групп, располагавшихся достаточно долгое время на одном месте (например, община Махагуа). Автор статьи склонен полагать, что привносимые переселенцами культурные инновации, приобретаемые ими в ходе контактов со своими ближайшими индейскими соседями или креольским населением, находили благоприятную почву в присущих для хоти эгалитарных отношениях, отмечаемых у них многими исследователями (*Storrie* 2006: 358). Это обстоятельство способствовало быстрому и успешному интегрированию новаций в устоявшуюся традицию.

Широкое распространение среди всех индейских народов получил тип жилища, заимствованный ими у креольского населения, имеющий прямоугольную форму, со стенами из скрещенных жердей, обмазанных глиной, с пальмовой двускатной крышей (*Матусовский* 2013: 170).

Означает ли это потерю хоти своей исконной, в настоящее время значительно размытой, архитектурной традиции?

Этнологи, первыми посетившие хоти в начале 1970-х годов, после вступления этих индейцев в контакт с внешним миром в конце 1960-х годов (*Coppens, Mitrani* 1974: 137–138), побывали, в том числе, и в постоянных деревнях хоти на реках Игуана, Махагуа и Каима. Однако их сведения не дают ответа на интересующий нас вопрос: какие типы жилищ были ими описаны, традиционные, изначально присущие этому народу, или уже носившие какие-то культурно-архитектурные изменения, заимствованные хоти у своих ближайших индейских соседей. У Коппенс и П. Митрани так характеризуют жилище хоти: размеры: средняя длина – 4,5 метра, ширина – 3,5-4 метра, высота – 2,5 метра; каркас формируют четыре опорные сваи; стены построены из продольно закрепленных пальмовых листьев; крыша двускатная (Там же: 137–138). Подобное описание соответствует в классификации предлагаемой автором статьи жилищу типа III.

«Считается, что до контактов с европейцами хоти осуществляли более частые и длительные выходы из своих лагерей, в большей степени практиковали собирательство, небольшие участки расчищали при помощи каменных топоров и огня, а их контакты с панаре были более ограниченными» (*Матусовский* 2010: 224). Данное обстоятельство позволяет автору статьи выдвинуть предположение о большом распространении у хоти в 1960–1970-е годы жилищ типов V, VIII, IX как наименее трудоемких, простых и быстрых при возведении построек, а также жилищ типов IV и V – в постоянных деревнях. Косвенным подтверждением правомерности такого суждения становится и тот факт, что одной из целей при возведении решетчатых стен, обмазываемых глиной, является защита от москитов, переносящих опасные тропические заболевания. Об этом заявляли многие опрашиваемые автором статьи информанты. Луис, хозяин жилища типа IVa в Махагуа, рассказывал, что еще совсем недавно хоти разводили вокруг подвешенного гамака три

костра, которые дымились всю ночь, отпугивая насекомых (ПМА 2012: тетр. 1).

При строительстве жилищ различных типов хоти руководствуются соображениями практицизма и функциональности. Отмеченные случаи постройки жилищ типов VI и VII не могут быть рассмотрены в качестве отхода от принципов утилитарности строительства. Их следует трактовать как подражательные заимствования, своими инновационными веяниями, безусловно, усложнившие строительную технику хоти, но усиливающие эстетическое восприятие их построек.

Ни в планировке, ни в архитектуре жилых строений хоти не прослеживается какой-либо сакральный смысл, отчетливо выраженный, к примеру, в традиционных жилищах их индейских соседей – екуана и яномамо (Матусовский 2011: 149).

Предметы и объекты, пришедшие в жизнь хоти из современного мира, такие как радиопередатчик, медикаменты, школа, имеют для них престижное значение и, очевидно, поэтому располагаются, как правило, в наиболее «представительских» жилищах типа I. Имевшиеся в постоянных деревнях хоти Сан-Хосе-де-Коромото, Бандарита и Махагуа радиопередатчики все размещались в жилищах типа I, оборудованных под радиорубку (ПМА 2010: тетр. 1; ПМА 2012: тетр. 1). В Махагуа постройка, выделенная под радиорубку, внутри была разделена даже на две комнаты. Простейший медицинский пункт в общине Бандарита, все оборудование которого состоит из двух стеклянных шкафчиков с минимальным набором медикаментов, находится в постройке типа I, одновременно служащей жильем для семьи хоти и смешанной семьи хоти-пиароа (ПМА 2012: тетр. 1).

Иначе обстоит дело с постройками для школ. Была отмечена следующая ситуация:

а) школа в общине Сан-Хосе-де-Коромото: строение типа I, имеет импровизированные окна, идущие сплошной линией по всему периметру стен на высоте около метра восьмидесяти сантиметров; окна представляют собой шестидесятисантиметровые проемы в решетчатых стенах, не обмазанных глиной (ПМА 2010: тетр. 1);

б) школа в общине Махагуа: постройка типа IVб (ПМА 2012: тетр. 1);

в) школа в общине Бандарита: постройка типа жилища IVа, имеющая двускатную крышу из рифленого железа (Там же: тетр. 1).

При типологизации современных типов жилища южных групп индейцев хоти также необходимо уделить внимание рассмотрению присутствующих в их селениях различных построек, используемых под хозяйственные нужды.

В постоянных деревнях Сан-Хосе-де-Коромото, Бандарита, Махагуа хоти содержат домашнюю птицу (кур и уток), заимствованную ими в ходе торгово-обменных отношений с креольским населением региона и занявшую в настоящее время прочное место в их системе натурального хозяйства. Для домашней птицы хоти строят примитивные укрытия. Как правило, это мало отличающиеся друг от друга вариации небольших шалашеподобных построек из пальмовых листьев. Фронтоны подобных шалашей полностью закрывают пальмовыми листьями, оставляя в нижней части одного из них узкое отверстие для проникновения птицы внутрь (Там же: тетр. 1).

В венесуэльской Амазонии проживают индейские группы, говорящие на языках нескольких языковых семей: аравакской – баре, куррипако, пиапоко, мандауака; карибской – панаре, екуана, пемон, ябарана, мапойо; салива – пиароа и мако; гуахибо – гуахибо. Отдельную группу составляют языки яномамо. Языки пуинаве и хоти принадлежат к числу языковых изолятов.

Индейцы хоти, являясь реликтом докарибского населения региона, до самого

последнего времени сохраняли или продолжают сохранять обычаи и традиции, которые следует определять в качестве более древних относительно господствующих сегодня норм поведения как у них самих, так и у племен – представителей доминантных языковых групп.

Отличительные признаки подобной ситуации рельефно просматриваются на примере возделывания, приготовления и использования в пищу горького маниока (*Manihot esculenta*), типичного основополагающего продукта питания для подавляющего числа индейских племен южноамериканских тропических лесов. В венесуэльской Амазонии употребление в пищу горького маниока характерно для традиции племен салива, карибских и аравакских языковых групп (Матусовский 2013: 167–168).

Две племенные группы – хотя и яномамо до недавнего времени не возделывали, не были знакомы с техникой удаления ядовитого сока и не употребляли в пищу горький маниок. Сегодня, переняв навыки обработки горького маниока от своих ближайших индейских соседей екуана и пиароа, хотя, и яномамо самостоятельно выращивают, обрабатывают и употребляют в пищу горький маниок, оставляя, однако предпочтение в своем рационе питания культурам, типичным для их более ранней традиции. Такими для яномамо являются бананы нескольких видов и плоды персиковой пальмы (*Guiljelma gasipaes*), для хоти – плоды ряда пальм (Матусовский 2010: 223).

Горький маниок ядовит, поэтому перед тем, как употреблять его клубни в пищу, индейские женщины подвергают их многоступенчатой обработке, удаляя ядовитый сок. Сначала клубни очищают от кожуры, вымачивают в воде. Затем их растирают на терке, и измельченную маниоковую массу плотно набивают в плетеный пресс, подвешиваемый на специальную конструкцию для отжима. В процессе отжима уходит ядовитый сок. Отжатую сырую консистенцию разрыхляют и выкладывают просушиваться на солнце. Получается крупа грубого помола, которую еще раз прореживают через плетеное сито и используют для выпекания больших плоских лепешек, называемых индейским и креольским населением венесуэльской Амазонии *касабе*.

В ходе ряда полевых исследований автору статьи не удалось выяснить, изготавливают ли в наши дни хоти и яномамо прессы для отжима растертой маниоковой массы самостоятельно или продолжают их выменивать у екуана и пиароа. Но высокое качество исполнения виденных в деревнях хоти Сан-Хосе-де-Коромото на реке Асита (ПМА 2010: тетр. 1; Матусовский 2013: 167–168) и яномамо на реках Ориноко и Окамо (ПМА 2011: тетр. 1) плетеных прессов дает возможность предположить, что это изделия, сделанные не в рамках традиции хоти и яномамо (Матусовский 2013: 167–168).

В индейских племенах, где традиция употребления горького маниока имеет давнее и широкое распространение; процесс препарирования его клубней осуществляется в отдельных хозяйственных постройках, выполняющих роль кухни. В стороне от жилого дома строятся вариации открытых навесов под двускатной крышей типа Va.

Подобные хозяйственные навесы также были зафиксированы автором статьи в постоянных деревнях хоти. Однако хозяйственная постройка – кухня для приготовления горького маниока с оборудованным очагом в виде двух невысоких продольных глиняных стенок, на них клался большой металлический противень, на котором подсушивалась маниоковая крупа и пеклись лепешки – *касабе* – располагалась лишь в общине Сан-Хосе-де-Коромото (ПМА 2010: тетр. 1). В общине Махагуа описанный выше глиняный очаг находился внутри жилища типа IVa (ПМА 2012: тетр. 1). В общинах Каньо-Москито и Бандарита имелись открытые навесы

типа Va, но они использовались для осуществления хозяйственных нужд, не связанных с масштабной обработкой горького маниока. В Бандарита хозяйственные вспомогательные навесы отсутствовали у большинства располагавшихся там жилищ. В общине Махагуа был навес типа Va, но он стоял запущенным и никак не эксплуатировался (Там же: тетр. 1). При этом во всех постоянных деревнях хоти имелись столбы с крупными зазубринами, типичные составные элементы конструкции, служащей для отжима ядовитого сока горького маниока (Там же: тетр. 1).

Община Бандарита представляет собой селение, расположившееся у подножия пологих гор, на берегу реки Каньо–Бандарита, в ее среднем течении (Там же: тетр. 1). Ландшафт формировали невысокие холмы, равнины – *льянос* с редкой растительностью и островки тропического леса. Жилища жителей Бандарита разбросаны на площади в 1-2 км² и находятся на незначительном удалении друг от друга. Одна их часть, меньшая, стоит на кромке или под пологом леса, другая, большая, была возведена на открытой местности, в льяносах; некоторые из жилищ находятся на значительном удалении от реки.

Поскольку в Бандарита жили хоти, пришедшие сюда из различных мест, с рек Каньо-Москито, Каньо-Бандарито, Игуана и Каима, каждое из которых имело характерный ландшафт, складывалось впечатление, что группы из льянос по-прежнему предпочитали льяносы, а группы из лесистой области селились рядом с лесом. Так, в общине Бандарита автор статьи встретил семью хоти, приютившую его в 2001 г. в своем лесном сезонном лагере в междуречье Каньо-Бандарито и Каньо-Москито (ПМА 2001: тетр. 1). Их жилище типа IIIa стояло на кромке леса на берегу реки Каньо-Бандарита. На открытом пространстве, на вершине полого холма, располагалось единственное жилище типа VII. Однако природно-географический фактор не влиял на закономерность распределения того или иного типа жилища на определенном участке местности общины Бандарита. Жилища типов I, III, IV, V находились как в лесной части селения, так и в ближайших льяносах (Там же: тетр. 1).

Сложно судить, удалось ли автору статьи побывать именно в той деревне хоти на реке Каньо-Москито, упоминавшейся Эгли Лопес и Стэнфордом Зентом (*Zent E.L., Zent S.* 2002: 9). Селение хоти, которое довелось ему посетить на реке Каньо-Москито, было первым на пути экспедиции, направлявшейся вверх по ее течению. Оно состояло из одного жилища типа Ib и двух жилищ типа Va и в октябре 2012 г. было покинутым. Информанты хоти из общины Бандарита пояснили, что деревню на реке Каньо-Москито ее жители оставили из-за смерти двух человек. Но вокруг покинутой деревни сохранились обильно плодоносящие плантации папайи и бананов, и хоти из общины Бандарита периодически продолжали сюда приходить для сбора поспевающего урожая (ПМА 2012: тетр. 1).

Информанты хоти подтверждали нахождение и еще одной деревни в верховьях Каньо-Москито. С их слов, она также стояла покинутой, а ее обитатели перебрались жить в общину Бандарита (Там же: тетр. 1).

Различные типы жилищ в описанных выше постоянных общинах южных групп индейцев хоти были представлены следующим образом: в Сан-Хосе-де-Коромото – Ia, Ib, Iv, II, Va, VI; в Бандарита – Ib, IIIa, IIIb, IVb, V, Va, VII; в Махагуа – Ib, Iv, IVa, Va; в Каньо-Москито – Ib, Va.

Таблица 1

Распределение типов жилищ по общинам южных групп индейцев хоти

Название общин хоти		Махагуа	Бандарита	Каньо-Москито	Сан-Хосе-де-Коромото	Временные лагеря
Т и п ы ж и л и щ а	II	+	+	+	+	
	IIa				+	
	I Ib	+	+	+	+	
	I Ib	+			+	
	III				+	
	III		+			
	IIIa		+			
	IIIб		+			
	IV	+	+			
	IVa	+				
	IVб		+			
	VV	+	+	+	+	
	VVa	+	+	+	+	
	VVI				+	
	VVII		+			
	VVIII					+
	IX					+

Одной из целей написания данной работы явилось желание автора выявить среди присутствующего многообразия форм традиционный, наиболее архаичный тип жилища южной группы индейцев хоти. Беря во внимание, что «материальная культура хоти утилитарна» (Матусовский 2010: 224), и основываясь на анализе строительных техник и приемов, зафиксированных у хоти при возведении различных типов жилища, в порядке возрастания от простого к сложному, мы можем проследить следующий системно-иерархический ряд: IX – VIII – V – II – III – IV – I.

Как явные и ярко выраженные инокультурные заимствования, из этого ряда необходимо исключить типы жилищ VI и VII.

Характерно, что типы жилищ IX и I, как наиболее простые, модифицированные, олицетворяющие начальную и конечную точку эволюции строительного мастерства индейцев хоти, наблюдались на всей исследуемой за время проведенных экспедиций территории их проживания и встречались на удалении друг от друга: на реках Асита, Махагуа, Каньо-Бандарита и Каньо-Москито.

Можно предположить, что тип жилища VIII, возводящийся хоти в качестве временного укрытия в период перекочевок в сухой сезон, выявленный в междуречье Каньо-Бандарита и Каньо-Москито, также должен иметь повсеместное распространение. Правда, у автора статьи нет данных, свидетельствующих об этом. Однако в сухой сезон хоти ведут бродячий образ жизни. Тип жилища VIII используется для обустройства сезонного лагеря в период перекочевок. Поэтому, теоретически, тип жилища VIII должен быть во всех районах. Но сезонные лагеря устраиваются где-нибудь далеко в лесу или в льяносах – они не на виду, их сложно найти.

Типы жилища VIII и IX служат временными укрытиями. Примитивные охотничьи навесы и хижины, включающие всевозможные модификации, зафиксированы не только у хоти, но и у других индейских народов, населяющих область Амазонки – Ориноко и продолжающих вести традиционное хозяйство. Такие постройки характерны для материальной культуры любого из индейских народов бассейнов рек Амазонка – Ориноко. Типы жилища VIII и IX, обозначив их основополагающее, очевидно, архаическое начало в системно-иерархической шкале, следует исключить из претендентов на роль традиционного типа жилища, присущего для постоянных поселений индейцев хоти.

Отмеченные случаи проживания одиноких женщин хоти с детьми в жилищах, являющих собой постоянные простейшие строительные конструкции типов II и IVб, позволяют сделать следующие выводы: а) незамужние женщины не в состоянии самостоятельно осуществлять более сложные строительные работы; б) использованная ими техника строительства является менее трудоемкой, и с наибольшей долей вероятности, представляет собой более раннюю традицию, чем техника строительства жилищ типов I и III.

К простейшим строительным постройкам следует отнести и тип жилища V.

Тип жилища II коррелирует с типом жилища V, с той лишь разницей, что его стены закрыты плетеными циновками. К незначительным строительным отличиям необходимо причислить и различия между жилищами типов II и III, так как при желании, вместо стен из плетеных циновок могут быть легко возведены стены из пальмовых листьев. Таким образом, в представленных постоянных жилищах южных групп индейцев хоти прослеживается корреляционная последовательность: V– III–II.

Таблица 2

Корреляция типов постоянных жилищ южных групп индейцев хоти

Одноэтажный каркас	Отсутствие стен	Наличие стен	
	V	III	II
	ТИПЫ	ПОСТОЯННЫХ	ЖИЛИЩ

Тип жилища I, получивший широкое распространение среди хоти, очевидно, только в последние десятилетия тесно соседствует с типами жилища II, III, IV, V, которые следует рассматривать как наиболее ранние по отношению к типу I.

Вариативность фиксируемых у южных групп хоти типов жилища свидетельствует о размывании границ их архитектурной традиции. Эффект размытости усиливают и выявленные случаи симбиоза, фиксируемые автором статьи в качестве составных деталей в различных подтипах основных типов описанных жилищ.

Вариативность и симбиоз, наблюдаемые в наши дни в архитектурной традиции южных групп индейцев хоти, становятся факторами, характеризующими эту одну из составных частей их материальной культуры.

Источники и литература

- ПМА 2001 – Полевые материалы экспедиции автора к индейцам хоти, бассейн реки Парусито, междуречье Каньо-Бандарита и Каньо-Москито, левых притоков реки Парусито, штат Амазонас, Венесуэла, апрель-май 2001 г. (тетрадь 1);
- ПМА 2010 – Полевые материалы экспедиции автора к индейцам хоти, река Асита, деревня хоти Сан-Хосе-де-Коромото, штат Амазонас, Венесуэла, январь 2010 г. (тетрадь 1);
- ПМА 2011 – Полевые материалы экспедиции автора к индейцам яномамо, бассейны рек Ориноко – Окамо - Путако, штат Амазонас, Венесуэла, январь 2011 г. (тетрадь 1);
- ПМА 2012 – Полевые материалы экспедиции автора к индейцам хоти, бассейн реки Парусито, реки Махагуа (деревня хоти Махагуа), Каньо-Бандарита (тетрадь 1; деревня хоти Каньо-Бандарита), Каньо-Москито, левые притоки реки Парусито, штат Амазонас, Венесуэла, октябрь-ноябрь 2012 г. (информант: Луис, индеец хоти, глава общины хоти Махагуа, ориентировочный г. р. 1950–1952);
- Матусовский* 2010 – *Матусовский А.А.* Индейцы хоти. Историко-этнографический очерк. С. 211–243 // Открытие Америки продолжается / Отв. ред. Ю.Е. Березкин. СПб: МАЭ РАН, 2010. Вып. IV. – 316 с.;
- Матусовский* 2011 – *Матусовский А.А.* Некоторые аспекты типологии традиционных причесок яномамо и шингуано // Прошлое и настоящее этнологических исследований. Сборник научных статей, посвященный 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова. Под редакцией А.А. Никишенкова. МГУ им. М.В. Ломоносова. Исторический факультет. Кафедра этнологии. Ред. коллегия: Т.Д. Соловей, Е.И. Ларина, Н.Л. Мехедов. М., 2011. С. 146–154;
- Матусовский* 2013 – *Матусовский А.А.* Межплеменной культурный обмен у индейских групп венесуэльской Амазонии // Проблемно-тематическое пространство и теоретические границы современной этнологии. К юбилею доктора исторических наук, профессора Геннадия Евгеньевича Маркова. Сборник научных статей. Труды исторического факультета МГУ 62. Серия II. Исторические исследования 25. М., 2013. С. 166 – 175;
- Gasparini, Margolies* 2009 – *Gasparini G., Margolies L.* Arquitectura Indigena de Venezuela. Caracas, 2009;
- Coppens, Mitrani* 1974 – *Coppens W., Mitrani P.* Les Indiens Hoti: compte rendu de missions // L'Homme. 1974. № XIV (3–4). P. 131–142;
- Storrie* 2006 – *Storrie R.* A política do xamanismo e os limites do medo // Revista de Antropologia, 2006. V. 49. № 1. P. 357–391;
- Zent E.L., Zent S.* 2002 – *Zent E.L., Zent S.* Impactos ambientales generadores de biodiversidad: conductas ecologicas de los Hoti de la Sierra de Maigualida, Amazonas venezolano // Interciencia (INCI), 2002. V. 27. № 1. P. 9–20.

Matusovskiy A.A. The dwellings of Hoti Indians.

The article is based on the materials, assembled by the author in the course of several ethnographical expeditions to the Hoti Indians, who live in central Venezuela, in the north of the state of Amazonas and the south of state Bolivar. Contributor gives classification and is achieved the typological analysis of the dwellings of Hoti Indians to.

Key words: *the Indians of Venezuela, Hoti Indians, traditional dwellings.*

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

УДК 572

© Ю.А. Ямпольская, В.В. Зубарева,
И.А. Хомякова, Е.Ю. Пермякова

ОСОБЕННОСТИ ФИЗИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ШКОЛЬНИКОВ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX И XXI ВЕКОВ

Проведен сравнительный анализ физического развития учащихся московских школ, обследованных в 1996–1998, 2005–2006 и 2007–2012 годах по единой унифицированной программе в возрасте 9 лет (381 мальчик, 355 девочек), и сделана попытка рассмотреть полученные данные на фоне изменений данных официальной статистики ведущих демографических показателей. Результаты анализа свидетельствуют о снижении за рассматриваемый срок распространенности нормального физического развития при увеличении избыточной массы тела у детей, с одной стороны, и неблагоприятном характере демографических показателей: значительном уменьшении «возраста дожития» и отсутствии (и даже убыли до 2012 года) «динамики прироста» населения, с другой. Полученные данные не дают основания говорить о реальной связи изменений в физическом развитии московских детей конца XX – начала XXI века с демографическими сдвигами, характеризующими население страны в это же время. Однако в характере изменчивости этих показателей отмечается определенная мера согласованности, относящаяся в основном к представителям мужского пола.

Ключевые слова: демография, ауксология, школьники, Москва.

Введение

Одной из особенностей развития науки в XXI веке является интеграция различных областей знания о человеке в нечто единое, чему способствуют запросы социальной жизни, необходимость решения разных по направленности ее практических задач (Никитюк 2000). Многоплановым аспектам рассмотрения этой проблемы

Ямпольская Юлия Абрамовна – доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник НИИ Гигиены и Охраны здоровья детей и подростков ГУ НЦЗД РАМН. Эл. почта: yu.yamp@ Rambler.ru;

Зубарева Вера Васильевна – кандидат биологических наук, научный сотрудник. НИИ и Музея Антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Эл. почта: zubareva.vera@yandex.ru;

Хомякова Ирина Анатольевна – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник НИИ и Музея антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Эл. почта: khomyakova@antropos.msu.ru;

Пермякова Екатерина Юрьевна – младший научный сотрудник НИИ и Музея Антропологии МГУ им. Ломоносова. Эл. почта: ekaterinapermyakovajva@gmail.com.

были посвящены международные форумы, прошедшие в свое время в Тернополе («1-й Международный конгресс по интегративной антропологии...» 1995), Нижнем Новгороде («Проблемы интеграции естественно-научного и гуманитарного знания...» 1997), Санкт-Петербурге («Международная академия интегративной антропологии...» 2002). Основным направлением современных исследований при изучении отдельных показателей биосоциальной природы человека, по мнению ряда ученых, должно стать установление определенной меры их согласованности.

Разделяя это мнение, авторы настоящей работы попытались рассмотреть возможную согласованность динамики изменений на смене веков (конец XX – начало XXI века) двух разделенных по времени характеристик популяции: ведущих антропометрических параметров физического развития детского населения и базовых социально-демографических констант взрослого.

Известно, каким важным аспектом изучения популяционной изменчивости является наблюдение за физическим развитием подрастающего поколения... При этом большое значение имеет сравнение физического развития детей, обследованных через определенные временные интервалы в одной и той же местности, особенно в крупных урбанизированных мегаполисах, характеризующихся набором различных, быстро меняющихся внешнесредовых факторов.

Многолетний целенаправленный мониторинг физического развития детского населения Москвы в последние десятилетия прошлого века показал, что наблюдавшаяся еще недавно акцелерация роста и развития детей и подростков в основном закончилась; существенно снизился прирост продольных размеров тела, практически прекратилось увеличение широтных, обхватных размеров и массы тела, сроки созревания организма сдвинулись в сторону старших возрастов. (*Година и др.* 1999; *Ямпольская* 2003).

Кроме того, массовые профилактические обследования учащихся московских школ в 1992–1997 гг. (около 1,5 тыс. чел.) и 1998–2004 гг. (более 2 тыс. чел.) выявили тенденцию к определенной астенизации подрастающего поколения, нарастанию числа лиц, имеющих дефицит массы тела. Так, среди 8-9-летних школьников, посещающих общеобразовательные школы, доля таких детей за рассматриваемый срок выросла с 11,1% до 15,6% (мальчики) и с 12,4% до 14,6% (девочки) (*Ямпольская* 2003а).

«Московские» тенденции физического развития школьников в конце XX века обнаружены и в других крупных городах страны (*Максимова* 1999; *Ващенко и др.* 2001; *Чмиль и др.* 2002; *Година и др.* 2006) и часто расцениваются как ответная реакция растущего детского организма на изменившиеся социально-экономические условия жизни.

Изменения, касающиеся физического развития детского населения, рассмотрены нами на фоне изменений демографических, в известной степени свидетельствующих о социально-экономических переменах в стране на рубеже смены веков. Так, с 1985 по 1998 год ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет)¹ снизилась: у мужчин на 2,8 года, у женщин – на 2,1 года, а коэффициент естественного прироста населения (разность между коэффициентами рождаемости и смертности в пересчете на 1000 чел., промилли) за этот же отрезок времени демонстрирует «убыль»: в 1995 году он составлял – минус 6,2‰, в 2002 – минус 6,8‰: (Госкомстат 2003; Госкомстат 2003а). Причем эта «убыль» формируется в основном

за счет снижения рождаемости коренного населения, которое, по прогнозам ООН будет продолжаться в России и в XXI веке (WHO/EURO 1995).

Динамика изменчивости целого ряда демографических показателей в Российской Федерации к концу XX века (до 1996 года) детально проанализирована в материалах Международного фонда охраны здоровья матери и ребенка (*Игнатьева и др.* 1997). В нашей работе мы остановимся на анализе данных об ожидаемой продолжительности жизни и коэффициенте естественного прироста населения России в первое десятилетие XXI века.

Материалы и методы

Рассмотрены материалы трех идентичных групп учащихся московских школ, обследованных по унифицированной программе в конце 1990-х – начале 2000-ных годов в возрасте 9 лет (381 мальчик, 355 девочек). Средний возраст детей 1-ой группы (1996–1998 гг.) на момент обследования – 8 лет 11мес 18 дней; 2-ой (2005–2006 гг.) – 8 лет 11 мес. 21 день; 3-ей (2007–2012 гг.) – 9 лет 1 мес.. Дети, родители которых в 95-98% случаев были русскими, учились в однопятных общеобразовательных школах.

Девятилетний возраст был выбран как наиболее стабильный, представляющий собой, образно говоря, «вершину детства», когда «кризис семи лет» уже позади, «пубертатный период» еще не наступил, и потенциал адаптационных возможностей, по свидетельству ранее проведенных исследований (*Ямпольская* 1998), достаточно высок. Этот возраст входит в период онтогенеза (7-10 лет), когда, как показали данные, полученные на близнецовом материале, вклад внешнесредовых воздействий в развитие детей значительно превышает степень генетической детерминированности (*Хамаганова* 1979).

Статистическая разработка данных проводилась на персональном компьютере IBM PC Pentium-III с использованием программы Microsoft Excel XP. Применялись методы вариационной статистики с расчетом средних значений, квадратических отклонений и коэффициентов вариации, корреляционного и регрессионного анализа. Достоверность различий оценивалась по критерию Стьюдента-Фишера, статистически значимыми считались различия при $p < 0,05$. Наряду с разработкой традиционных среднестатистических показателей длины и массы тела детей с учетом пола и возраста, проводилась индивидуальная оценка их соотношений по нормативным таблицам (шкалам регрессии массы тела по длине тела), разработанным на московском материале в начале 1990-х годов для практического здравоохранения (Организация медицинского контроля...1993). Затем при суммировании индивидуальных данных определялся процент распространенности вариантов «нормы» (диапазон оценки – от $M-1 \sigma_R$ до $M+2 \sigma_R$) и отклонений за счет «избытка массы тела» ($>M+2 \sigma_R$), «дефицита массы тела» ($<M-1 \sigma_R$) и низкого роста ($<M+2 \sigma$). (*Ямпольская* 2003б).

Информация демографического плана получена нами из официальных выпусков Росстата России (Российский статистический ежегодник 2012; Россия в цифрах 2013). В динамике за последние десятилетия рассмотрены: ожидаемая продолжительность жизни при рождении (число лет) и коэффициент естественного прироста населения, полученный как разность между общими коэффициентами рождаемости и смертности (в промиллях)².

Результаты и обсуждение

Статистические параметры ведущих антропометрических признаков (массы тела и длины тела) школьников в сравниваемые годы, представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Статистические параметры длины тела 9-летних школьников г. Москвы в разные годы обследования (см., %)

Годы наблюдения	Пол	Численность	M±m	σ±m	V±m
1996–1998 гг.	Мальчики	114	134,2±0,5	5,5±0,4	4,1±0,3
	Девочки	102	133,5±0,6	6,3±0,4	4,7±0,3
2005–2006 гг.	Мальчики	160	134,2±0,4	5,5±0,3	4,1±0,2
	Девочки	141	134,0±0,4	5,4±0,3	4,0±0,2
2007–2012 гг.	Мальчики	107	134,6±0,6	6,0±0,4	4,5±0,3
	Девочки	112	134,0±0,5	5,1±0,4	3,8±0,3

Таблица 2

Статистические параметры массы тела 9-летних школьников г. Москвы в разные годы обследования (кг, %)

Годы наблюдения	Пол	Численность	M±m	σ±m	V±m
1996–1998 гг.	Мальчики	114	30,8±0,5	5,1±0,3	16,8±1,1
	Девочки	102	29,5±0,5	5,5±0,4	18,6±1,3
2005–2006 гг.	Мальчики	160	29,8±0,5	5,7±0,3	19,1±1,1
	Девочки	141	29,0±0,5	5,6±0,3	19,3±1,2
2007–2012 гг.	Мальчики	107	32,3±0,5	6,3±0,2	19,5±1,3
	Девочки	112	31,4±0,5	6,4±0,2	20,4±1,4

Можно видеть, что за последние примерно 15 лет достоверных изменений основных параметров физического развития 9-летних москвичей не произошло. В конце прошлого и в первое десятилетие нового века параметры (особенно длина тела) существенно не меняются ни по средним значениям, ни по вариабельности, отсутствуют также изменения и в плане полового диморфизма.

Рассмотрение каждого из параметров в отдельности не дает, однако, представления о том, изменилось ли за рассматриваемый срок состояние физического развития детей в целом. Эту информацию мы получаем с помощью суммирования индивидуальных вариантов оценки весоростовых соотношений, проведенной по единым нормативам 1990-х годов.

Результаты суммарной оценки физического развития детей в разные годы обследования представлены в таблице 3.

Таблица 3

**Распространенность вариантов оценки физического развития
9-летних школьников г. Москвы в 1996–2012 гг. (абс., %)**

Общая характеристика группы			Оценка физического развития							
Годы наблюдения	Пол	Численность	«Нормальное»		«Дефицит массы»		«Избыток массы»		Низкий рост	
			абс	%	абс	%	абс	%	абс	%
1996–1998 гг.	Мальчики	114	97	85,1	11	9,6	6	5,3	–	–
	Девочки	102	78	76,5	15	14,7	8	7,8	1	1,0
2005–2006 гг.	Мальчики	160	121	75,6	10	6,2	27	16,9	2	1,3
	Девочки	141	101	71,6	21	14,9	17	12,1	2	1,4
2007–2012 гг.	Мальчики	107	72	67,7	14	13,3	21	19,6	–	–
	Девочки	112	81	72,3	16	14,3	15	13,4	–	–

Оценка физического развития каждого из 736 московских школьников по строго унифицированной методике и ее суммирование позволило, в отличие от характеристики среднестатистических параметров, выявить за рассматриваемый отрезок времени определенные изменения.

За весь период наблюдения доля детей с «нормальным» физическим развитием понизилась: у мальчиков на 17,4%, (с 85,1% до 67,7%, $p < 0,01$), у девочек на 4,2% (с 76,5% до 72,3%, $p < 0,05$). И это понижение связано в основном с увеличением числа детей в группе с «избытком массы», которая росла: у мальчиков – с 5,3% в 1996–1998 гг. до 19,6% в 2007–2012 гг.; а у девочек соответственно – с 7,8% до 13,4%. Что касается «дефицита массы», то тут за первое пятилетие у мальчиков наполняемость группы снижалась на 3,4%, за второе, напротив, повышалась на 7,1%; у девочек же все годы практически не менялась (14,7%, 14,9%, 14,3%). «Низкий рост» в работе не рассматривается, т.к. это единичные случаи и на общую картину распределения вариантов не влияют.

Оценивая ситуацию в целом, можно сказать, что в начале описываемого периода (конец 1990-х годов) распространенность вариантов физического развития наряду с достаточно высоким процентом «нормы» имела явный «перекос» в сторону недостаточной массы тела («дефицита массы»), особенно у девочек. Затем в рассматриваемом масштабе времени картина состояния физического развития школьников меняется, в результате чего к концу наблюдения при достоверном снижении доли детей с нормальным физическим развитием увеличивается процент случаев «избыточной массы»: больше, чем в 3,5 раза у мальчиков и больше, чем в 1,5 раза у девочек.

Как уже отмечалось, 9-летний возраст – это время снижения генетических и усиления внешнесредовых влияний на развитие детей. Можно предположить поэтому, что обнаруженные изменения в физическом развитии детей обусловлены переме-

нами, произошедшими в стране в последние десятилетия. Данные официальной статистики в известной степени подтверждают это предположение, свидетельствуя что политические и социально-экономические перемены, произошедшие в России в конце прошлого – начале нового века, существенным образом отразились на характере развития демографических процессов в стране.

Известно, что «... воспроизводство населения, смена поколений, характер и темпы роста населения, изменение уровня рождаемости и смертности, брачности, половозрастной и семейной структуры находятся во взаимодействии со всем общественным развитием. Они зависят от него, оказывают на него воздействие, облегчая или затрудняя экономические преобразования» (Игнатьева и др. 1997).

Отсюда – правомерна попытка рассмотреть результаты изменений в состоянии физического развития выбранной группы московских школьников (снижения доли лиц нормального физического развития и повышения избыточной массы тела) на фоне изменений демографических показателей (ожидаемой продолжительности жизни при рождении и коэффициенте естественного прироста населения) в последние десятилетия и установить возможную согласованность между этими параметрами.

Данные официальной статистики изменений демографических показателей в рассматриваемом масштабе времени представлены в таблицах 4 и 5,

Таблица 4

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении («возраст дожития») в России конца XX – начала XXI века (число лет)

Время наблюдения (годы)	«Возраст дожития»		
	Мужчины (лет)	Женщины (лет)	Разница (лет)
1990	63,8	74,3	10,5
1991	63,5	74,3	10,8
1992	62,0	73,8	11,8
1993	58,9	71,9	13,0
1994	57,6	71,2	13,6
1995	58,3	71,6	13,6
2000	59,0	72,3	13,3
2005	58,9	72,5	13,6
2007	61,5	74,0	12,5
2008	61,9	74,3	12,4
2009	62,9	74,8	12,0
2010	63,1	74,9	11,8
2011	64,0	75,6	11,6

Информация получена из официальных выпусков Росстата России с 1996 по 2012 год (Российский статистический ежегодник 2012; Россия в цифрах 2013), а также из статистического бюллетеня Международного фонда охраны здоровья матери и ребенка [1986–1996 гг.] (Игнатьева с др. 1997).

Таблица 4 свидетельствует о явном снижении с начала 1990-х годов ожидаемой продолжительности жизни при рождении («возраста дожития»), а также о нарастающем разрыве между продолжительностью жизни мужчин и женщин, который на рубеже XX и XXI веков составляет более 13,5 лет. В свое время А.И. Солженицын

определил его, как «демографическое крушение, даже просто зловещее вымирание» (цит. по *Этинген* 2002). «Возраст дожития» мужчин в этот период времени в среднем не достигает даже 60 лет, тогда как в 1990-е годы он равнялся 63,8.

Снижение «возраста дожития» мужчин в конце 1990-х годов после распада СССР отмечается практически во всех новообразованных республиках, и в известной степени связано с «перестройкой» государственной системы, снижением уровня экономического развития, возникшей безработицей, отсутствием социальных гарантий. (*Игнатьева и др.* 1997). Однако данные официальной статистики в следующие годы показывают, что к концу рассматриваемого нами периода – к 2011 году – разрыв между полами несколько уменьшается (в основном за счет увеличения «возраста дожития» женщин).

Неблагоприятную картину динамики изменений в указанное время демонстрируют и показатели естественного прироста населения таблицы 5. Можно видеть, что с конца 1980-х годов коэффициент естественного прироста населения непрерывно снижался и к началу 1990-х вообще перешел в градацию «убыль», которая к 2000 году достигла – 6,6% – это, как отмечают демографы, связано, как с «лавинообразным»³ снижением коэффициента рождаемости, которая за период с 1987 по 2000 год уменьшилась почти вдвое (с 17,2‰ до 8,7‰), так и с ростом смертности, которая увеличилась на половину (с 10,5‰ до 15,3‰).

Таблица 5

**Изменение коэффициента естественного прироста населения
и его составляющих («динамика прироста») в России
в конце XX и начале XXI века (промилли)**

Время наблюдения (годы)	«Динамика прироста»		
	Прирост (‰)	Родившиеся (‰)	Умершие (‰)
1987	6,7	17,2	10,5
1988	5,3	16,0	10,7
1989	3,9	14,6	10,7
1990	2,2	13,4	11,2
1991	0,7	12,1	11,4
1992	– 1,5	10,7	12,2
1993	– 5,1	9,4	14,5
1994	– 6,1	9,6	15,7
1995	– 5,7	9,3	15,9
1996	– 5,3	8,9	14,2
2000	– 6,6	8,7	15,3
2005	– 5,9	10,2	16,1
2007	– 3,3	11,3	14,6
2008	– 2,5	12,0	14,5
2009	– 1,8	12,3	14,1
2010	– 1,7	12,5	14,2
2011	– 0,9	12,6	13,5
2012	0,0	13,3	13,3

По данным официальной статистики «баланс» между коэффициентами рождаемости и смертности в России в дальнейшем улучшается в связи с рядом принятых в последние годы мер законодательного характера, и это снижает вероятность прогноза, сделанного в свое время ООН (WHO/EURO 1995). Однако, как мы видим, даже в 2012 году естественный прирост населения в России равен нулю.

Заключение

Результаты исследования не дают основания говорить о реальной связи изменений в физическом развитии московских детей конца XX – начала XXI века с демографическими сдвигами, характеризующими популяцию в это же время. Однако в характере изменчивости обоих показателей отмечается определенная мера согласованности. Метод оценки физического развития (по шкале регрессии массы тела по длине тела) позволяет констатировать, что в физическом развитии московских школьников за рассматриваемый срок произошли определенные изменения, носящие, к тому же, достаточно четкие черты полового диморфизма. На фоне изменений данных официальной статистики, свидетельствующих о значительном уменьшении «возраста дожития» и отсутствии (и даже убыли до 2012 года) «динамики прироста» населения, обращает на себя внимание снижение распространенности вариантов нормального физического развития: у мальчиков на 17,4% ($p < 0,01$), у девочек на 4,2% ($p < 0,05$) при увеличении числа случаев избыточной массы тела. мальчиков в 3,5, а у девочек в 1,5 раза

Отмеченное увеличение распространенности избыточной массы тела у мальчиков и снижение продолжительности жизни у мужчин в последние годы требует специального целенаправленного изучения и объяснения... И здесь можно вспомнить мнение некоторых исследователей (*Горбачева и др.* 2006; *Федотова* 2007) о перераспределении соотношений жирового и мышечного компонентов в эпохальной динамике массы тела в связи с «недогрузкой» моторной системы, двигательным «голодом», несбалансированностью питания, что в первую очередь отражается на физическом развитии мужчин.

Примечания

- ¹ Ожидаемая продолжительность жизни при рождении является наиболее адекватной обобщающей характеристикой уровня смертности во всех возрастах (Игнатъева и др. 1997).
- ² За 2005, 2007–2010 годы показатели пересчитаны с учетом численности населения, уточненной Всероссийской переписью (ВПН 2010 г.)
- ³ По определению Р.К. Игнатъевой и В.И. Каграмова (1997)

Литература

- Ващенко и др.* 2001 – *Ващенко Л.В., Кондратьева В.А., Лацинская С.А., Синьковская Н.А., Линник В.А., Гарбуз Л.П., Вакуленко Л.И., Балогина Л.П.* Динамика состояния здоровья девочек-подростков // *Материалы IX съезда педиатров России «Детское здравоохранение России: стратегия развития».* Москва, 19-22 февраля 2001 г. М., 2001. С. 113–114;
- Година и др.* 2006 – *Година Е.З., Задорожная Л.В., Хомякова И.А., Пурунджан А.Л., Степанова А.В.* Особенности соматического развития детей и подростков в условиях йодного дефицита (по материалам обследования населения Саратовской области) // *Физиология роста и развития детей и подростков.* Т. 1. / под ред. А.А.Баранова и Л.А.Щеплягиной. М.: Изд-во ГЭОТАР–Медиа. 2006. С. 181–231;
- Година и др.* 1999 – *Година Е.З., Хомякова И.А., Пурунджан А.Л., Задорожная Л.В., Гилярова О.А.* О современной направленности эпохальных сдвигов // *Материалы V конгресса педиатров России «Здоровый ребенок».* Москва, 16-18 февраля 1999 г. М., 1999. С. 113–114;
- Горбачева и др.* 2006 – *Горбачева А.К., Дерябин В.Е., Федотова Т.К., Храмов П.И.* Динамика

- ростовых процессов московских дошкольников за последние 40 лет как индикатор меняющегося образа жизни // *Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Профессиональное гигиеническое обучение. Формирование здорового образа жизни детей, подростков и молодежи»*. Москва, 15-17 мая 2006 г. М., 2006. С. 147;
- Госкомстат 2003 – Госкомстат России. Регионы России. Социально-экономические показатели. Официальное издание. М., 2003. – 94 с.;
- Госкомстат 2003а – Госкомстат России. Статистический ежегодник. Официальное издание. М., 2003. С. 97–117;
- Игнатъева и др.* 1997 – *Игнатъева Р.К., Каграмов В.И.* Динамика процессов воспроизводства населения Российской Федерации в современных условиях. Медико-демографический анализ / под редакцией академика РАМН профессора А.А. Баранова. М., 1997. – 84 с.;
- Максимова* 1999 – *Максимова Т.М.* Физическое развитие детей России (закономерности, тенденции, проблемы) // *Материалы V конгресса педиатров России «Здоровый ребенок»*. Москва, 16-18 февраля 1999 г. М., 1999. С. 277–278;
- Международная академия 2002 – Международная академия интегративной антропологии СПб Государственного медицинского университета им. академика И.П. Павлова // *Материалы IV международного конгресса по интегративной антропологии*. СПб, 2002;
- Никитюк* 2000 – *Никитюк Б.А.* Интеграция эзаний в науках о человеке. М.: Изд-во ЗАО СпортАкадемПресс, 2000. – 439 с.;
- Организация медицинского контроля 1993 – Организация медицинского контроля за развитием и здоровьем дошкольников и школьников на основе массовых скрининг-тестов и их оздоровление в условиях детского сада, школы / под ред. Г.Н.Сердюковской. М.: Изд-во «Промедэк», 1993. – 163 с.;
- Первый Международный конгресс 1995 – Первый Международный конгресс по интегративной антропологии. Материалы конгресса. Тернополь: ТМИ, 1995. – 251 с.;
- Проблемы интеграции 1997 – Проблемы интеграции естественно-научного и гуманитарного знания в теории деятельности и двигательных действий. К 50-летию кафедры физической культуры НГПУ // под ред. С.В. Дмитриева. Н.Новгород: Изд-во НГПУ, 1997. – 132 с.;
- Российский статистический ежегодник 2012 – Российский статистический ежегодник. Федеральная служба государственной статистики Росстат. М., 2012. – 786 с.;
- Россия в цифрах 2013 – Россия в цифрах. Краткий статистический сборник. М., 2013. 573 с.;
- Федотова* 2007 – *Федотова Т.К.* Внешнесредовой стресс и ожирение у детей // *Материалы XI конгресса педиатров России «Актуальные проблемы педиатрии»*. Москва, 5-8 февраля 2007. М., 2007. С. 687–688;
- Хамаганова* 1979 – *Хамаганова Т.Г.* Влияние факторов внешней среды и наследственности на морфо-функциональное развитие детей и подростков на разных этапах онтогенеза. Автореф. канд. дисс. М., 1979. – 22 с.;
- Чмиль и др.* 2002 – *Чмиль И.Б., Медведев Л.Н.* Возрастная динамика антропометрических показателей детского населения Красноярска // *Гигиена и санитария*, 2002. № 2. С. 49–51;
- Этинген* 2002 – *Этинген Л.Е.* Нормальная морфология человека пожилого возраста. // *Материалы IV международного конгресса по интегративной антропологии*. СПб., 2002. С. 429–430;
- Ямпольская* 2003а – *Ямпольская Ю.А.* Тенденции физического развития школьников в последние десятилетия // *Вопросы современной педиатрии*. Т. 2. Прил. № 1. // *Материалы VIII конгресса педиатров России «Современные проблемы профилактической педиатрии»*. Москва, 18-21 февраля 2003. М., 2003. С. 125–126;
- Ямпольская* 2003б – *Ямпольская Ю.А.* Оценка физического развития подрастающего поколения и ее место в диспансеризации детского населения // *Здоровье населения и среда обитания*. Информационный бюллетень. М., 2003. №1(118). С. 6–11;
- Ямпольская* 1998 – *Ямпольская Ю.А.* Физическое развитие и адаптационные возможности школьников // *Российский педиатрический журнал*, 1998. № 1. С. 9–11;

- Ямпольская 2003 – Ямпольская Ю.А.* Физическое развитие школьников Москвы во второй половине XX века: состояние, тенденции, прогноз // Антропология на пороге III тысячелетия. Т. 2. М., 2003. С. 567–592;
- WHO/EURO 1995 – WHO/EURO. United Nations Publication Fund Family Planning and Reproductive Health in –CCEE/NIS. Copenhagen, 1995.-EUR/JCP/FMLY 94.03/PB01.135 p.

***Yampolskaya Yu.A., Zubareva V.V., Homyakova I.A., Permyakova E.Yu.* Specific features of the physical development of schoolboys in the context of demographic situation in Russia at the turn of XX–XXI centuries.**

A comparative analysis of the physical development of pupils from Moscow schools, who was studied in 1996–1998, 2005–2006 and 2007–2012 according to the one unified program at the age of 9 years (381 boy 355 girls) was carried out. We tried to examine the data in light of changes of the official demographics statistics. The analysis indicated a decline of the prevalence of normal physical development over the period along with increasing overweight in children, on the one hand, and unfavorable nature of the demographic indicators: a significant decrease in the «age of survival» and the absence of «growth dynamics» in population (or even decline until 2012), on the other. Given data do not provide a basis to talk about the real connection between changes in the physical development of Moscow children in the late XX–early XXI century and the demographic shifts that characterize the population at the same time. However, there is a certain measure of consistency, attributed mainly to the boys in the nature of the variability of these parameters.

Key words: *demography, auxology, schoolchildren, Moscow.*

УДК 572

© С.Б. Боруцкая, С.В. Васильев

ОСТЕОМЕТРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПОЛОЦКОЙ ЗЕМЛИ

Представлены остеологические материалы из сельской местности Витебской области, которые относятся к XV–XVIII векам. В общей сложности исследован 41 костяк (из которых 5 детей) сельского населения Полоцкой земли. Для мужчин и женщин характерны относительно удлиненный плечевой отдел руки и сильно укороченное предплечье, относительно укороченные голени, узкие плечи, мужчин также отличал узкий и высокий таз.

Вычисление прижизненной длины тела мужчин-селян бывшей Полоцкой земли выявило большой размах вариаций: в группе оказались мужчины и среднего роста, и роста ниже среднего, и роста выше среднего. В целом размах вариаций соответствует следующим цифрам: 159,0 см – 174,2 см. По показателям прижизненной длины тела женщины группы были среднего роста или ростом ниже среднего. По данной характеристике группа оказалась неоднородной, а размах вариаций прижизненной длины тела колеблется от 151,0 см до 165,3 см. Мужчин отличали массивные лучевые кости. Женщин – грацильные ключицы, плечевые и локтевые кости, довольно грацильные бедренные кости. По остальным показателям массивности и укрепленности костей конечностей получена очень неоднородная картина.

Ключевые слова: *Полоцкая Земля, остеология, пропорции конечностей, массивность костей, прижизненная длина тела.*

Нами были исследованы остеологические материалы из сельской местности Витебской области, которые относятся к XV–XVIII векам. Эти материалы хранятся в отделе археологии Полоцкого Государственного Университета. Хранитель коллекции – сотрудник отдела О. Емельяничик. Материалы происходят из д. Ивесь (Глубокский район): XIV–XVI вв. (преимущественное большинство захоронений – XV–XVI вв.); д. Бирули (Докшицкий р-н): начало XVI века; д. Жерносеково (Бешенковичский р-н): XVI–XVIII вв., 1 детское впускное захоронение XIX – начало XX века; д. Клешино (Бешенковичский р-н): XVII–XVIII вв. В наши задачи входило провести измерение и последующий анализ посткраниальных скелетов по индексам пропорций конечностей и скелета в целом, по показателям массивности и укрепленности длинных костей рук и ног. Определение пола и возраста проводили по традиционным программам (Алексеев 1966; Пашкова 1963 и др.).

В общей сложности исследован 41 костяк (из которых 5 детей) сельского насе-

Боруцкая Светлана Борисовна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник кафедры антропологии биологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Эл. почта: vasbor1@yandex.ru.

Васильев Сергей Владимирович – доктор исторических наук, зав. Центром физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: vasbor1@yandex.ru.

ния Полоцкой земли XV–XVIII вв. По причине малочисленности материала составная популяция рассматривается как единое целое. Средние показатели различных индексов, размах вариаций и среднеквадратичные отклонения приводятся в последующих четырех таблицах.

Индексы пропорций скелета. Результаты вычисления индексов пропорций скелета в целом, пропорций конечностей и вычисления прижизненной длины тела мужчин приведены в таблице 1. Для сравнительного анализа полученных результатов были использованы данные по размаху вариаций индексов пропорций из работ Е.Н. Хрисанфовой (*Хрисанфова* 1978), Я.Я. Рогинского и М.Г. Левина (*Рогинский и др.* 1966). Были привлечены и наши собственные результаты. Рост индивидов определялся по формулам Пирсона и Ли, Дюпертюи и Хеддена, а также В.В. Бунака (*Алексеев*, 1966). Далее определялось среднее значение, которое использовалось в статистическом анализе.

Таблица 1

Индексы пропорций скелета мужчин

Индекс	N	X	min	max	σ
Интермембральный	155	70,99	68,52	74,87	1,70
Плече-бедренный	16	73,80	70,00	76,67	1,73
Луче-большеберцовый	15	67,22	64,80	73,91	2,28
Луче-плечевой	16	72,05	68,50	76,41	2,26
Берцово-бедренный	17	79,00	74,88	83,63	2,22
Ключично-плечевой	11	44,38	41,67	50,45	2,66
Формы лопатки	7	67,07	64,38	69,68	2,20
Ширина плеч (см)	11	35,06	33,22	40,93	2,17
Плече-ростовой	11	21,02	19,42	24,02	1,25
Ширина таза (см)	13	26,10	23,40	28,30	1,54
Тазовый	13	84,35	75,27	92,83	4,94
Тазо-ростовой	13	15,70	13,81	17,27	0,91
Тазо-плечевой	11	73,54	67,93	78,27	3,67
Крестцовый	6	110,44	104,46	118,63	5,93
Прижизненная длина тела	18	165,89	159,00	174,20	4,56

Интермембральный индекс. Данный индекс показывает соотношение длин передних и задних конечностей. Общее значение индекса для исследуемой популяции оказалось средним или немного ниже среднего при сопоставлении с данными для человека современного типа. По данному индексу группа мужчин оказалась однородной.

Плече-бедренный индекс. Показывает соотношение длины плеча к длине бедра. По величине данного индекса группа оказалась также однородной. В целом полученные значения плече-бедренного индекса оказались высокими, а в ряде случаев – очень высокими, что соответствует выраженно удлинённому плечевому отделу руки относительно бедра (или же наоборот, – значительно укороченному бедру), если иметь в виду относительные величины и сравнение с размахом вариаций этого индекса для современного человека.

По показателям луче-берцового индекса также отмечается достаточная однородность группы. Можно констатировать относительную укороченность предплечий, причем в большинстве случаев – сильно выраженную. Полученный результат объясняет значения интермембрального индекса в группе, показывая, что именно некоторая укороченность предплечий относительно голени объясняет небольшую относительную укороченность верхних конечностей у некоторых мужчин исследуемой популяции.

Луче-плечевой индекс оказался в данной группе не только очень низким по минимальному значению, но и ниже среднего даже по максимальному результату. Это еще раз подтверждает факт выражено укороченного предплечья у мужских индивидов группы (и относительно голени, и, особенно, относительно плеча).

Берцово-бедренный индекс в целом имеет значения средние и ниже среднего, причем минимальные величины индекса в группе даже ниже минимальных среднегрупповых значений для современного человека. Таким образом, для мужчин были характерны относительно укороченные голени, причем иногда даже сильно выраженные. Минимальная величина индекса получена для скелета мужчины из деревни Ивесь.

Ширина плеч, и по абсолютной величине и по относительным индексам, можно охарактеризовать как небольшую. Большинству мужчин и из погребения Бирули и из могильника Бирули, и из могильника Ивесь были характерны довольно узкие плечи. Так, у семи индивидов из одиннадцати, участвовавших в данном анализе, ширина плеч была меньше 35 см. Еще у трех мужчин ширина плеч была 35-36,6 см. И только у одного мужчины (из деревни Бирули) ширина плеч была значительной – около 41 см. Даже несмотря на вклад этой цифры в статистический анализ, группа мужчин, по различным показателям плеч, оказалось однородной. Если же этого мужчину исключить из анализа, то группа будет выражено однородной. Следует также уточнить, что по большинству других показателей пропорций скелета и конечностей этот мужчина из группы не выделяется. Так же он и не был самым высокорослым.

Лопатки, согласно индексам относительной ширины, можно охарактеризовать как среднеширокие. Группа по данному показателю оказалась однородной.

Ширина таза. По абсолютной величине ширины таза мужчин группы из погребений бывшего Полоцкого княжества можно охарактеризовать как выражено узко-тазых. В отдельных случаях измерения ширины таза дали крайне малые величины, например, – 23,4 см и 23,7 см. Самая большая ширина таза оказалась равной 28,3 см. По данному показателю группу можно рассматривать как выражено однородную. Для большинства мужчин был характерен именно очень узкий таз. По величине тазо-ростового индекса группа мужчин описывается как выражено однородная.

Анализ тазового указателя, описывающего его относительную высоту, выявил неоднородность группы. Одним мужчинам был характерен узкий и относительно очень высокий таз. Максимальные величины тазового индекса в исследованной группе оказались равными – 91,88 и 92,83 (принадлежали мужчинам из разных погребений). Эти цифры намного превышают среднюю величину этого индекса для мужчин, равную 80. У всех мужчин, кроме двух, вычисленные значения индекса оказались больше 80. У двух мужчин, также из разных могильников, значения тазового индекса оказались меньше 80, и приближаются к величине тазового индекса у женщин. Минимальные значения тазового индекса у мужской части группы были равны 75,25 и 76,98. Самые низкие тазы были характерны для довольно широкота-

зых (по абсолютной величине) мужчин.

Крестцы у мужчин из исследованных могильников были среднеширокими и достаточно широкими, их можно описать как субплатихеричные и платихеричные. По данному индексу группа оказалась довольно неоднородной.

Вычисление прижизненной длины тела мужчин бывшего Полоцкого княжества выявило большой размах вариаций: в группе оказались мужчины и среднего роста, и роста ниже среднего, и роста выше среднего. В целом размах вариаций соответствует следующим цифрам: 159,0 см – 174,2 см.

В таблице 2 приведены результаты вычисления индексов пропорций скелета, измерения ширины плеч и таза, определения прижизненной длины тела женщин из сельских погребений Полоцкого княжества. Рост женщин определялся по тем же формулам, что и для мужчин [Пирсона и Ли, Дюпертюи и Хеддена, Бунака] (Алексеев 1966).

Таблица 2

Индексы пропорций скелета женщин

Индекс	N	X	min	max	σ
Интермембральный	7	70,86	69,06	73,11	1,41
Плече-бедренный	11	73,64	69,98	77,69	2,35
Луче-большеберцовый	7	68,94	67,17	72,70	1,84
Луче-плечевой	7	73,45	69,85	77,10	2,47
Берцово-бедренный	10	78,82	74,13	83,64	2,49
Ключично-плечевой	3	43,41	39,02	45,76	3,81
Ширина плеч (см)	3	31,49	29,04	32,94	2,14
Плече-ростовой	3	20,07	18,02	21,36	1,8
Ширина таза (см)	2	25,85	25,30	26,40	0,78
Тазовый	2	76,27	73,49	79,05	3,93
Тазо-ростовой	2	16,67	16,41	16,92	0,36
Тазо-плечевой	2	79,02	76,81	81,23	3,13
Крестцовый	2	117,4	111,88	122,92	7,81
Прижизненная длина тела	12	156,6	151	165,3	4,38

Интермембральный индекс. Величина интермембрального индекса у женщин группы оказалась средней или немного ниже среднего, что говорит об относительно среднем соотношении длин рук и ног, сопоставляя с данными для человека современного типа. По данному показателю группа женщин оказалась однородной, несмотря на определенную малочисленность выборки.

Среднее значение плече-бедренного индекса соответствует очень большой величине соотношения длин плеча и бедра у человека современного типа, выше заявленного максимума, равного 72,9. При этом наибольшее значение оказалось равным 77,69. Полученные значения индекса указывают на значительную удлиненность плечевого отдела относительно бедра. По данному показателю группа женщин достаточно однородна, а также сходна с мужчинами этой же группы.

По показателям луче-большеберцового индекса группа женщин оказалась более

однородна, нежели группа мужчин. Величина индекса у женщин получилась чуть меньше, чем у мужчин, что, вероятно, связано с тем, что у женщин были относительно более длинные голени, нежели, чем у мужчин.

Луче-плечевой индекс. Величина этого индекса у женщин сельских погребений Полоцкого княжества оказалась средней и ниже среднего, что соответствует укороченным предплечьям относительно плечевых отделов. По этому показателю женщины в группе достаточно близки. Похожий результат получен и для мужчин.

Берцово-бедренный индекс. Среднее значение этого индекса для группы женщин, минимальная и максимальная величины оказались почти такими же, как и у мужчин. В целом, группа характеризовалась довольно малыми значениями берцово-бедренного индекса, в ряде случаев даже намного меньше минимальной величины для современного человека вообще. Такие значения указателя соответствуют сильно укороченным голеникам относительно бедра. Только у одной женщины (из погребения Ивесь) индекс был равен 83,64, что больше среднего значения для современного человека. Несмотря на присутствие такого индекса, группа оказалась однородной.

В дальнейших анализах пропорций и иных показателей скелета фигурирую не совсем достоверные результаты в силу крайней малочисленности выборок – 2-3 индивида. И все же давая характеристику группе женщин по остальным параметрам, можно констатировать следующее. Женщины популяции отличались очень узкими плечами, довольно узким, но выражено низким тазом (типичным для женщин), очень широким (платихеричным) крестцом.

По показателям прижизненной длины тела женщины группы были среднего роста или ростом ниже среднего. По данной характеристике группа оказалась неоднородной, а размах вариаций прижизненной длины тела колеблется от 151,0 см до 165,3 см.

Индексы массивности и укрепленности костей конечностей. В таблице 3 представлены результаты вычисления индексов массивности, или прочности, длинных костей конечностей, степени укрепленности их отдельных участков.

Таблица 3

Индексы массивности и укрепленности костей мужских индивидов

Индекс	N	X	min	max	σ
Ключицы (6/1)	11	26,57	23,08	29,5	2,01
Плечевой кости (7/1)	16	19,72	17,32	23,26	1,44
Плечевой кости (6/5)	17	77,73	72,00	82,61	3,06
Лучевой кости (3/1)	15	18,70	16,54	21,62	1,72
Лучевой кости (5/4)	15	69,85	57,90	82,35	7,47
Локтевой кости (3/2)	11	16,82	14,76	18,60	1,36
Локтевой кости (11/12)	15	79,32	65,00	96,88	9,16
Локтевой кости (13/14)	15	83,99	68,75	104,55	10,2
Бедренной кости (8/2)	17	19,74	18,18	21,98	0,93
Бедренной кости (6/7)	17	102,38	89,66	114,81	7,64
Бедренной кости (6+7 / 2)	17	12,54	11,30	13,72	0,55
Бедренной кости (10/9)	17	82,99	73,53	95,39	6,09
Большеберцовой кости (10/1)	16	22,63	20,28	25,14	1,47
Большеберцовой кости (10b/2)	17	20,92	18,61	23,29	1,23
Большеберцовой кости (9/8)	16	81,21	68,85	91,30	5,88
Большеберцовой кости (9a/8a)	17	77,90	66,67	92,86	7,04

Ключицы у мужчин из погребений бывшего Полоцкого княжества в целом оказались среднемассивными, с некоторыми вариациями в сторону и грацильности, и массивности. Интересно, что группа по данному показателю является однородной.

Плечевые кости у большинства индивидов оказались среднемассивными или высокомассивными. И только у одного индивида из погребения Клешино плечевые кости были выражено грацильными. Группа оказалась однородной по степени массивности плечевых костей. Почти однородна группа и по степени уплощенности середины диафиза плеча. Можно говорить об умеренной уплощенности и не особо сильно выступающей дельтовидной шероховатости.

Лучевые кости. По степени массивности, или прочности, лучевые кости можно назвать высоко массивными и по среднему индексу для группы, и по максимальным величинам. При этом и минимальное значение индекса в группе оказалось выше среднего. По данной характеристике группа сельских мужчин оказалась выражено однородной.

По степени же уплощенности диафиза и выступления межкостного края группа оказалась весьма дифференцированной (σ имеет большое значение – 7,47).

Массивность локтевых костей была самой разной, – от грацильных вариантов до массивных. Уплощенность диафиза также очень различалась. Встречались кости и сильно уплощенные, и, наоборот, - кости, имеющие почти равные значения поперечного и сагиттального диаметров диафиза. По этому признаку группа оказалась очень неоднородной. Степень укрепленности диафиза в верхней части оказалась также неодинаковой: от вариантов, выражено уплощенных в поперечном направлении (платоленичных костей), среднеуплощенных (эуроленичных костей), до вариантов костей, уплощенных в сагиттальном направлении (гиперэуроленичных костей). По данному показателю исследуемая группа характеризуется как сильно неоднородная.

Массивность диафиза бедренных костей у мужчин группы оказалась самой различной, а по размаху вариаций соответствует величинам вариаций этого показателя для человека современного типа. Средняя величина индекса массивности в группе соответствует среднему показателю индекса массивности вообще. Интересно, что группа из сельских погребений Полоцкого княжества оказалась выражено однородной. С одной стороны, в анализе по данному показателю участвовало достаточно большое количество индивидов. С другой стороны, не исключено, что при наличии в группе всех возможных вариантов величин индекса, о неоднородности и не может идти речи. Так получилось и в исследованной группе мужчин.

По показателю отношения суммы поперечного и сагиттального диаметров середины диафиза к длине бедренной кости в естественном положении группа в целом характеризовалась массивностью средней и ниже среднего. Группа проявила себя также как выражено однородная.

Степень развития бедренной кости в сагиттальном направлении, то есть, степень развития заднего пиястра, оказалась самой различной: от слабо выраженной, до сильно выраженной. Группа по данному признаку фигурирует как сильно неоднородная, что, впрочем, обычно наблюдается в большинстве групп.

По показателю платимерии, то есть, уплощенности диафиза бедренной кости в самой верхней части, группа очень дифференцирована. В целом можно говорить о сильной или средней уплощенности, а, следовательно, средней степени укрепленности, или, можно сказать, массивности кости сверху. В группе встречаются варианты бедренных костей: гиперплатимеричные, платимеричные и эуромеричные.

Большеберцовые кости по степени массивности диафиза (и в середине и в области наименьшей окружности) – самые различные, встречаются варианты костей от грацильных до массивных. По степени массивности большеберцовых костей в середине диафиза были обнаружены варианты сверхпрочных костей.

Степень уплощенности большеберцовых костей у мужской части группы сельчан Полоцкого княжества также оказалась самой различной, но по большей части кости характеризовались средней или слабой уплощенностью. Варианты сильной уплощенности костей в области питательного отверстия (саблевидные кости) вообще не встречаются. Обнаружены только мезокнемичные и зурикнемичные кости, причем у нескольких индивидов зурикнемичность была очень сильно выражена. Эти же кости отличались особой массивностью. Группа по степени уплощенности большеберцовых костей оказалась выражено неоднородной.

Индексы массивности (прочности) длинных костей конечностей и некоторых иных показателей костей женщин представлены в таблице 4.

Таблица 4

Индексы массивности и укрепленности женских костей

Индекс	N	X	min	max	σ
Ключицы (6/1)	3	22,1	21,85	22,22	0,21
Плечевой кости (7/1)	11	17,58	15,81	19,44	1,11
Плечевой кости (6/5)	12	73,0	68,18	85,71	5,68
Лучевой кости (3/1)	7	16,67	14,23	18,1	1,52
Лучевой кости (5/4)	6	75,54	64,71	85,19	7,59
Локтевой кости (3/2)	4	14,29	11,72	16,27	2,05
Локтевой кости (11/12)	7	81,38	73,33	88,89	5,35
Локтевой кости (13/14)	7	84,02	66,67	95,46	11,31
Бедренной кости (8/2)	11	18,71	16,93	20,08	1,01
Бедренной кости (6/7)	11	94,93	83,02	106,82	7,68
Бедренной кости (6+7 / 2)	11	11,92	11,06	12,84	0,63
Бедренной кости (10/9)	11	81,91	75,86	92,86	6,19
Большеберцовой кости (10/1)	10	21,34	19,23	23,59	1,74
Большеберцовой кости (10b/2)	10	20,48	17,61	23,27	2,01
Большеберцовой кости (9/8)	11	78,54	64,82	88,0	6,78
Большеберцовой кости (9a/8a)	12	78,18	68,33	92,0	6,19

Массивность нескольких ключиц женщин из исследованной группы оказалась очень малой. К сожалению, количество наблюдений очень мало, и вывод об однородности группы не совсем достоверен.

Степень прочности плечевых костей – очень низка. Все кости отличались грацильностью, иногда даже выраженной грацильностью. В этом плане группа выступает как однородная. Степень уплощенности костей в середине диафиза – разная, группа по этому показателю неоднородна.

Лучевые кости по степени прочности варьируют в пределах возможного размаха вариаций признака для человека современного типа. Интересно, что группа при

этом выглядит однородной, а средняя величина индекса в исследованной группе соответствует таковой вообще. Аналогичная картина наблюдается и при анализе степени уплощенности тела костей (и выраженности межкостного края). Встречаются варианты как сильно уплощенных костей со значительно выступающим межкостным краем, так и наоборот, уплощенные слабо. Группа характеризуется по данному показателю неоднородностью.

Локтевые кости отличаются выраженной грацильностью. В ряде наблюдений – очень сильной. Даже средний индекс, полученный для данной группы, меньше минимальной величины размаха вариаций показателя для современного человека. Степень уплощенности костей (и выраженности межкостного края) – различная, но в целом, кости уплощены немного сильнее, чем у мужчин группы, что, возможно, связано с особой грацильностью локтевых костей у женщин данной группы. Картина вариантов развития локтевых костей в верхней части диафиза у женщин группы немного отличается от таковой у мужчин-сельчан Полоцкого княжества. Так же, как и у мужчин, встречаются платоленичные (сильно сплюснутые с боков) и зуроленичные (среднеуплощенные) варианты локтевых костей, но отсутствуют гиперзуроленичные варианты, характеризующиеся очень хорошим развитием гребня супинатора, что женщинам было не характерно. Группа женщин-сельчан в этом плане выступает как неоднородная.

Массивность бедренных костей по индексу отношения окружности середины диафиза к длине кости в естественном положении – средняя или ниже среднего. А, вот, степень прочности кости по индексу отношения суммы диаметров середины диафиза к длине кости – очень мала. То есть, в целом, массивность бедренных костей женщин группы была довольно низкой. Группа выступает в этом плане как однородная.

Степень развития костей в сагитальном направлении, с учетом выступания заднего пилястра оказалась самой разной. То есть, встречаются кости и с хорошо выраженным задним пилястром, и сильно уплощенные с плохо развитой шероховатой линией бедра. Группа в этом плане оказалась выражено неоднородной.

Дифференцированная картина получена и при исследовании степени укрепленности верхней части диафиза бедренных костей. Группа оказалась достаточно неоднородной. Среди женщин сельских погребений Полоцкого княжества встречаются варианты костей платимеричные и зуримеричные, то есть слабо и средне уплощенные. В отличие от группы мужчин, у женщин не обнаружены гиперплатимеричные варианты. Но в целом полученные результаты для женщин и мужчин достаточно близки.

Большеберцовые кости женщин характеризовались разной степенью массивности. Результат получен и при исследовании прочности середины диафиза костей. И при анализе диафизов костей в нижней части. При этом среднegrupповые значения индексов соответствуют средним значениям соответствующих индексов для человека современного типа.

Варианты степени уплощенности большеберцовых костей у женщин группы еще более многочисленны. Так для женщин сельских кладбищ Полоцкого княжества были характерны всевозможные варианты: платикнемичные кости (сильно уплощенные, саблевидные), мезокнемичные и зурикнемичные (расширенные). Группа по данному признаку оказалась выражено неоднородной, аналогично мужской части исследованной группы.

Выводы

Для мужчин и женщин характерны относительно удлиненный плечевой отдел руки и сильно укороченное предплечье, относительно укороченные голени, узкие плечи, мужчин также отличал узкий и высокий таз.

Вычисление прижизненной длины тела мужчин-селян бывшей Полоцкой земли выявило большой размах вариаций: в группе оказались мужчины и среднего роста, и роста ниже среднего, и роста выше среднего. В целом размах вариаций соответствует следующим цифрам: 159,0 см – 174,2 см. По показателям прижизненной длины тела женщины группы были среднего роста или ростом ниже среднего. По данной характеристике группа оказалась неоднородной, а размах вариаций прижизненной длины тела колеблется от 151,0 см до 165,3 см.

Мужчин отличали массивные лучевые кости. Женщин – грацильные ключицы, плечевые и локтевые кости, довольно грацильные бедренные кости. По остальным показателям массивности и укрепленности костей конечностей получена очень неоднородная картина.

Литература

- Алексеев 1966 – Алексеев В.П. Остеометрия. М., 1966;
Пашкова 1963 – Пашкова В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М., 1963;
Рогинский и др. 1978 – Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. М.: Высш. школа, 1978;
Хрисанфова 1978 – Хрисанфова Е.Н. Эволюционная морфология скелета человека М.: Изд-во МГУ, 1978.

Borutskaya S.B., Vasilyev S.V. Osteometric characteristics of the Polotsk rural population.

Osteological materials from rural areas of the Vitebsk region (XV - XVIII centuries) are presented. Rural population of Polotsk is characterized by 41 studied skeletons (including 5 children).

Men and women had relatively elongated humerus and strongly shortened forearm, relatively shortened tibia, narrow shoulders, narrow and tall pelvis was also men distinctive feature. Calculated height of the men-villagers of Polotsk has a large range of variation (159,0 cm – 174,2 cm): the group consisted of men with average, below-average and above-average height. Calculated height of the women shows that women had average and below-average height (151,0 cm to 165,3 cm). Men had massive radius, while women possessed gracile clavicles, humerus and ulnas, and quite gracile femurs. Other markers of bone massiveness and strengthening give a very mixed picture.

Key words: *physical anthropology, osteology, limb proportions, bone massiveness, calculated body height, Polotsk Land.*

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

УДК 572

© М.М. Герасимова, Д.В. Пежемский

**КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ
СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ
(РАСКОПКИ ГУП «НАСЛЕДИЕ», СТАВРОПОЛЬ, 1998 г.)**

Описываются два черепа северокавказской культуры Ставрополя эпохи средней бронзы. Проведено их сравнение с шестью черепами из Калмыкии, изученными А.В. Шевченко. Высказывается предположение, что гиперморфность и брахикрания «ямников» Калмыкии могут быть результатом контактов этого населения с населением северокавказской культуры предгорий.

Ключевые слова: *Ставрополье, Калмыкия, эпоха бронзы, краниология, брахикрания, гиперморфность.*

Публикуемые материалы происходят из погребений так называемой северокавказской археологической культуры эпохи средней бронзы, которая первоначально была выделена на памятниках Калмыкии (группа 2 по В.А. Сафронову). Автор классификационной и хронологической шкалы, разработавший ее на материалах Прикаспийских степей и экстраполировавший ее на памятники Предкавказья и, в частности, Ставропольской возвышенности, определенно связывал формирование северокавказской культуры с предгорными районами (Сафронов 1974). По данным А.Б. Белинского и А.А. Калмыкова, авторов раскопок Ставрополье, для этой группы памятников, в отличие от погребений ямной культуры, значительный процент захоронений не имел окрашенности охрой. В тех же случаях, где она имела, краской были главным образом окрашены ноги. Погребения производились в ямах, где умершие лежали в вытянутом положении на спине, головой ориентированные преимущественно на восток.

Эта группа погребений в северной части Ставропольского края немногочисленна, палеоантропологический материал же более чем скуден. Краниологическая его часть представлена всего двумя черепами, которые происходят из могильника Шарахалсун-3 (курган 10, погребение 3) и могильника Типки-1 (курган 2, погребение 15). Оба памятника находятся в относительной близости от Чограйских могильников Калмыкии, в 1998 г. они изучались С.В. Ляховым. Череп из Шарахалсуна – мужской, из Типков – женский.

Герасимова Маргарита Михайловна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Кабинетом-музеем им. академика В.П. Алексеева Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: gerasimova.margarita@gmail.com.

Пежемский Денис Валерьевич – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории расоведения НИИ и Музея антропологии им. Д.Н. Анучина МГУ. Эл. почта: pezhemsky@yandex.ru

Мужской череп плохо сохранился, отсутствуют часть лба и часть лицевого скелета. Однако, несмотря на плохую сохранность, можно констатировать, что мозговая коробка брахикранный формы, ее высотный диаметр большой, а поперечный очень большой. Обращают на себя внимание также крупные размеры наибольшей ширины лба и огромные – ширины основания черепа и ширины затылка. Скуловой диаметр также отличается очень большой величиной.

Женский череп лучшей сохранности. Утрачены лишь часть затылочной кости и основание черепа. По «женскому» масштабу, продольный диаметр находится в категории очень больших размеров, а поперечный – выходит за групповой максимум. Ушная высота также очень большая. Все широтные размеры черепной коробки (поперечный диаметр, наибольшая и наименьшая ширина лба, ширина затылка и ширина основания черепа) находятся или в категории очень больших размеров, или выходят за групповой максимум. Вообще череп по своим метрическим характеристикам скорее соответствует мужским, но строение таза, безусловно, женское. Таким же гиперморфным выглядит и лицевой скелет: очень широкое на всех уровнях лицо (не только по «женскому» масштабу), большая верхняя высота его, высокий и среднеширокий сильно выступающий нос, очень низкие среднеширокие орбиты. Лицо уплощено в горизонтальной плоскости на обоих уровнях, что, в общем-то, неудивительно при столь сильном развитии его в ширину.

Напомним, что северокавказская культура очень слабо представлена в палеоантропологическом отношении. Так, например, имеются сведения о шести мужских черепах из погребений этой культуры с территории Калмыкии. По данным А.В. Шевченко эта серия не менее гиперморфна, чем древнеямная, происходящая с той же территории (Шевченко 1986). Исследователь, как это характерно для стиля его работ, придает расоводиагностическое значение повышенной вариабельности некоторых широтных размеров и черепного указателя, что особо подчеркивает. Приверженец типологического метода, А.В. Шевченко, исходя из морфологических особенностей, формирует две выборки из этой серии, различающиеся, естественно, по средним величинам большинства признаков не менее, чем на одну сигму. Каждый из выделенных вариантов, полагает автор, имеет самостоятельное генетическое происхождение. Не вдаваясь в серьезную и аргументированную критику типологического подхода к анализу материала, позволим себе рассматривать северокавказцев Калмыкии суммарно.

Особенности строения черепов северокавказской культуры Ставрополя, безусловно, рисуют нам тот же гиперморфный брахикранный вариант, который был выявлен на территории Калмыкии, только в еще более выраженной форме. Здесь еще более широкая мозговая коробка и еще более широкое лицо. По сравнению с черепами ямной культуры черепа северокавказской культуры Ставрополя удивляют своей брахикрацией и шириной лица, к тому же они более высокоголовы. Это противоречит высказанной А.В. Шевченко идее, о том что брахикрация ямного населения прикаспийских степей объясняется эпохальными изменениями. Возможно, именно контактами с северокавказским населением можно объяснить своеобразие «ямников» Калмыкии и Ставрополя. Тем более, что имеются археологические свидетельства сосуществования ямного и северокавказского населения и их возможных контактов (Шмилина 2006).

Таблица 1

Метрические характеристики черепов северокавказской культуры и сравнительный материал

№ пр. по М.	Ставрополье				Калмыкия (Шевченко 1986)	
	Северокавказская культура		Ямная культура		Северокавказская культура	Ямная культура
	Ш-3, к.10, п. 3	Т-1, к. 2, п. 15	Мужские черепа	Женские черепа	Мужские черепа	Мужские черепа
1.	–	182	188,9(14)	169,7(3)	186,8 (6)	184,1 (26)
8.	154	156	144,7 (14)	144,0 (4)	147,4 (6)	148,4 (29)
8:1	брахикран	85,6	76,2 (13)	–	78,9 (6)	80,4 (26)
17.	138	–	130,8 (4)	128 (1)	136,4 (6)	137,5 (18)
9.	–	99	101,5 (17)	95,0(4)	100,0 (6)	99,8 (30)
10.	122	124	124,2 (17)	114,0 (4)	124,3 (6)	124,2 (30)
11.	140!	139	132,1 (12)	127,5 (4)	130,8 (6)	131,3 (27)
12.	124	134!	114,7 (16)	118,2 (4)	114,8 (6)	115,8 (30)
45.	148	147	144,3 (8)	129,0 (4)	139,3 (6)	139,4 (28)
48.	–	69	73,4 (10)	64,2 (4)	71,5 (6)	69,5 (29)
55.	–	52	54,3 (9)	48,3 (4)	51,0 (6)	50,3 (29)
51.	–	40,0	43,8 (10)	42,4 (3)	44,7 (6)	43,8 (29)
52.	–	32,0	32,9 (10)	30,5 (3)	31,6 (6)	31,6 (29)
77.	–	143,9	137,9 (10)	140,0 (3)	138,9 (6)	138,6(30)
< Zm'	–	131,2	124,0 (8)	121,4 (3)	124,3 (6)	125,6 27)
75 (1).	–	30	34,4 (8)	29,5 (4)	35,2 (6)	35,0 (28)

Литература

- Сафронов* 1974 – *Сафронов В.А.* Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников // Сообщения Научно-Методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Вып. VII. М.: Знание, 1974. С. 23–199;
- Шевченко* 1986 – *Шевченко А.В.* Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л.: Наука, 1986. С. 121–215;
- Шишлина* 2006 – *Шишлина Н.И.* Ямная культура северо-западного Прикаспия // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2006. С. 109–111.

Gerasimova M.M., Pezhemsky D.V. Craniological materials from the burials of North Caucasus culture (excavations SUE «Heritage» , Stavropol , 1998 year).

Two skulls dated to the North Caucasus culture of the Bronze Era are described. Besides, six skulls from Kalmykia, which have been previously investigated by A.V. Shevchenko, are compared. The authors suggest that characteristic to Kalmykia skulls hipermorphism and brachycranium could be a result of the contacts of the local population with the settlers of the North Caucasus foothills.

Key words: *Stavropol region, Kalmykia, Bronze Era, craniology, brachycranium, hipermorphism.*

УДК 392.72
© Т.А. Листова

ВОРОНЕЖСКИЕ УКРАИНЦЫ – РУССКИЕ ХОХЛЫ*

«Мы все, в принципе, русские».
(информант, г. Россошь)

В течение XVII – XVIII вв. приграничная юго-западная часть нынешней Воронежской области заселялась выходцами с Украины. В статье исследуется трансформация самосознания потомков украинцев, проживающих на этой территории. Основное внимание уделено современной самоидентификации местного населения и влияния на него государственного разделения Украины и России, а также военных событий на Украине.

Ключевые слова: *Украинцы, русские, хохлы, самосознание, язык, культура, этнические контакты.*

Изучение всех форм идентификационных процессов в районах этнокультурных и государственных пограничий можно отнести к числу наиболее не только интересных, но и особо востребованных направлений в научных исследованиях. Результаты их значимы с точки зрения теоретического анализа трансформаций таких сложных явлений, как этническое и этнонациональное самосознание. Важны они и в практическом плане для выработки способов взаимодействия с пограничными соседями.

Настоящая статья посвящена анализу результатов полевых исследований, проведенных мною в июне 2014 г. в трех районах приграничной с Украиной полосы Воронежской области. Эти исследования проходили в рамках российско-украинского проекта «Украинская диаспора в России и русская диаспора на Украине: региональные модели в условиях межкультурного диалога» (совместно с Институтом искусствоведения, этнографии и фольклора УАН). В соответствии с темой проекта я выбрала для исследования регион, основным населением которого исторически являются украинцы. В процессе работы выяснилось, что традиционное изучение различных аспектов жизнедеятельности и этнокультурных особенностей местных жителей как заведомо этнических украинцев не соответствует реальной ситуации и требует предварительной корректировки в определении этнонационального состава населения. Данный вывод был сделан на основе самоидентификационных характеристик наших информантов и их оценки окружающего населения.

Выбор трех районов – Кантемировского, Россошанского и Лискинского из числа так называемых украинских районов Воронежской области объяснялся рядом фак-

Листова Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: listova.ta@mail.ru.

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ «Украинская диаспора в России и русская диаспора на Украине: региональные модели в условиях межкультурного диалога».

торов: 1) приграничное расположение, что всегда своеобразно влияет на жизнь и самосознание жителей; 2) исторически сложившаяся компактность и многочисленность украинского населения, что предполагает устойчивое сохранение культурных и языковых особенностей; 3) возможность проведения временных сопоставлений, опираясь на масштабное разностороннее изучение русско-украинского пограничья Л.Н. Чижиковой (*Чижикова* 1988) и собственные полевые исследования в 2002 г. (ПМА 2); 4) особенность времени проведения исследований – военные действия в соседних областях Украины, реакция на которые должна была найти отражение в самосознании и настроениях местных жителей.

Исторический экскурс

Уже в процессе предварительного изучения истории украинских поселений на Воронежской земле стало ясно, что их обитателей вряд ли можно обозначить как украинскую диаспору в силу, прежде всего, отсутствия необходимых для этого признаков (*Тишков* 2003: 435–480). Напомню, что земли нынешней Воронежской области, в том числе и районы моей работы, относились к территориям, обезлюдившим после ордынского нашествия, за что в XIV–XV в. получили название «Дикого поля».

Первые поселения русских и украинцев появляются здесь в XVII в., но основное заселение приходится на конец XVII в. и, главным образом, на XVIII в. Переселенцы с украинских территорий, продвигаясь постепенно на восток, осваивали свободные земли практически одновременно с русскими. И те, и другие прибывали из разных мест, среди украинцев были как казаки, так и крестьяне. В результате переселенческих движений на территориях современных Курской, Белгородской и Воронежской областей образовалась многочисленная украинская общность, отличающаяся своеобразием культуры и языка, которая вместе с территорией современных Луганской и Донецкой областей получила название Слободской Украины (Подр. см: *Чижикова* 1988: 14-26). На юге Воронежской области украинцы жили сплошным этническим массивом с включением отдельных селений русских. Таким образом, украинцев приграничных районов России можно считать автохтонным населением, которое, к тому же, прибыло в места нового жительства путем перемещения в границах одной страны.

Многочисленность украинцев в обследованных приграничных районах послужила причиной включения их в 1920-е годы в число территорий РСФСР, право на которые отстаивала УССР, апеллируя к провозглашенному большевиками этнографическому принципу проведения границ между республиками. Каждая из сторон, то есть РСФСР, точнее руководство Воронежской губернии, и УССР, приводили аргументы в свою пользу, обращая внимание как на факторы экономического характера, так и на пожелания жителей относительно включения территорий их проживания в состав УССР. Для уяснения сложных перипетий длившегося не один год спора можно обратиться к исследованиям Е.Ю. Борисенок, детально рассмотревшей ситуацию вокруг приграничных территорий (*Борисенок* 1998; *Регионы и границы* 2005: 205–238). Для нас важно то, что население юго-западной окраины Воронежской губернии осталось в границах РСФСР, и это обстоятельство в дальнейшем с разной степенью интенсивности влияло на трансформацию этнокультурных особенностей жителей российской части Слобожанщины.

Этнический состав

Приведем данные переписей, которые, несмотря на неточности, прежде всего из-за выбора разных критериев к определению этнического состава населения, в целом дают адекватную картину численности украинского населения на территории обследованных районов.

По переписи 1897 г., где национальность определялась по родному языку, доля украинцев среди сельского населения¹ Воронежской губ. составляла 36,2% всего населения. По переписи 1926 г. украинцы среди сельского населения составляли 33,2%. В 1959 г. среди сельского населения украинцы составляли уже 8,7%, в 1970 г. 7,6%. Несмотря на явную тенденцию к уменьшению доли тех, кто назвал себя украинцами в целом по области, сельская местность юго-западной части губернии вплоть до недавнего времени представляла собой сплошной массив украинцев.

Посмотрим, как здесь менялись показатели этнического состава. В Острогожском у., в который входили территории нынешних Россошанского и Лискинского р-нов – доля опрошенных в сельской местности, указавших родным языком украинский, то есть причисленных к украинцам в 1897 г., составила 90,3%, в соседнем Богучарском, в который входил нынешний Кантемировский р-н – 81,8%. По переписи 1926 г. украинцы составили 90,9% сельского населения Россошанского у., и 72,7% Богучарского у. Сходная картина сохранялась все советское время. В 1979 г. в Россошанском р-не доля украинцев составляла 95% населения, в выделившемся в 1973 г. Кантемировском 42,1%. По переписи 1989 г. в Россошанском р-не украинцы среди сельского населения составляли почти 80%. Однако языковые показатели, основываясь на которых, как мы покажем ниже, местное население в первую очередь определяет свою национальность, говорят о явной русифицированности. Из 28700 тыс. сельского населения Россошанского р-на владение украинским языком показали только 288 чел.

Совсем иную, по сравнению с 1989 г. картину этнических показателей мы видим в материалах переписи 2010 г. Полученные данные отражают те изменения, которые произошли в самосознании потомков украинцев после государственного разделения территории бывшей Слободской Украины. В Россошанском р-не лица, указавшие себя украинцами, составляли 12,9% всего населения, среди сельского населения эта цифра поднимается до 19,1%. То есть по сравнению с 1989 г. число показавших себя украинцами уменьшилось в 4 раза. В Кантемировском р-не в 2002 г. украинцы составили около 6% всего населения, в 2010 г. приблизительно 5%. В Лискинском р-не в 2010 г. украинцы составили 1% жителей, правда, этот район вообще нельзя отнести к украинским по происхождению населения, так как украинской считалась лишь часть правобережья Дона, а в левобережье располагались русские села.

Данные переписей вызывают желание расшифровать полученные количественные показатели, что невозможно без более детального изучения самоидентификации местного населения. Для рассмотрения реальности наших дней мы отодвинули в сторону неизбежно политизированные исследования русско-украинских отношений и постарались лишь выяснить, что представляют собой в настоящее время потомки украинских переселенцев, каковы основные характеристики их этнонационального самосознания, одновременно рассматривая полученные данные в контексте отношения местных жителей к Украине и украинским соседям с одной стороны, и к России – с другой стороны.

Этническое и гражданское самосознание

Особое своеобразие обычной полевой работе придавало выбранное для опросов время, то есть война в соседних районах Украины. Эта ситуация осложнила работу, но одновременно более четко определила некоторые особенности самоидентификации и самосознания потомков украинских переселенцев, что наиболее интересно прозвучало в их оценках своего этнического и гражданского статуса в сопоставлении себя с жителями сопредельных районов Украины. Работа проводилась как в городе, так и в сельской местности, поскольку именно здесь, судя по переписям, проживала основная масса украинцев и, кроме того, в сельской местности, как известно, наиболее устойчиво сохраняются этнокультурные особенности.

Первое, с чем пришлось столкнуться в контактах с местными жителями, это некоторая настороженность в поведении и в разговоре, тем более при возникновении в беседах темы национальной принадлежности информантов и характеристики этнической ситуации в целом. Ощущение настороженности особенно часто возникало в сельской приграничной местности, где население предупреждено о необходимости внимательно относиться к любым появлениям посторонних. Правда, некоторая натянутость в ответах на мои вопросы была более характерна для людей, которых можно рассматривать как экспертов в оценке этнической ситуации и сохранения культурных особенностей и которые, в какой-то степени, ответственны за состояние данных аспектов общественной жизни (чиновники, работники культуры, образования, СМИ).

Давая характеристику исторической памяти своих односельчан, директор средней школы с. Новомарковка В.Т. Деревянко заодно объяснил мне и природу возможных опасений жителей. *«То, что местные знают, что они выходцы с Украины, ну не выходцы, а имеют отношение к Украине, это однозначно. Но Вы выходите на улицу сегодня, когда такие отношения с Украиной и спрашиваете. Может быть, это как-то людей смущает, они Вам не открываются. Но я вчера думал, Вы спрашиваете, может быть у вас интерес политический?»* (ПМА 1). Такой настороженности не было при работе в 2002 г., хотя известная сдержанность, особенно в высказываниях официальных лиц, присутствовала и тогда. В настоящее время многие жители готовы были отвечать на мои вопросы, но не называя своей фамилии. В таком случае приходилось ограничиваться выяснением возраста и места жительства информанта. Ряд информации записывался на диктофон методом «скрытой камеры» с выяснением тех же данных.

Анализируя весь массив собранной информации, включая исторические комментарии или краткие характеристики собственной этнической принадлежности, приходишь к выводу, что нечеткость и кажущаяся нелогичность сообщений информантов адекватно отражают ситуацию в сфере идентификации. Некоторая неоднозначность ответов говорит именно об отсутствии внимания к данной теме, подвергающейся рефлексии лишь отдельными представителями местной интеллигенции, а также о трансформационных процессах в самосознании, получивших импульс к ускорению после государственного разделения бывшей Слобожанщины. Несмотря на известную противоречивость субъективных мнений, из них можно сделать следующий общий вывод: наиболее распространенным является применение потомками украинцев к себе двух самоназваний, причем часто одновременно: традиционно принятого *хохол* и *русский*. Поэтому посмотрим, какое содержание вкладывают мои

собеседники в эти самоназвания, опираясь, при этом, на их высказывания и рассуждения, то есть, действуя методом «этнографии прямых голосов» (Тишков 2003: 36).

Из полученных ответов ясно, что определение собственной идентичности основывается на трех основных показателях: национальности «по паспорту», по самоощущению и, наконец, по стране проживания. Известную роль играет, конечно, фактор наследственности, то есть сохранение в памяти этнической принадлежности предков. Следствием такого подхода, как мы увидим из приведенных ответов, становится неизбежное совмещение этнического и гражданского самосознания, что и отразилось в переписи 2010 г., показавшей резкое уменьшение числа этнических украинцев. Поскольку самоназвание «хохол» не входит в перечень существующих национальностей, опрашиваемые часто, независимо от национальности родителей, называли себя русскими. По словам жительницы с. Лошино *«мы перевертни. Мы в переписи русские и в паспорте написано русские. А раньше было написано украинец»* (ПМА 1, Россошанский р-н, 1962 г. р.). Ситуацию с двойной идентичностью объяснил один из жителей приграничного с. Бугаевка: *«Да все хохлы! (А говорят, что русское село?) Это все как сказать. У меня мама украинка, родилась в Полтавской области. Отец русский, здесь родился. В переписи я, конечно, русский. Мы в паспорте были записаны как русские. Я думаю, что хохлы – это часть, близкая к Украине»* (ПМА 1, Кантемировский р-н, 1957 г. р.).

Для многих, особенно для городских жителей, основанием считать себя русскими становится воспитание в русской культуре. *«Ну, мы ведь все в паспорте и в принципе русские. Мы все учили русский язык в школе. Но это – культура наших пра-прабабушек (речь о культуре местных хохлов. – Т.Л.). Мои родители оба украинцы. (А по переписи кем назвались?) Русской, конечно. (Ощущаете себя русской?) Конечно. Я воспитана на русской культуре, учила классическую русскую литературу (ПМА 1, Герасимова). По мнению главы Новомарковского поселения О.П. Безруковой двойное самоназвание полностью отражает реальную ситуацию. В ее ответе на вопросы очевидно характерное для идентификационных представлений местного населения отождествление понятий русский как этнический показатель и как определение гражданской принадлежности. Для нее одним из главных критериев становится историческая связь со страной проживания. «Кем считали себя бабушки?» Русскими, конечно. Ну а как считает себя не русским, если вот мои оба дедушки воевали, защищали Россию. (Может быть, называли себя русскими просто от того, что жили в России?) Нет, нет. Я считаю, что действительно русские, украинцев у нас нет. (Никаких рассказов о том, что бабушки, дедушки были украинцами?) Нет, это было русское село. За границей в Украине они тоже разговаривают на таком же диалекте. (Ваша местная бабушка называла себя хохлами?) Конечно. (А русскими?) Но название хохлы это так, между собой. Это просто потому, что диалект такой. Он приближен к украинскому. (А считаете себя русскими?) Конечно, однозначно. (Обидно: «хохлы»?) Нет. А что здесь такого? Мы все россияне, но у каждого по месту жительства свои нюансы (ПМА 1, Безрукова). Особенно очевидным становится совмещение гражданской и этнической самоидентификации при использовании в качестве аргумента записи в паспорте. Причем, используют его не только люди старшего поколения, в документах которых была указана национальность («пятая графа»), но и молодежь, хотя толкование паспортных данных имеет возрастные отличия. Для молодых людей их национальность напрямую связана с указанием стра-*

ны проживания. *«Предки были из украинцев. (А по переписи Вы кем назвались?) Как это! Вы в какой стране находитесь – в России. В паспорте как будет написано? (Там не пишут) Как это не пишут – россиянин пишут. (Но это россиянин, а при переписи спросят национальность) Ну я бы задал тому, кто мне стал бы такой вопрос задавать. Я бы даже не стал отвечать. Я говорю на русском языке, у меня российский паспорт. Кто я – негр? Что за вопрос! Это же не на Украине перепись»* (ПМА 1, г. Россошь. 1986 г. р.).

Ответы лиц старшего и среднего возраста часто отражают ту неясность или многоплановость самоидентификации, которая характерна для современной ситуации. *«У нас чисто русских сел, наверное, нет. Все говорят на смеси. (А кем себя считают?) По паспорту украинцами. (Но в паспорте сейчас нет национальности, кем считают себя по переписи?) Конечно, живя в России, русскими, но – хохлы* (ПМА 1, Стрех). Осознание себя русским по национальности может быть и следствием проецирования статуса гражданина России на этническую принадлежность, причем и в данном случае разделить обе формы самосознания практически невозможно. Приведу слова местного краеведа Н.И. Сафронова: *«Я впервые понял, что я русский, когда на Украину попал, когда сказали, что “он из России”. (А до этого себя украинцем считали?) Хохлом, конечно. А там оказалось, что я – русский. Но хохол – это совсем другое измерение, это местного разлива»*. Родившийся и выросший в украинском с. Щучье, прекрасно знающий культуру и историю своего села он уверен в том, что восприятие России как своей родины издавна стало частью менталитета местных потомков украинцев, чьи предки переселились когда-то на восток, чтобы сберечь свою веру и культуру. По этому поводу он вспоминает: *«бабушка такую колыбельную пела. На украинском языке: “Шли два героя с германьского боя, шли на Россию домой”. Понимаете – на Россию. Хохлы – более русские, чем сами русские. Они больше патриоты России, чем кто-то другие. Потому что эти люди преданы вере своей и своему государству»* (ПМА 1, Сафронов)².

Существует и еще одна мотивация единодушного отнесения потомками украинцев себя к русским. *«Когда заваруха началась, они, с Украины, стали говорить, что Кантемировка туда должна, потому что так когда-то и было. Поэтому мы пишем себя русскими, хотя разговор наш намешан. (А сознают себя кем, украинцами?). Нет, я чувствую, что – нет»* (ПМА 1, Деточкина). Уточним, что под «заварухой» наша собеседница имела в виду не столько текущие события на Украине, сколько распад Советского Союза. Приведенное соображение напрямую связано с событиями двух последних десятилетий, вызвавшими желание закрепить свою принадлежность России. Однако в данном случае могут сказываться и отголоски существующего среди потомков украинцев мнения о том, что местные территории относились когда-то к Украине. Оснований для подобных суждений нет³, но, тем не менее, в устной истории они присутствуют. По словам пожилой жительницы с. Старая Калитва *«я слышала то ли от бабушки, то ли где, что раньше наша область принадлежала Украине или какая-то часть. А за Доном – там москали»* (ПМА 1, Боровская). По-видимому, данные слухи периодически подкреплялись соответствующей информацией от приезжих с Украины. В качестве контраргумента местные историки напоминают о сложном процессе заселения районов и правах Воронежа на эти земли. Старый директор школы с. Бугаевка, (селу 240 лет), историк по образованию, вспоминает: *«Здесь коренных украинцев нет. Пришли с севера области. Основал село*

Филипп Бугай из казаков. Как-то приезжали с Украины ... любители всего такого, и они давай, что здесь когда-то была Украина. Мы говорим, тоже ведь изучали, что когда-то была Азовская область. Марковка (райцентр на украинском приграничье. – Т.Л.) и другие входили в состав Воронежской области» (ПМА 1, Гетманский).

Хохлы, Украина и украинцы

Проведенная в 1991 г. государственная граница не изменила положения Украины как пространства близкородственного народа. Свои ощущения, связанные с Украиной, одна из наших собеседниц постаралась донести до меня через сравнения: *«Вот если меня спросят, кто Вам ближе: украинец или немец, то, конечно, украинец. И если украинец или белорус, то украинец. Мы дружим с Украиной, у нас смесь с украинцами, корни перемешаны»* (ПМА 1, Деточкина). Складывавшиеся веками связи, родственные отношения, язык, историческая память – все это мешает моим информантам отнести Украину в разряд иностранных держав. *«За границей в Украине они разговаривают на таком же диалекте. (Но украинцы в Украине другой народ?) Я думаю, что такого разделения у нас нет, нет такого, что это другая страна. Мы их не воспринимаем так, как, например, Европу»* (ПМА 1, Безрукова).

Безусловно интересным представляется следующий вопрос: существует ли в представлении местных потомков украинцев конкретная территория общности тех, кто может называться хохлом. Сам термин связан с Украиной, но степень распространенности «хохляцкого» языка и соответственно и самих хохлов наши информанты определяют по-разному. С одной стороны, Киев и сейчас воспринимается как центр украинскости, то есть исторической основы происхождения хохлов, что хорошо известно каждому потомку украинцев, с другой – нынешние события не позволяют безоговорочно отождествлять Киев с тем народом, против которого он ведет войну, то есть населением Юго-Востока Украины. *«Я хохол, наверное. Разговор у нас наполовину русский, наполовину хохлячий. (Хохлами считаете только тех, кто разговаривает на смешанном языке?) Да, на диалекте. (А в Киеве тоже хохлы?) Дальше на запад, там бендеровцы, а в Киеве – не знаю»* (ПМА 1, с. Новомарковка Кантемировского р-на, 1971 г. р.). В любом случае, общим является исключение жителей Западной Украины из понятия хохлы. *«(Жители Украины тоже хохлы?) хохлы. Вот жители Западной Украины не хохлы в нашем понимании. У них другая речь, другой язык. У них даже другое восприятие жизни. (То есть, только поговору определяете хохлов?) Не только, это и обычаи, традиции»* (ПМА 1, Деревянко).

Особо тесные отношения всегда связывали пограничные районы двух стран. Местные жители считают своих украинских соседей не просто близким, но гомогенным по этноязыковым показателям народом. Это характерная особенность восприятия ситуации старшим и средним поколением, менталитет которого складывался в советское время в условиях практически виртуальной границы, не влияющей на естественное общение и сложения обширных родственно-дружеских связей. Как вспоминают *«ездили на дискотеки на Украину, но никогда не говорили: “поеду в Украину, в украинское село”. Просто село называли. Не было разграничения»* (ПМА 1, Воронько). Самих себя местные жители рассматривают как расположенную в России часть единого Донецко-Луганского этнокультурного региона. Как говорят: *«Мы единое, разделенное границей. Вот Грузия, это другой народ. Даже внутри*

страны другие народы со своими обычаями, нам их не понять. А здесь настолько все переплетено» (ПМА 1, Деточкина).

До начала военных действий на Украине между сопредельными районами проходили постоянные контакты как на личном, так и на общественно-культурном уровне. Возмущенную реакцию у посетителей вызвало название новой экспозиции в музее Кантемировка – «Дружба народов», созданную к приезду делегации из Луганской обл. По словам сотрудников музея *«наши местные люди приходят, возмущаются: “Ну как это дружба, мы одно целое, мы себя не делим. Да мы один единственный народ. Сказать дружба – для нас это – ничего! У нас корни, у нас кровь одна”»* (ПМА 1, Деточкина).

Не раз мне приходилось слышать о том, что разговор украинских соседей не только идентичен, но и более русифицирован, чем у потомков украинцев на российском пограничье. *«Культура вся здешняя и Юго-Восток Украины – это одно. А там ведь они тоже говорят на русском языке и суржик как у нас. Но на Украине много приехавших людей из России, которые говорят на русском. Там даже реже услышишь такую речь, как у нас. Мы воспринимали это как одно целое, одно государство. Все земли свои»* (ПМА 1, Деревянко). Поэтому война на

Рис. 1. Экспозиция Дружба народов в краеведческом музее пгт. Кантемировка. Вышивка крестом символизирует Россию, гладью – Украину (фото автора 2014 г.)

Украине воспринимается российскими хохлами как война против их народа. *«У нас сейчас в голове не укладывается, как это такое могло произойти с Украиной? Мы же одно, люди такие же, балакают также, як мы. И шо получилось!»*. (ПМА 1, Боровская).

Сравнивая данные, собранные в 2002 г. и современные, приходишь к выводу, что в настоящее время этническое, точнее, этнорегиональное, самоназвание «хохол» гораздо более дистанцировано от базового понятия «украинец», нежели это наблюдалось в 2002 г. Если 10 лет назад самоопределение «хохол» обычно соотносилось с понятием «украинец», сейчас же последнее все чаще исключается из самоопределения. Более того, подчеркивается соотнесенность собственной идентичности с этнонациональным идентификатором «русские», что означает, скорее, гражданскую, а не собственно этническую принадлежность. *«Жена украинка и я был по переписи. А теперь по переписи я русским пишушь. Нет у нас украинцев»*. (ПМА 1, г. Россось. 1959 г. р.). Организатор самодеятельного театра из с. Морозовка так определяет идентификационную ситуацию в своем селе: *«В селе 1260 человек. Русские здесь*

только приезжие. Большие украинцев, вернее хохлов. Они не украинцы, просто такой диалект у них, украинский. Где-то процентов 80%. Но если спросят кто, скажут русские» (ПМА 1, Филатова). Еще более определенно звучит расшифровка понятия русские в значении гражданской принадлежности в оценке идентичности местного населения, сделанной выходцем из Луганской области: *«У нас нет разделения, никто не спрашивает: ты кто по национальности? Хохлы – это украинцы, но вообще-то казаки. Здесь все гражданство приняли, так все стали русскими. И азрербайджанцы приезжают, они тоже скажут, что они русские»*. (ПМА 1, Гайдидей).

Рис. 2. Атаман реестровых казаков А.А. Гайдидей. с. Новомарковка Кантемировского р-на (фото автора 2014 г.).

постоянно такой диалог. (Они себя хохлами или украинцами называют?) Хохлы, конечно, как можно в России считаться украинцами! Украинцы – это украинцы, а хохлы – ну, вот Донецк и Луганск это хохлы. Это помесь. А вот бендеровцы – Западная Украины, вот они украинцы. И мова своя, и законы свои. А приграничная территория – Донецк, Луганск, Харьков – они хохлы. То есть у них вся культура русская, российская, они живут как русские» (ПМА 1, г. Россошь, 1986 г. р.).

О постепенном исчезновении украинской составляющей из самоидентификации местных жителей свидетельствует косвенный, но весьма значимый факт: при выяснении национального состава населения этноним «украинец» практически повсеместно сразу же ассоциировался у моих собеседников с украинцами, выходцами с Украины, которых немало в данных краях.

Языковая ситуация

Как уже было ясно из приведенных выше данных, основным критерием принадлежности к общности, определяемой как хохлы, местное население считает своеобразный язык – *суржик*, украинская основа которого постепенно дополнилась русской лексикой. Смешанный характер языка – особенность пограничных районов. В целом специфика языковой ситуации в зоне контактного проживания восточнославянских народов на пограничных территориях подробно проанализирована Р.А. Григорьевой (*Григорьева, Мартынова*: 30–40). Особенность изучаемой нами территории состоит в том, что здесь язык соотносится, как мы увидим, с самовыделением

Приведу еще одно высказывание, сделанное потомком украинцев, выросшим в г. Россоши. В данном случае совершенно очевидно совмещение этнических и национальных (гражданских) понятий в определении украинец и русский, с отрицанием отождествления хохлов и украинцев. *«Я родился и вырос в этом городе. В садик, в школу ходил. С людьми общался, и нигде не было такого диалога (диалекта. – Т.Л.). А в деревнях, особенно те, кому за 40,*

особого типа общности. *«Я хохлушка. Как себя выделяем? Да по речи. Ну и отличия в характере, в разговоре. Мы говорим – каждое слово отдельно. Это московки трещат»* (ПМА 1, В.Ф.); *«Мы как промежуточные, так как здесь селились и украинцы, и донские казаки, несколько культур. А в песнях слова именно нашего диалекта, не чисто украинские. А может быть, мы уже переделали. У нас в области хохлы и москали, у нас два диалекта»* (ПМА 1, Деточкина).

Не в моей компетенции анализировать местный язык, выявляя в нем степень присутствия украинской основы или влияния южнорусских диалектов. Меня интересует роль языка в формировании и сохранении этнорегиональной идентичности и в целом местной культуры, а также язык – как фактор, определяющий круг «своих» и влияющий на взаимоотношения с неместным населением. Важным представляются и позиции населения в определении возможности и необходимости сохранения собственного языка как главной составляющей их особого этнокультурного облика. Сопоставление воспоминаний жителей разного возраста и их оценка современной языковой ситуации показывает постепенную, но неуклонную русификацию местного наречия.

Еще лет 30–40 назад украинская основа языка чувствовалась значительно сильнее, по отзывам переселенцев из русских районов области в разговоре местных для них «практически ничего не было понятно». В 1920-е годы население данных районов попало в черту так называемой украинизации, когда не только преподавание в школах, но и все делопроизводство должно было перейти на украинский язык. Программа украинизации оказалась нежизнеспособной и ненужной с точки зрения тех инстанций, от которых зависела языковая политика. Местные инстанции, на которых лежала задача конкретного проведения курса украинизации, часто считали ее ненужной и трудно реализуемой, неоднозначно относилось к тотальной украинизации и население. Но в тот период⁴ она способствовала усвоению украинского литературного языка и в целом поддержанию украинской идентичности.

По воспоминаниям пожилых людей украинский язык не был разговорным уже в 1950–1960-е годы, хотя в то время у людей сохранялась потребность в приобщении как к украинской культуре в целом, так и, прежде всего, языку ее функционирования. По этому поводу можно привести воспоминание местной жительницы, относящееся к этому периоду. *«У нас семья была очень привержена украинской культуре. Даже пример мне запомнился на всю жизнь. Мама первая в деревне купила радиоприемник. Тогда это была диковинка. А мама была механизатор, и она любила всю технику. И там было три программы. И мы настроились на Украину и слушали все песни украинские. И приходили слушать целыми толпами и настраивались на Украину. И мы даже объявляли: приходите сегодня. И вот украинский язык... он до того какой-то... он отвечает, что ли, тем потребностям души, которые были у людей тогда. Поэтому приходили, собирались»* (ПМА 2, Доминская). В этом доме украинская речь звучала не только по радио. *«В нашей семье, больше ни у кого, был Кобзарь как настольная книга. Сколько я себя помню, у нас полный дом и дедушка читает или Библию или Кобзаря. Приходили в основном, старые»* (ПМА 2, Доминская).

До сих пор престарелые жители с любовью читают «Кобзарь» на украинском языке. Примером может служить семья из трех поколений женщин из старинного украинского села Старая Калитва, языковые познания и потребности которых отражают постепенный отход от языка предков. В доме хранится как ценная реликвия старое издание Т. Шевченко на украинском языке, стихи из которого 91-летняя глава

семьи до сих пор помнит наизусть, ее 61-летняя дочь – «пыталась читать», но, как говорит, «плохо понимаю». А вот 40-летняя внучка даже не берет книгу в руки: и

Рис. 3. Н.И. Варенникова и ее дочь П.А. Боровская с Кобзарем. с. Старая Калитва Россошанского р-на (фото автора 2014 г.)

понимает плохо и не испытывает желания читать на украинском языке. Между тем в прошлом, лет 30–40 назад «кто только ни брал книгу в деревне, она же одна на всю Калитву. Наверное, только у нас есть, многие спрашивали» (ПМА 1, Варенникова).

По комментариям и интонациям, с которыми люди старшего поколения говорят об украинской речи, ясно, что она ассоциируется у них эмоционально с

образом Украины, как певучей, красивой родины, в которой жили их предки и как таковую, то есть как продолжение Украины, они воспринимали и свои села, хотя территориально они находились вне ее. Я бы сказала, что это проявление некоторой ностальгии по той родине, в которой они никогда не жили, но которая присутствовала в их воображении.

Вплоть до государственного разделения многие семьи выписывали украинские журналы, причем, как вспоминают, «Перец» выписывали охотнее, чем «Крокодил». В настоящее время потребность в чтении на украинском языке практически сошла на-нет, в местных районных библиотеках сохранились еще издания советского периода, но за ненадобностью их из читальных залов убирают в фонды. Потребность в них возникает только при подготовках к определенным культурным мероприятиям. Правда, нужно учесть, что чтение сейчас вообще никак не входит в число любимых занятий населения, особенно молодежи.

Наиболее устойчиво украинский язык и украинские корни культуры сохранялись в песенном творчестве. «Была украинизация, а Кантемировка, Россошь – это все считалась Украина, Малороссия. Но помню, что отец рассказывал стихи на украинском языке, так как учился в школе на украинском. И мать из Белгородской обл., там тоже разговаривали как у нас. Песни пели на украинском. Люди просто собирались и пели. Особенно любили украинские. Они красивые, певучие, со смыслом. Пели и русские, но как-то не так. А сейчас не поют ни после работы, ни на праздниках». (ПМА 1, Дервянко). Пессимистичное заключение – это, скорее не реальность, а результат сравнения различных периодов жизни села, поскольку, как правило, наши собеседники подчеркивают: говорят на суржике или русском, но поют песни «больше украинские на украинском». Правда, нередко, изменяя слова текста «на местный говор». «У нас нет украинских сел, только русские. Женщины по паспортам русские, а вспоминают песни украинские на родные, что бабушки пели. Они на украинском языке» (ПМА 1, Деточкина).

В целом местные жители среднего и старшего возраста понимают литературную украинскую речь, хотя это уже не абсолютно автоматическое восприятие родного

языка. Образную характеристику своего восприятия украинской речи дала пожилая украинка из Россоши: *«Што-то можно понять, а там слово слово догоняе и пой-мешь»* (ПМА 2, Лосенко). Многие в настоящее время слушают украинское радио или ТВ, в большей или меньшей степени улавливая общий смысл.

Постепенную русификацию местного наречия отмечают сами жители, сравнивая язык своего детства и современных школьников. По мнению учительницы из с. Лизиновка *«Сейчас дети приходят в школу, они неплохо по-русски говорят. Когда мы учились, нам было трудно, потому что мы переходили на русский и даже хихикали потихоньку, что не так кажутся, як надо. А мама еще училась на украинском»* (ПМА 2, Лосенко). О том, что еще 40–50 лет назад детвора, в основном, говорила на местном наречии, вспоминает и жительница Кантемировка, вышедшая замуж из русскоязычного района области: *«Дома свекры говорили по-хохлячьи. Я москаль и городской москаль, когда сюда приехала, в общем понимала, но не все. Мои дети: старшего бабушка научила по-русски, а младший рос уже только с дедом и только по-хохлячьи говорил. Попал в Воронеж в больницу перед первым классом. Так говорил: “Мама, я там хотя бы по-русски научился говорить”»* (ПМА 1, пгт. Кантемировка, 1937 г. р.).

Что касается языковой ситуации в среде школьников в наши дни, то по наиболее распространенному мнению, дети усваивают язык семьи, то есть говорят, в основном, на хохлячьем. Это создает определенные трудности и в обучении, и в дальнейшей адаптации в русскоязычной среде, куда они попадают после окончания школы. Языковой ситуации в школе дал характеристику директор школы с. Новомарковка. *«Говор здесь – это однозначно. В школе мы запрещаем разговаривать на местном диалекте, а так они балакают, это суржик. В обычной жизни все жители села и ученики все говорят только на суржике. Там больше украинских слов, чем русских. Это как-то влияет на образовательный процесс, так как у нас русская школа. Боремся, но в быту мы ничего не можем. Тем более, что в семьях так говорят. Нашим выпускникам трудно бывает адаптироваться в городе, местные слова невольно выскакивают. Непривычный язык вызывает смех»* (ПМА 1, Деревянко). О трудностях, связанных с употреблением двух языков и необходимости корректировать язы-

Рис. 4. Украинская литература в пгт. Кантемировка (фото автора 2014 г.)

ковое поведение в семье говорит и глава Новомарковского сельского поселения: *«В школе все разговаривают по-местному, а на уроках должны изъясняться по-русски. К этому нужно привыкнуть. Я знаю людей, которые так и не переучились. Сейчас дети, в основном, говорят по-русски. У меня два сына и мы с ними по-русски, а между собой мы общаемся на диалекте. Зачем им это нужно (диалект. – Т.Л.), это только мешает, это я по себе сужу. У нас ведь есть слова, которые большинство городских не поймут»* (ПМА 1, Безрукова). Постепенная русификация языка школьников, как отмечают наши собеседники, это естественный процесс, вызванный условиями жизни. *«После разрыва стали больше на русский язык. Не то, что кто-то стал их ориентировать, но сама жизнь заставляет ориентироваться на Россию»* (ПМА 1, пгт. Кантемировка).

Кроме школы и влияния страны проживания, на процесс русификации влияет и значительное количество русскоязычных мигрантов, прибывающих в украинские села после 1990-х годов. В последние годы их число увеличивается за счет рабочих и служащих в новых животноводческих хозяйствах. Это русскоязычное население из северных районов области и даже из других регионов. Данное обстоятельство отмечают и работники образования, и местные жители. И, наконец, безусловным фактором, влияющим на русификацию языка, являются смешанные русско-украинские браки. В завершении можно сказать, что для среднего возраста характерно полное двуязычие с автоматическим переходом с местного говора на русский язык в зависимости от собеседника. Причем, подобное языковое поведение стало настолько привычным, что искусственный выбор языка может представлять затруднения для наших собеседников. Так, на мою просьбу говорить на наречии одна из отвечающих отказалась, сказав, что *«мне с Вами трудно по хохлячьи, нужно на пару»*. (ПМА 1, Деточкина).

Естественно, встает вопрос, насколько реально сохранение местного говора в будущем и что сами жители думают по этому поводу. Можно утверждать, что для потомков украинцев в данных районах (независимо от того, кем они себя указывают по переписи) язык и сейчас является воплощением собственной идентичности. Другое дело, что сдвинулись во времени основные критерии, определяющие соотношение языка и самосознания. Для старшего поколения в качестве символа идентичности могут выступать украинский язык и местный диалект, соответствующие их осознанию себя местными потомками украинцев. Для среднего и старшего поколений таковым символом является собственное наречие, до некоторой степени это же можно сказать и о молодежи. Русский язык соответствует русскости самосознания, о специфике которой говорилось выше. Но символическая нагрузка его не столь значима.

Местный язык сохраняется как основная форма общения, особенно среди сельского населения. По словам русской жительницы Кантемировки *«они (основное население. – Т.Л.) могут в обществе по-русски, но между собой по-хохлачьи. И в Кантемировке, в какой дом не войди, они по-хохлачьи изъясняются»* (ПМА 1, пгт Кантемировка, 1937 г. р.). На вопрос о предпочтении разговорного языка пожилая жительница с. Морозовка ответила: *«хохлацкая речь – я родилась с ней и умирать буду с ней. Я в городе по-русски говорю. Но если продавец хохлушка, то по-хохлачьи. У нас интонация другая, даже если и по-русски скажет»* (ПМА 1, В.Ф.)

Из некоторых ответов ясно, что местный говор воспринимается уже не просто как смешение языков, а как язык определенной общности, усвоенный по наследству, как и многие другие культурные особенности. *«Говорю по-русски. А с бабушкой я –*

по-хохлачьи, я считаю, что это мой язык, это где-то в крови сидит» (ПМА 1, пгт. Кантемировка, 1982 г. р.). Анализируя языковую ситуацию в детской среде, глава Новомарковского поселения делает следующий прогноз на будущее: *«Местное наречие совсем не уйдет. Я работала логопедом, ездила по селам. Есть села, где все дети говорят на местном. Я не могу сказать, что буду жалеть, если уйдет. Мы, взрослые, встречаемся, все говорим на диалекте, а с детьми по-русски. Но они ведь слышат. Думаю, что будут говорить на наречии»* (ПМА 1, Безрукова). Определяя характер местной культуры как смешанный русско-украинский, заведующая отдела культуры пгт. Кантемировка Богачева Е.Н. добавила: *«У нас разговор такой. Вся эта прослойка никуда не денется, пока так будут разговаривать наши родители, мы, дети, внуки – говор такой останется»* (ПМА 1, Богачева).

По мнению местных жителей, суржик как основной разговорный язык не только отличает их от украинцев в Украине, но и выводит из комплексного понятия «украинец». *«Ну какие украинцы, если даже языка своего не знаем?! Мы же не все понимаем».* (ПМА 1, Богачева). По этому поводу можно привести образное замечание пожилой жительницы с. Лизиновка, сказавшей, что именно невладение настоящим украинским языком мешает ей относить себя к настоящим украинцам, а не только к хохлам. И на вопрос, чем же еще отличаются настоящие украинцы заметила: *«а настоящих я николи не бачила. А пишемся мы украинцами»* (ПМА 2, Лосенко).

По-видимому, специфика момента сказалась в характере сопоставления своего языка и украинского в наши дни. Если в 2002 г. мы не раз слышали произнесенные с сожалением слова: *«какие мы украинцы, мы хохлы. Мы не разговляем, мы балакаем».* Нередко пожилые люди высказывали восхищение украинской речью с противопоставлением ей своего наречия как огрубленного украинского языка. *«У русских своя культура, у нас своя. Ну вот как скажут украинец и сближение какое-то, что-то ласковое»* (ПМА 2, с. Лизиновка, 1949 г. р.). По словам жительницы с. Новая Калитва, она считает возможным употреблять говор только в своей местности: *«переселенцы на Дону – они же украинцы. А сейчас уже Бог знает что. Я еду в город – стараюсь молчать. Наш языка грубее, чем украинский. Украинский более певучий».* (ПМА:2, 1940 г. р.). Но в настоящее время и самоназвание «хохол», и характеристика своего говора звучат уже без некоторой критической оценки, исключительно как констатация собственной индивидуальности с утверждением своих культурных особенностей.

Украинская основа местного наречия относится к факторам, формирующим у наших собеседников образ Украины как страны, где народ, к которому принадлежали их предки, является титульной нацией и к которому причисляют себя и сейчас многие из живущих на российского пограничья. По воспоминаниям пожилых людей именно общность языка была тем мостиком, который давал людям ощущение близости и единства, независимо от места проживания.

Жительница Россоши так вспоминает о своей поездке на Украину: *«Когда я еще училась в институте, вот такой бзик: захотелось поехать на Полтаву. Душа так. Никогда там не была, родители никогда ничего не рассказывали. Но мне туда очень хотелось. И поскольку я знала, что говор такой – не украинский, не русский, а Бог знает какой, я туда поехала. Там к русским относились не очень хорошо. Мы поехали с подружкой, которая по-украински не говорила. Мы сказали, что якобы мои предки здесь когда-то жили, а потом уехали. И я приехала на родину. И я разговари-*

ваю с ними. И знаете, как они меня хорошо приняли. Мы жили неделю, практически ничего не покупали, нас бабушки угощали, чего только не носили. Это в начале 1980-х годов. Я сказала, что отсюда родом, они меня послушали, они меня поняли. А вот подруга моя из Орловской области, ее не понимали, и она одну десятую понимала» (ПМА 2, 1928 г. р.).

Издавно существовали контакты между жителями русских и украинских сел. Существовало также влияние русскоязычных городов, что приводило к постепенному размыванию этнокультурной обособленности местных украинцев, до последнего времени сохранилось, хотя и в смазанном варианте, деление на своих и чужих, основным критерием которого был и остается местный говор. По мнению пожилых людей, говор не только определял этническую, точнее этнорегиональную принадлежность вновь появившегося в селе человека, в первую очередь отнесение его к хохлам или москалям, но и выделял не владеющих местным наречием в категорию чужих, нередко с негативным подтекстом. Конечно, в сельской местности всегда с большой подозрительностью относились к любым новым лицам, это особенность сельского менталитета, не исчезнувшая и до сих пор. И неумение владеть местным наречием усугубляло тенденцию к неприятию нового человека. Об этом говорят многие, испытавшие на себе, хотя и в разной степени, результаты неспособности перейти на местный говор. По словам уроженки с. Новая Калитва, вернувшейся в родную деревню после многих лет жизни в центральной России, она «по сей день» остается чужой. «*Как говорят: “она задается! Разговаривает! Тут все балакают, а она – разговаривает!”*» (ПМА 2, Доминская). Отличия в речи заставляют подозревать и иную этническую принадлежность, что могло служить дополнительным фактором отчужденности. Приведу слова жительницы г. Россоши, украинки, о ее жизни в деревне. «*Жила пять лет в с. Александровка Россошанского р-на, там и москали и украинцы. По языку можно отличить, где кто. Я там пять лет прожила, меня отличали: “Ты с города приехала, ты по-русски, не на нашем”. И нас как-то отстраняют от всего этого. Уже не так, как-то косо смотрят, раз ты городская. Хоть и не пять, а двадцать пять лет проживешь, все равно. Это и москали и украинцы. С украинцами тяжелее было. Они меня за русскую принимали. А если ты по-русски говоришь, значит, ты уже левый человек. Значит, ты уже не такая, а приписываешься. Вот разговаривай с ними по-ихнему» (ПМА 2, Андреева). Особенно языковой фактор был значим в старинных украинских селах, менталитет обитателей которых до сих пор в значительной степени определяется осознанием себя коренным населением данной местности со сложившимся традиционным укладом жизни. «*В Старой Калитве – националисты. Упрекают русских – раз уж тут живешь, говори так же» (ПМА 2, 1935 г. р., 1946 г. р.).**

Данные записи относятся к 2002 г. и характеризуют исключительно сельскую местность. За прошедшие 12 лет ситуация изменилась в сторону большей толерантности по отношению к новым обитателям своих селений. Сами жители данную тенденцию связывают в первую очередь с большим наплывом переселенцев, о чем уже говорилось, и смешанными браками. В рассуждениях о происходящих в связи с обновлением населения новациях, вследствие чего старинное украинское село теряет свой облик, ощущается близость украинских событий, на фоне которых другие проблемы не имеют существенного значения. «*(Не жалко, что у Вас в селе смешение языка, культуры, много приезжих?) Об этом не задумывались. Лишь бы не было*

войны. Мы сейчас дружно живем» (ПМА 1, Боровская). Тем не менее, определенные трудности вхождения переселенцев в сельскую общность украинских деревень характерны не только для прошлого. По-видимому, свойственная сельским коллективам замкнутость усугубляется «иноприродностью» новых лиц, основными показателями которой являются язык и этнокультурные особенности. Примером тому может быть ситуация в старинном с. Троицкое, куда в последние десятилетия периодически прибывали русскоязычные мигранты из разных мест. Как говорят знакомые с ситуацией в данном селе люди *«много беженцев было во время Чеченской войны и русских, и не русских, но в этих селах они меньше прижились. Это и местные жители рассказывают. Все-таки среда более замкнутая. Они не каждого человека к себе пустят. Это украинские села, в них беженцев как раз меньше. Они там просто не приживались, не знаю, почему. (Они замкнуты?) Они открыты, но для тех, кто становится своим. Сами местные рассказывали, что приезжали беженцы и не все могли ужиться. Не знаю, с чем это связано, может быть это взаимно. Может быть и те (приезжие) ведут себя без учета традиций. Что-то не то говорят, не то делают»* (ПМА 1, Медведева).

Хохлы и москали

Спецификой этнической ситуации на юго-западе Воронежской области является отсутствие многоэтничности, характерной для многих регионов России. Процесс заселения этих мест окончился контактным проживанием здесь двух народов – украинцев и русских, называемых здесь москалями⁵, которые располагались компактно в соседних, так называемых русских районах или же дисперсно, как отдельные русские села в массиве украинских поселений. Реально вся практика этнических контактов сводилась к взаимодействию этих двух общностей.

Сообщения дореволюционных авторов относительно характера отношения друг к другу представителей близких по языку и культуре народов довольно противоречивы, но в целом демонстрируют отсутствие желания каждой этнической группы выходить за границы своих общностей. Редкостью были межэтнические браки, причем неприятие смешанных браков было более характерно для украинцев, оберегавших свои традиции и уверенных, возможно, в силу своей многочисленности и автохтонности, в превосходстве своей культуры. Данную особенность менталитета, сохранявшуюся не только в послереволюционное время, но и, судя по нашим записям 2002 г., и после распада Союза, сами украинцы приписывают, прежде всего, жителям старых сел, к которым относится и упоминавшая выше Старая Калитва. По мнению жителей соседнего с. Новая Калитва: *«Вот там такие жители, там такие закоренелые! Вот мы хохлы! Мы такие! Это мы люди! А москали – не так постирают, не так побелят, не так кушать сварят, не такие они хозяева! А вот хохлы – это да! В Старой Калитве они считают, что вот они – хозяйки»* (ПМА 2, 1936 г. р., 1946 г. р.).

В исторической памяти местных жителей сохраняются воспоминания об особенностях брачных отношений между русскими и украинскими селами. Как говорят: *«до революции было более четкое деление на хохлов и русских. Гороховка – русское село. И хохлы не брали себе жен с Гороховки. И если кто-то взял, это считалось позором: “Почему это ты взял московку?!” И замуж туда не выходили»* (ПМА 2,

с. Новая Калитва, 1936 г. р.). По общему мнению, ситуацию изменила, прежде всего, война (ВОВ) и последующие переселения в регион не только русских, но и представителей других национальностей. Как вспоминает старый житель русского с. Гороховка: *«До второй мировой войны чувствовалось отчуждение. До критических отношений не доходило, но чувствовалось. Мы были мальчишками – иногда устраивали стенка на стенку. А война все выровняла, и никакой разницы совершенно нет»* (ПМА 2, с. Новая Калитва, 1935 г. р.).

Однако старые традиции в данном вопросе очень устойчивы, особенно у женского населения. Из рассказов местных жителей ясно, что еще в 1950–1960-е годы «предпочитали, чтобы хохлы на хохлах женились, а москали на москалях». Хотя в последующее время ситуация постепенно выравнивалась, еще в 2002 г. нам приходилось слышать признания местных женщин в том, «что и невестку хорошо бы хохлушку взять». Причем в разряд «не своих» могли попасть не только москали, но и представители Западной Украины. *«Женились москали на хохлах и наоборот. Ко всем хорошо, не было предпочтений. Много женились на гуцулках, говорили: “О, гуцулку взял”. Ну, если все-таки взял гуцулку, то это как-то не так было. Лучшие свою – из Калитвы, или из других наших районов – Россошанского, Подгоренского, это свои. Пословица есть: “на сторону, кажут, обо же дурня, або по дурню”. Из чужой деревни это как-то ненадежнее».* (ПМА 1, Варенникова, Боровская). Под «нашими районами» местные жители подразумевают так называемые украинские районы области, основным населением которых изначально были украинцы.

По воспоминаниям информантов среднего и старшего возраста в данном регионе никогда не было столкновений на этнической почве, ничего не говорят о таковых и дореволюционные авторы, тем более, нет их сейчас. Однако этнический аспект мог звучать во время конфликтов между сельскими обществами, причины которых не были связаны с этнической принадлежностью противостоящих сторон. Чаще всего основанием для ссор были взаимные экономические претензии. По воспоминаниям Н.С. Сафронова о своем родном с. Щучье *«через Дон – там с. Икорец, там москали. И вот из-за покосов, еще из-за чего чувствовалось: “московка”, “москаль”. Разность культур. Вот соседний Икорец воспринимали как москалей, потому что были покосы – было что делить. Мы загоним на Волчий кут корову, а они теленка зарезают. Это воспринималось как месть. (Но могли что-нибудь неприятное сказать про москалей?) Только про икорских. А жен брали и из своего села, и из ближних. По этническому признаку никогда ничего не было»* (ПМА 1, Сафронов).

В качестве дополнительной характеристики отношения местных украинцев к соседям – москалям приведу наблюдение дореволюционного автора относительно постепенного отхода украинского населения от своих традиций в XIX в. Автор отмечает одну очень важную особенность процесса постепенного обрусения жителей крупных украинских слобод, которая остается столь же актуальной и в настоящее время. По наблюдению данного исследователя черты русскости появляются у них никак не под влиянием контактов с соседями-москалями, а исключительно из городской среды. Житель этих мест, по мнению автора, быстро обрусел, но *«не по здешнему, а по общерусскому образу. Он ничего общего не имеет со своим великорусским соседом-пахарем, он говорит языком русским, но не языком своего соседа, наречие которого он передразнивает, он не брачится с великороссами, между ними есть какой-то антагонизм»* (П-ский 1885: 633. Цит.по: Чижилова 1988: 49).

Аналогичным образом в последние десятилетия местная культура в украинских селах активно замещается унифицированным вариантом городской культуры, что воспринимается как вхождение в общерусское пространство. Как говорят: «У нас культура России». При этом, описывая свои обычаи, наши собеседники неоднократно делают сравнения с обычаями москалей с явной критической оценкой последних. Сравнения могут касаться говора: «*Наши разговор лучше*», пищи: «*Вот борщ у нас такой добрый варят, а москали – такую ерунду. У нас хлебный квас, это черный хлеб с сахаром – закваска, он прозрачный, а у них белый, мутный, тягучий. У нас вареники, тоненькие пирожки. У москалей – холодец с квасом, да еще с хреном (с содроганием. – Т.Л.)*» (ПМА 1, Кантемировка, 1958 г. р.); свадебных обычаев: «*проверяют невинность – у нас такого нет, это в северных районах. Подарки у нас – делят каравай и продают. Садятся за стол, ведущий объявляет, и начинают поздравлять, все даря. Это у москалей сейчас: пришел, положил и все, на американский лад*» (ПМА 1, Воронько Н.В.).

Процесс постепенной утери украинского этнического самосознания с четким вектором обрусения своим итогом имеет не только смену идентичности, но и, нередко, потерю таковой. По словам упомянутого выше дореволюционного исследователя приграничных украинцев жители слобод так характеризуют себя: «*Положим, что мы не великороссы, но уж и малороссами, простыми хохлами нас нельзя назвать*» (П-ский 1885. Цит по: Чижикова 1988:49). Неопределенность этнической принадлежности нередко и сейчас слышится в самоопределении местных жителей, особенно старшего возраста. По словам пожилой жительницы Кантемировки «*сами говорим так, что иногда не поймем. А все равно русские. Тут уже смесь, люди отовсюду. Говор у нас не украинский, украинский мы не поймем. Мы балакаем. Луганские тоже так говорят. Дети мои тоже балакают. У меня национальность не украинская и не русская, и никакая*» (ПМА 1, 1939 г. р.). Национальную неопределенность связывают, как уже было сказано, со смешанным языком. «*У нас туточка была граница между Украиной и Россией. Дело в том, что мы ни туда, ни сюда. (Кем себя считали старики?) К Украине само собой себя не причисляли. Вроде и хохлы ни хохлы, и украинцы ни украинцы, и до русских нам далэко. Дело в том, что искаженный у нас язык*» (ПМА 2, Лосенко).

Проблема сохранения идентичности

Формальное определение себя русским по национальности, что стало массовым явлением, далеко не всегда соответствует реальному самосознанию. По словам сотрудницы кантемировского музея, местной уроженки «*бабушки, дедушки у нас тоже были русские, просто говорили на хохлячем. У нас здесь большинство скажут, что они русские. Но если Вы зададите вопрос так, как нам (то есть с разъяснением понятия национальность, указанной в переписи. – Т.Л.) то 80% скажут: “да я не знаю, я не могу сказать, что я на сто процентов русский”*» (ПМА 1, 1982 г. р.). Очень показательна беседа с группой женщин из украинского с. Лизиновки, которые долго спорили относительно того «кем они считаются», причем ни одна из них не могла вспомнить, какую национальность она указала при переписи. Остается впечатление, что этническая принадлежность (которая соответствовала бы понятийному аппарату ученых) мало волнует местное население.

Однако безразличие к этническим показателям не означает отсутствие осознания себя особой отдельной общностью, соответствующей самоназванию «хохлы». Отсюда волнующая, прежде всего интеллигенцию, проблема сохранения и возрождения культурных традиций и воспитание определенного самосознания у подрастающего поколения, что не позволило бы исчезнуть собственной идентичности.

По словам директора Новомарковской школы В.П. Деревянко, воспитание самосознания путем лишь формирования и закрепления исторической памяти, регулярно напоминания об исторических корнях не дает желаемого результата, тем более что воспринимаются аудиторией экскурсии в прошлое довольно равнодушно. *«Я думаю, по истечению времени люди потеряли к этому интерес. И знания утеряны, что пра-родители их являются выходцами. На день села мы об этом говорим, на мероприятиях, посвященных истории села. Конечно, говорим. Но население уже не воспринимает это должным образом. Что касается культуры - можно ли русского воспитать украинцем? Это же надо осознать, что он является приверженцем этой культуры, пропустить через душу ребенка. Мало сказать, что он украинец, надо, чтобы он воспитывался в этой среде. Ну, скажу я дочери, что у нее корни украинские, а она скажет: “Ну и что?” Ну, может, у кого-то вызовет интерес»* (ПМА 1).

Искусственный возврат к культуре предков или хотя бы ее поддержание всегда чреваты искажениями. В данном же случае возникает характерная именно для данного региона проблема, какую культуру нужно сохранять и восстанавливать – некий инвариант украинской или местную, представлявшую собой результат смешения традиций выходцев из разных регионов Украины и влияния русских соседей.

Что же осталось в культуре местных жителей, определяемое ими как чисто украинские элементы? Практически исчезли таковые из материальной культуры, за исключением пищи. Даже на выступления с предполагаемой демонстрацией украинского колорита местные коллективы, как говорят: *«что-то украинское – юбочку, веночек оденут – но и все»* (ПМА 1, пгт. Кантемировка).

Рис. 4. Хор с. Терновка Россошанского р-на в стилизованных русских и украинских костюмах (фото автора 2014 г.).

Ушло красочное разнообразие свадебных обрядов, оставив лишь некоторые элементы и то в весьма сокращенном варианте. Украинская составляющая самосознания проявляется сейчас, скорее, на эмоциональном уровне – украинские песни, визуальный ряд (вышивки, убранство дома, особый цвето-

вой колорит). Например, местные музейщики убеждены, что вышивка крестом – это русская традиция, а гладью – украинская. Фонетика украинской речи тоже может вызывать ностальгические чувства принадлежности к украинской культуре: как ча-

сто говорят *«это даже у молодежи есть на генетическом уровне»*. Правда, подобные рефлексии больше присущи старшему и среднему поколению. Как считает краевед Н.И. Сафронов дети при соприкосновении с украинской речью *«почувствуют только, что это что-то родное для бабушки, для папы»* (ПМА 1, Сафронов).

Восстановление культурного своеобразия местного населения, по мнению некоторых представителей творческой интеллигенции, требует полного возврата к украинским корням, для чего необходимо изучение в школах украинского языка, без которого невозможно включение в украинскую культуру. Поскольку разговоры на эту тему постоянно возникают, местные отделы образования готовы идти навстречу и предлагают отдельным школам ввести преподавание украинского языка, хотя бы в виде факультативных занятий. Однако ни родители, ни учителя не видят смысла в лишней нагрузке школьников, не имеющей никакого практического значения. С точки зрения пожилого директора школы с. Новомарковка, введение украинского языка в школах как обязательного предмета, что восстановило бы украинскую идентичность, в настоящее время нереально и нецелесообразно. Вместе с тем он испытывает некоторые сожаления по поводу упущенных для этого возможностей. *«Я думал, почему при советской власти мало уделялось внимания национальному вопросу? Почему не было украинских школ? Были бы и русские, и украинские, кто куда хотел. Может быть и мало, но пошли бы»* (ПМА 1, Деревянко).

Существуют и разные позиции относительно того, какую собственно культуру нужно возрождать и сохранять. Отдавая должное заслугам в деле изучения и популяризации народных традиций одного из сторонников «возвращения к украинским истокам» краеведа А.С. Девятко из с. Лизиновка Россошанского р-на, отметим, что предложенная им концепция никак не может способствовать сохранению местной специфики. По его мнению *«так называемая украинская-слободская, это не украинская культура. Огромные наслоения, особенно современные. Там почти нечего показывать»* (ПМА 2, Девятко). Поэтому он предлагает взять некий усредненный вариант черниговско-полтавской традиции, откуда, как он считает, пришла основная масса украинцев, и постараться привить его на местной почве.

В 2002 г. нам приходилось слышать от поборников восстановления украинской основы местной культуры и языка жалобы на то, что районные музыкально-фольклорные мероприятия ориентированы в основном на русский, или скорее русскоязычный унифицированный репертуар, и не отражают этнического своеобразия района, а предпринимаемые в этом направлении усилия воспринимаются государственно-административными инстанциями как «проявление национализма».

Можно услышать и сетования на то, что политика постоянно вмешивается в различные инициативы по созданию украинских культурных центров, расширению сферы влияния, или хотя бы функционирования украинской культуры, связей с Украиной. *«Вы, говорят, с давним прицелом, Вы хотите, чтобы потом Воронежскую область присоединить к Украине»* – такие замечания, по их словам, приходилось слышать активистам украинского возрождения (ПМА 2, Девятко). Однако ни в 2002 г., ни, тем более, сейчас мы не видели каких-либо примеров сдерживания инициатив по сохранению и возрождению культуры местного населения. Государственно-административные инстанции уделяют большое внимание проблемам народной культуры, ориентируясь именно на изучение и сохранение местной специфики.

Несомненный импульс к поддержанию статуса «хохлячей» культуры и языка в

самосознании жителей дают постоянные совместные мероприятия с соседними регионами Украины (до 2014 г.), например фестиваль Слободской культуры, «Улица дружбы», «В семье единой», молодежные встречи. О том, насколько сильны позиции местного говора среди населения свидетельствует, например, популярность широко известного народного самодеятельного театра из с. Морозовка, ставящего пьесы и самосочиненные интермедии на местном наречии. Причем, по словам организаторов и артистов – «именно на хохлячем, а не на украинском», поскольку одна из их целей состоит в популяризации собственного языка. Что касается сельских самодеятельных коллективов, то в их репертуар обязательно включены песни на украинском языке, в соответствии с исполняемым номером участники надевают стилизованные костюмы – русские или украинские. Масштаб включения украинских или «хохлячьих» номеров в концертные программы зависит, по словам работников культуры, от спроса на них со стороны зрителей.

Поскольку крупные праздничные мероприятия ориентированы на город, то, естественно, звучит больше русскоязычный репертуар. Украинские сюжеты в разных

Рис. 7. Афиша самодеятельного театра с. Морозовка Россошанского р-на (фото автора 2014).

вариантах включены в культурную программу данных районов. Например, к юбилею Т.Г. Шевченко библиотеки и школы готовили специальные мероприятия, дети учили стихи на языке оригинала. Правда, уже который год безрезультатно воронежские власти собираются поставить памятник поэту. В настоящее время ищут такую возможность власти Лискинского р-на; по мнению интеллигенции

оптимальным вариантом был бы двойной памятник двум деятелям, олицетворяющим Украину – Т.Г. Шевченко и Н.И. Костомарову, который родился в соседнем р-не. В целом можно сказать, что деятельность местных властей не имеет определенной концепции в поддержании местной культуры и формировании вектора ее возрождения и развития. Они действительно ориентируются на запросы населения.

Выводы

При написании статьи возникали определенные трудности с терминологией. Села, где проводились исследования, имеют до сих пор и в общественном мнении населения и по информации административных лиц статус украинских, что обусловлено и историей их заселения, и устойчивым, судя по переписям (вплоть до 1989 г.), этническим составом. Тем не менее, в настоящее время жители сами себя в большинстве случаев не называют украинцами, применяя к себе термин «хохлы»

с признанием своих украинских корней и украинской основы языка и культуры. Не назовешь их украинскими и по последней переписи 2010 г. Так, в старинных украинских селах перепись 2010 г. дала следующие результаты: в с. Старая Калитва около 10% жителей показали себя украинцами, в с. Новая Калитва – 17%, в поселение Щучье Лискинского р-на – около 2% жителей, в с. Троицком – чуть более 2%. Список можно продолжить с теми же показателями. В традиционной русской лексике термин «хохол» обычно относится ко всем украинцам. Как мы убедились, потомки местных украинцев называют *хохлами*, прежде всего, жителей бывшей Слобожанщины, проживающих на российско-украинском пограничье. Этот термин, как и сопутствующее ему обозначение своего говора как *хохлячий язык*, в идентификации местных жителей теряют оскорбительный характер и являются обозначением своей культурно-языковой индивидуальности, отличающей их не только от русских, но и от украинцев западных районов Украины.

Какое место занимают *хохлы* в структуре этнического и этнонационального деления общества, коль скоро они выделяют себя как особую общность – этот вопрос можно оставить пока открытым. С точки зрения местной интеллигенции, размышляющей на темы идентичности потомков украинцев данного региона, их можно отнести к особой этнической общности: *«Вы спрашиваете, оскорбляет ли название “хохол”. Нет, конечно, потому что мы сами себя так называем. Это как бы принадлежность к какой-то этнической... (общности? – Т.Л.). Это совершенно не оскорбляет. Ну, может, кого-то, но – нет!»* (ПМА 1, Деревянко). Опираясь на собственные исследования русско-украинского пограничья и труды дореволюционных авторов, Л.Н. Чижикова делает вывод, что термин «хохлы», которым местные русские называли своих соседей украинцев, как и термин «москали», «благодаря их широкому распространению и устойчивому бытованию превратились в своеобразные этнонимы, потеряв характер обидного прозвища», что характерно для многих районов поздней украинской колонизации (Чижикова 1984: 7). Учитывая масштабность территории, объединяющей хохлов, одним из критериев выделения которой является специфический говор, местный краевед Н.И. Сафронов считает, что в данном случае речь идет уже не о диалекте, ставшим результатом смешения языков. Он склонен придавать иной статус местному говору: *«Пол Украины разговаривает на суржике. Но тогда это уже не суржик – это язык»* (ПМА 1).

С нашей точки зрения хохлы – это этнокультурная общность, объединенная общими историческими корнями, общим языком и культурными традициями. Вместе с тем, сторонники украинского возрождения в регионе возмущаются все большим укреплением в общественном сознании местных жителей самоопределения «хохол»: *«Сейчас тенденция: подводят местных жителей под понятие хохол»* (ПМА 2, Девятко).

Потомков украинцев на юго-западе Воронежской области нельзя отнести к категории украинской диаспоры, так как им в полной мере присуще осознание себя происходящей от украинцев, но особой этнокультурной общностью, проживающей на своей исконной территории, полностью вписанной в гражданское общество России с соответствующим типом самосознания. Местным жителям не свойственно и ощущение обособленности, свойственной представителям диаспоры. Это сказывается, например, в отсутствии потребности в организациях, объединяющих представителей диаспоры, каковые существуют в самом Воронеже. Однако, я не исключаю вероятности того, что указывающий в переписи себя русским местный хохол, попал

в городскую многоэтничную среду, испытает ностальгию по украинским корням и займется поисками украинских землячеств.

Вторым идентифицирующим понятием, применяемом к себе абсолютным большинством населения, является термин «русские». В зависимости от контекста, он может означать исключительно национальное самосознание – гражданин России, может соединяться с соответствующим этнонимом, что происходит естественным путем, отражая тенденции в трансформации идентичности потомков воронежских украинцев.

Резкое уменьшение численности украинцев в пользу русских по переписи 2010 г. далеко не всегда является свидетельством обретения местными жителями новой этнической идентичности. Полученные данные приводят к выводу, что этнический фактор значительной части населения весьма неопределен и не играет заметной роли в их самосознании. Упорно стремиться определить этническую принадлежность наших информантов значило бы заниматься конструированием того, что для самих жителей не представляется актуальным. С абсолютной уверенностью можно говорить лишь об идентичности жителя России. Отметая лишние, с ее точки зрения, рассуждения на тему самосознания жителей ее села, глава администрации приграничного пос. Новомарковка О.П. Безрукова закончила обстоятельную беседу словами: «Это даже не обсуждается. Россия – это однозначно» (ПМА 1).

В отношении идентификационных процессов в регионе можно сказать, что они сохраняют общую тенденцию к обрусению с очевидным влиянием событий в сопредельных районах Украины. С одной стороны, местные жители по-прежнему и ощущают и аргументируют свою не просто тождественность, а гомогенность с жителями сопредельных районов Украины. В то же время идет явная мобилизация русской-российской идентичности. Остается впечатление, что усиленное декларирование себя русскими – это результат потребности дистанцироваться от украинцев Киева, противостоящих той общности, которая сложилась в родственном местным потомкам украинцев Луганско-Донецком регионе. Это тем более вероятно, что данная тенденция особенно ощутима в наиболее тесно примыкающих к границе селениях Кантемировского р-на.

Я не собираюсь проецировать свои выводы на весь ареал расселения потомков украинских переселенцев в пограничных областях России, лишь интерпретирую собранные сведения. Данное исследование – небольшой по охвату территории, но весьма показательный сюжет на тему: почему и каким путем происходит сокращение числа украинцев в России, на что обращает внимание В.А. Тишков. (Тишков 2013: 342). Несомненно, актуальная тема трансформации культуры и самосознания населения так называемых украинских регионов требует дальнейшего и разнопланового изучения.

Примечания

¹ Я привожу статистику только по сельскому населению, поскольку существующие ныне города – районные центры возникали в разное время и позже переписи 1897 г., данные которой берутся для последующих сравнений: г. Лиски существует с 1937 г., г. Россошь с 1923 г., пгт Кантемировка с 1973 г. Кроме того, в связи с интенсивным развитием промышленности в г. Лиски и Россошь в послевоенное время население пополнилось значительным количеством приезжих из других регионов.

² В печати готовится исследование Н.И. Сафронова «Земля русского духа и украинских песен», посвященное украинскому с. Щучье.

- ³ Единственным исключением можно считать короткий промежуток времени – с 1797 по 1802 г., когда данные территории входили в состав Слободско-Украинской губернии, после чего были возвращены в состав Воронежской губ.
- ⁴ В 1932 г. правительство отказалось от политики украинизации и перешло к активному курсу денационализации. Подр. см.: *Борисенк Е.Ю.* Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М., 2006; Дроздов К.С. Государственное регулирование русско-украинских национальных отношений в Центральном Черноземье. Автореферат на соискание ученой степени к.и.н. 1923–1933 / Электронный ресурс: rbardalzo.narod/7/drozdzov_ukr.html.
- ⁵ Местные жители могут вкладывать разное содержание в данный термин. Кто-то понимает под ним всех русских, кто-то жителей небольшого региона вокруг Москвы. Но единодушно относят его к своим русским соседям, отличающимся специфическим говором и культурой.

Источники и литература

- ПМА 1 – Экспедиция автора в июне 2014 г. в Воронежскую область. Информанты: г. Россошь. Герасимова Н.И., 1961 г. р., Стрех В.В., 1964 г. р.; с. Старая Калитва Россошанского р-на Боровская П.А., 1941 г. р., Варенникова Н.И. 1919 г. р., Боровская Н.А., 1973 г. р.; с. Морозовка Россошанского р-на. Валентина Федоровна, 1941 г. р., Филатова В.А., 1959 г. р.; пгт. Кантемировка. Деточкина Е.Н., 1968 г. р.; Богачева Е.Н. 1969 г. р.; с. Новомарковка Кантемировского р-на. Безрукова О.П., 1979 г. р. Гайдидей А.А. 1971 г. р., Деревянко В.Т., 1951 г. р.; с. Бугаевка Кантемировского р-на. Гетманский И.М., 1923 г. р., Воронько В.И., 1956 г. р., Воронько Н.В., 1977 г. р.; г. Лиски. Сафронов Н.И., 1967 г. р., Медведева М.В. 1982 г. р.;
- ПМА 2 – Экспедиция автора в Россошанский р-н Воронежской обл. в сентябре 2002 г. Информанты: г. Россошь Лосенко М.М., 1940г. р.; г. Россошь. Андреева О.В., 1932 г. р., с. Лизинька, Доминская Н.П., 1932 г. р., Девятко А.С., 1964 г. р.;
- Белорусско-русское пограничье* 2005 – Белорусско-русское пограничье. Этнологическое исследование / отв. ред. Григорьева Р.А., Мартынова М.Ю. М., 2005;
- Борисенко 1998 – Борисенко Е.Ю.* Волость за волость, уезд за уезд. Вопрос о границах между УССР и РСФСР в 1920-е годы // Родина, 1998. № 8;
- Борисенко 2005 – Борисенко Е.Ю.* Украина и Россия: спор о границах в 1920-е годы // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М., 2005;
- П-ский 1885 – П-ский Б.* Воронежские хохлы // Киевская старина, 1885. Т. XI;
- Тишков 2003 – Тишков В.А.* Реквием по этносу. М.: «Наука», 2003;
- Тишков 2013 – Тишков В.А.* Российский народ. История и смысл национального самосознания. М.: «Наука», 2013;
- Чижикова 1984 – Чижикова Л.Н.* Особенности этнокультурного развития населения Воронежской области // СЭ, 1984. № 3;
- Чижикова 1988 – Чижикова Л.Н.* Русско-украинское пограничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX–XX века). М.: «Наука», 1988;

Listova T.A. Voronezh Ukrainians – Russian Khokhols.

During the XVII – XVIII centuries the near-boundary southwestern part of the present Voronezh region had been settled by the migrants from Ukraine. The article is devoted to the history of the transformation of self-consciousness of the descendants of Ukrainian migrants. The main attention is given to our-days self-identification of the local population and influence on it by the recent separation of the Ukraine and Russia, and, as well, of the present military conflict in Ukraine.

Key words: *Ukrainians, Russians, Khokhols, self-consciousness, language, culture, ethnic contacts.*

УДК 314.743

© Г.Ю. Ситнянский

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ МИГРАНТЫ В СИБИРИ: НОВАЯ ВОЛНА*

В статье рассматриваются миграции из стран Среднеазиатско-Казахстанского региона в Тюменскую область, динамика развития этих процессов, включая смещение основного направления миграции из Тоболо-Иртышского на Среднеобский регион, а также возможные последствия этих миграций.

Ключевые слова: Тоболо-Иртышский регион, Среднеобский регион, миграции из Средней Азии и Казахстана

Тюменская область (точнее, юг Тюменской области и Омская область – иначе говоря, Тоболо-Иртышский регион) представляет собой ареал с давними историческими традициями переселения населения из южных (в первую очередь мусульманских) регионов. Переселения из Средней Азии начались в конце XIV в. с похода учеников шейха Багаутдина из Бухары с целью обращения в ислам местного тюркского населения (Катанов 1904). От переселений XIV–XVIII вв. осталась субэтническая группа «бухарцев» в составе сибирских татар.

Таким образом, миграции в Тюменскую область представителей народов Средней Азии, начавшееся в 1960–1970-х годах в связи с освоением тюменской нефти, наложились на более старые традиции. В ходе поездки автора в Тюменскую область с 6 сентября по 1 октября 2010 г. были обследованы переселенцев из Средней Азии и Казахстана в 9 городах и рабочих поселках области, в основном Ханты-Мансийского автономного округа (далее – ХМАО).

Если старое переселение выходцев из Средней Азии происходило в основном в Тоболо-Иртышский регион, то теперь основной поток трудовых мигрантов направляется в ХМАО. Во многом благодаря этому доля населения округа в населении области выросла с 17,1% в 1982 до 58,2% в 2001 гг. В 2004 г. на юге Тюменской области проживало 1,7 тыс. таджиков, в ХМАО – 5, 6 тыс., в Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) – около 1 тыс. (Ярков, Бобров, Мальчевский 2004: 68). Выходцев из Киргизии в ХМАО – примерно 6 тыс., в ЯНАО – 1,5-2 тыс. (Атанасов 2010), а на юге Тюменской области, по данным областного УФМС, 4658 за весь 2009 г. и 889 за первое полугодие 2010.

Впрочем, и переселение на территорию ХМАО накладывается на еще более старую, чем переселения в Тоболо-Иртышский регион XIV–XVIII вв., историческую традицию. На рубеже I–II тыс. н.э., по некоторым данным, из-за засухи (тогдашнее «глобальное потепление») произошло гигантское смещение природно-климатических зон к северу. Обезлесели огромные пространства, занятые до этого лесостепью

Ситнянский Георгий Юрьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: sitnyan@mail.ru.

* Работа выполнена по грантам РГНФ № 09-01-00251а и 09-01-00251а.

и даже тайгой. В итоге перевес теперь повсюду получили кочевники и скотоводы. По некоторым данным, тюрки в XI–XII вв. достигали района нынешнего Уренгоя – об этом говорит и наличие в этих местах тюркских топонимов (*Кшибеков* 1984: 66), и густая сеть таковых по нижнему течению Иртыша вплоть до Ханты-Мансийска (*Леонова* 1971). Однако то были степные скотоводы, а не оседло-мусульманские переселенцы, которые преобладают среди трудовых мигрантов из Средней Азии сейчас.

Больше всего в Тюменской области таджиков, которые в значительной мере переселялись туда еще с советского времени. Так, в Лангепасе (ХМАО) самые старые представители диаспоры живут с 1985 г., а 10 января 1990 г. был образован филиал объединения «Таджикнефть»; по инерции таджики-нефтяники ехали сюда и после распада СССР, до 1994 г., когда их набралось примерно 1200 чел.

В 2000-е годы начался новый миграционный бум. Из Киргизии, например, уже и в 1990-е годы 19,6% переселенцев в Тюменскую область составляли «другие» [кроме русских, украинцев, немцев и татар] (*Ярков, Бобров, Мальчевский* 2004: 55), т.е. по большей части, вероятно, киргизы. При этом в города, где еще в советское время имелись представительства среднеазиатских нефтяных компаний, приезжают в основном представители соответствующих народов. Сейчас в Лангепасе, например, 972 семьи таджиков, тогда как киргизов примерно 60 семей, казахов – 80–100, а узбеков всего 50–60 человек. А вот в Федоровском (30 км севернее Сургута) был филиал «Киргизнефти»; в Нижневартовске 400–500 киргизов, в Нефтеюганске 200–300 чел.

В эти города приезжают в основном представители Ферганской долины – как в составе киргизов (по большей части три южные области, хотя доля южных киргизов тут меньше, чем в Омской области – примерно 60–70% против 83%) (ПМА 2009), так и таджиков (по большей части Согдийская – или Ходжентская, в советское время Ленинабадская – область; в Нижневартовске согдийцев примерно на 10% больше, чем всех остальных таджиков вместе взятых). Сложнее с узбеками – раньше среди них тоже преобладали ферганские, теперь много и мавераннахрских, особенно выходцев из «Суркаша» – Сурхандарьинской и Кашкадарьинской областей. Причина переселений киргизов и узбеков – в основном перенаселенность Ферганской долины и отсутствие перспектив (в той же Киргизии большинство промышленных предприятий еще с советского времени строилось на Севере); о «перетоке с юга на север» мне писать уже приходилось.

Отметим, что в целом киргизы находятся в несколько лучшем положении, чем узбеки и таджики. Это отмечает и статистика: киргизы в основном вкладывают заработанные в России деньги в покупку земли и т.д., чего не могут позволить себе узбеки и таджики, отчаявшиеся когда-либо приобрести на родине землю, достаточную для прокормления, или найти соответствующий заработок. В Киргизстане дефицита земли нет (*Конституционно-правовые* 2009: 170–171).

Соответственно, киргизам легче и работать. Вот и в Лангепасе киргизы и казахи (в строительстве) делают «что полегче», а таджики – «что потяжелее». Киргизы-строители отличаются большей мобильностью: на строительство Лангепасской мечети приехали работники не только из разных мест ХМАО, но и из Кургана и даже из Москвы (а в Тюмени мне попадались сведения о киргизах, ехавших из Читы в Нижний Новгород).

Что касается преобладания согдийцев среди таджиков, то дело не только и не столько в перенаселенности Ферганской долины. Как мне объяснили в Лангепасе,

после прихода в 1993 г. к власти кулябского клана Согдийскую область постепенно «зажимают», не давая ей возможности заработать («расплата за власть» 1946–1992 гг.). Так, из Ходжента в Куляб перевели молочный, спиртовой, ковровый заводы, а также построили ненужную по большому счету дорогу Душанбе – Куляб, причем не изготовили для этого ни метра новых рельсов, а просто разобрали множество тупиков в Согдийской области и соорудили дорогу из них.

Впрочем, тут, в Сибири, к руководству диаспорами снова прорвались ходжентцы. Объясняется это тем, что «согдийцы более трудолюбивы, дай им землю, и все вырастят», а вот кулябцы «не знают даже, что виноградные лозы подвязывать нужно». И в нефтяной отрасли тут (в Лангепасе) работают в основном согдийцы, а выходцы из других регионов Таджикистана – «больше на рынке».

Впрочем, подобное разделение выглядит не очень состоятельным, если говорить не о региональных группах, а об этносах в целом. Так, по мнению лидера таджикской диаспоры из Нижневартовска, среди таджиков преобладают строители, среди киргизов – торговцы и работники техобслуживания, а среди узбеков – торговцы и работники сервиса (кафе, например). Однако, в Тюменском областном УФМС мне попалось распределение трудовых мигрантов по специальностям, и выяснилось, что среди рабочих специальностей всех этнических групп преобладали строители: более 60% казахов (которых, впрочем, немного – всего 224 чел. в первом полугодии 2009 и 33 чел. в первом полугодии 2010 гг.), примерно столько же киргизов (а в 2010 г. – более двух третей) и таджиков, и только у узбеков показатель несколько меньше – чуть более половины. Правда, в первом полугодии 2010 г. показатели узбеков и таджиков в строительстве снизились – примерно до 40% с небольшим, а в торговле выросли – с 2 до 6% у киргизов, с 10% до 20-25% у таджиков, а с другой стороны у узбеков упали с 15% до 13%.

Надо полагать, что и разделение выходцев из разных регионов того же Таджикистана по родам занятий – тоже в значительной мере миф. Однако факт тот, что в районах, где не было «нефтяной» диаспоры еще с советских времен, среди таджиков преобладания ходжентцев не зафиксировано, выходцы из разных регионов распределены достаточно равномерно. Вероятно, объяснение тут простое: ходжентцы как более «продвинутые» и имевшие в советское время преимущества в Сибири пошли на престижную работу нефтяников, тогда как прочим приходится теперь довольствоваться строительством и прочим.

Кроме того, у выходцев из Средней Азии есть и такой вид «деятельности», как бродяжничество, попрошайничество. По официальным данным, в 2002 г. на юге Тюменской области этим занималось 8 выходцев из афганского цыганского племени люли, фактически же таких было гораздо больше, а кроме того, среди них попадались и «настоящие» афганцы. Впрочем, те из попрошаек, которых не успевали депортировать, постепенно переходили к разносной торговле (*Ярков, Бобров, Мальчевский* 2004: 73). Вероятно, постепенно они смешиваются с таджиками.

Отмечу еще, что в ХМАО, в отличие от юга Тюменской области (где лидер местной таджикской диаспоры уклоняется от контакта с моими коллегами из Тюменского университета) и от Омской области [где мне самому так и не удалось связаться с руководителем таджикской диаспоры] (ПМА 2009), в ХМАО лидеры таджикских диаспор достаточно общительны, по крайней мере в большинстве городов.

В целом по России таджиков по общему количеству трудовых мигрантов догоняют узбеки. Однако, до Тюменской области эта тенденция еще не дошла: если в 2009 г. разрыв между узбеками и таджиками на юге Тюменской области рос в пользу последних (8531 и 10 195 чел. за первое полугодие 2009 г. и 9165 и 11 359 чел. за весь год), то в первом полугодии 2010 г. он еще более вырос – до 2075 против 3516 чел. Впрочем, на юге области 12 000 узбеков имеют российское гражданство и еще 15–20 тыс. ежегодно приезжали до 2008 г. включительно. В ХМАО российское гражданство имеют 20 000 узбеков, из них 5000 в Сургуте. Таджиков в Сургуте тоже 4-5 тыс., но российское гражданство и свое дело имеют человек 300. По другой версии, 90% «восточных» (памирских?) таджиков имеют российские паспорта.

Что касается киргизов, то еще в 2007 г. в Тюмени из 7000 их 20% имело российское гражданство, а 80% приезжали сезонно, теперь соотношение 50:50.

Вообще, традиция «сезонной» миграции также была заложена в ХМАО еще в советское время, когда представители среднеазиатских народов летали «вахтовым» методом добывать нефть (например, узбеки в Нефтеюганске делали это с 1985 г.). От этих времен остались прямые авиационные рейсы из Сургута и Нижневартовска в Андижан, Ходжент (в советское время – Ленинабад), Душанбе.

Сейчас сезонные мигранты, уезжая на зиму домой, оставляют вместо себя кого-то, если могут найти (в Нижневартовске, например, летом работает 2-3 тыс. трудовых мигрантов из Таджикистана, зимой – примерно 1 тыс.). В случае, если мигрант никого не оставил вместо себя, по возвращении свое место можно найти занятым.

В Нижневартовске растет приток киргизов, их сейчас приезжает по 60–70 чел. в месяц, тогда как приток узбеков и таджиков остался на том же уровне. Возможно, тут сыграли свою роль события в Киргизстане весны-лета 2010 г.

Впрочем, в отношении Киргизстана появилась новая тенденция: экспорт дешевой рабочей силы дополняется экспортом дешевого товара, например, нефтеюганские коммерсанты везут оттуда текстильные изделия.

В последние годы, по крайней мере, в городах со «старой» среднеазиатской диаспорой (т.е. там, где ее основу еще с советских времен составляют нефтяники), снижается количество мигрантов, работающих не по специальности. Например, в Лангепасе 90% таджиков-медиков, работают медиками. Здесь, как и в некоторых других регионах России (например, в Пензенской области), проводились и кампании по обеспечению врачами и учителями (в том числе и мигрантами из Средней Азии) «глубинки», где их не хватает. Последняя такая кампания прошла в феврале-марте 2010 г.

А вот в городах, где нет «старой» среднеазиатской миграции, положение совсем иное. Например, в Нефтеюганске таджиков почти не было до 1992 г., и приезжавшие сюда таджикские мигранты вынуждены были браться за любую работу, «лишь бы платили», что и неудивительно с учетом того, какие события начались в Таджикистане как раз в 1992 г.

В «традиционных» центрах миграции, например, в том же Лангепасе, проблемы адаптации в российское общество и вообще межэтнических отношений решаются достаточно успешно. Вообще, Лангепас с его центром национальных культур «Фортуна» надо отметить особо. Здесь создана экспозиция национальных культур, проводятся дни этих самых культур, отмечаются национальные праздники (например, «Новруз») и т.д. Интересно, что, например, в «таджикском» танцевальном ансамбле

из 8 девочек только три таджички – остальные русские, армянки или татарки. В школе, если при формировании первого класса дети разных народов зачастую не понимают друг друга, то совсем другую картину представляет тот же класс уже к весне.

В итоге, здесь адаптация проходит хорошо, так что для таджикских детей зачастую родиной становится уже не Таджикистан, а Тюменское Приобье. Это испытал, например, заместитель руководителя таджикского землячества, свозив на каникулы своих внуков на «историческую родину».

Примерно так же обстоят дела и в Нижневартовске, с его праздниками дружбы народов, демонстрациями национальной одежды и кухонь, с выступлениями на этих праздниках мэра города, с регулярными встречами начальника ГУВД с руководителями диаспор на предмет проблем по этой части.

В целом по области, однако, восприятие мигрантов значительно хуже, возможно, потому, что в большинстве мест таких «старых» (или хотя бы недавно образованных) землячеств не имеется. В качестве примера можно привести, скажем, Нефтеюганск, где мигранты (зачастую нелегальные) прописываются по 80–100 чел. в однокомнатной квартире, при этом жители города жаловались мне, что возникают проблемы с теми же таджиками, когда они перестают (по тем или иным причинам) их прописывать. Неудивительно, что квартиры среднеазиатам сдают неохотно, еще неохотнее, чем даже выходцам с Кавказа.

Есть и другие факты неадекватного поведения мигрантов из Средней Азии: например, требования зарегистрировать брак с местной жительницей, невзирая на уже имеющийся в паспорте штамп о браке, заключенном на родине, на том основании, что в их странах, дескать, многоженство разрешено.

Или проблемы межэтнических отношений в школах, по крайней мере, в тех, где выходцы из Средней Азии составляют большинство (таких школ немного, но они есть). Имеются и другие проблемы: например, таджик, приехав с женой и детьми, фиктивно разводится с целью получить жилье. Коренные россияне в этом отношении тоже не без греха, хотя подобное поведение приезжих вызывает или может вызывать раздражение.

С другой стороны, и власти тут относятся к мигрантам не лучшим образом. Например, полиция устраивает обыски на рынке, арестовывает нелегальных мигрантов (о новой волне роста нелегальных мигрантов – чуть ниже), однако при этом отпускает тех, у кого есть деньги, а остальных депортирует, заставляя их еще и работать в ожидании депортации.

А ждать приходится долго. Дело в том, что деньги на депортацию из бюджета выделяются исходя из того, что проводится она будет поездом, однако местные власти чаще делают это самолетом (из тех соображений, что депортированные поездом на первой же станции выйдут и вернуться), что обходится куда дороже. Поэтому депортируют «в час по чайной ложке», держа в ожидании этого в достаточно скверных условиях.

По специальности в Нефтеюганске мигранты работают мало, хотя бывают исключения: например, таджик, несколько лет работавший переводчиком английского языка в какой-то иностранной фирме, или таджик – учитель химии (ранее был чуть ли не лучшим у себя на родине).

Отметим, тем не менее, что в целом по Тюменской области наибольшую неприязнь местного населения вызывают выходцы с Кавказа (10,62%), на втором месте –

татары (которые, впрочем, в значительной мере являются тут коренными жителями, а не мигрантами – 6,19%), и лишь у 2,65% неприязнь вызывают таджики (Ярков, Бобров, Мальчевский 2004: 50, 56), хотя это данные не 2009–2010, а 2003–2004 гг.

Интересны и отношения диаспор между собой. Так, в Лангепасе общее землячество составили казахи и киргизы, а малочисленные узбеки присоединились к землячеству таджикскому. Что это – деление мигрантов из Средней Азии на «евразийцев» и «оседлых мусульман»? Впрочем, в Лангепасе еще в 2004 г. действовало, например, многонациональное землячество переселенцев из Аркалыка, а многонациональное же киргизстанское национально-культурное сообщество «Ала-Тоо» возглавляла русская из Киргизии (Там же: 69). А вот в Нижневартовске узбеки объединились в землячество с киргизами, хотя, возможно, это, как и в случае с Аркалыком, произошло по территориальному признаку: узбеки тут по преимуществу из Ферганской долины, киргизы же, как и практически везде, преобладают южные, т.е. тоже ферганские.

В последнее время, после краткого наведения порядка в 2007–2008 гг., возобновилась тенденция, что все больше трудовых мигрантов отмечают как цель прибытия не работу, а что-то другое, чаще всего подавая свой приезд как «частный визит». Так было раньше – например, в том же Сургуте в середине 2000-х годов из 50 тыс. трудовых мигрантов только 1886 чел. зарегистрировались в качестве таковых, а на юге Тюменской области только 4,8% въехавших с января по октябрь 2004 г. мигрантов зарегистрировались как трудовые, тогда как 70% обозначили целью своего приезда «частный визит» (Там же: 58).

Так вот, нечто подобное мы снова видим теперь. Если на юг Тюменской области за первые два месяца 2009 г. въехало 8300 чел. против 7300 чел. за первые два месяца 2008 г. (т.е. на 15% больше), то разрешений на работу, напротив, получено в полтора раза меньше (1146 чел. против 1688 чел.), а трудовых договоров заключено 978 чел. против 1500 чел. Интересно, между прочим, что больше всего трудовых договоров заключают приезжие из Таджикистана (40% всех въехавших) против 27% у узбеков и 17% у киргизов (Конституционно-правовые 2009: 121–122). Причина та же, что и раньше – иногда дешевле бывает дать «на лапу» сотруднику ФМС, чем официально оформлять трудовой договор.

Однако в целом число мигрантов сейчас снижается. Так, в Лангепас за первое полугодие 2010 г. прибыло 1014 чел. (за первое полугодие 2009 г. – 1149 чел.), хотя приток из государств Средней Азии почти не снизился (а до 2009 г. рос по всем показателям – в первом полугодии 2007 г. всего был 731 трудовой мигрант, в первом полугодии 2008 – 893 чел.; подробнее см. таблицу). А вот в Сургуте, например, снижение значительнее: до 28 ноября 2009 г. в городе было зарегистрировано 29 723 иностранных гражданина, тогда как за аналогичный период 2008 г. – 30 941 чел., в том числе граждан Киргизстана – 3190 (3393) чел. В небольшом городке Радужный за август 2009 г. было зафиксировано 107 мигрантов из Средней Азии (за август 2008 – 132 чел.), в том числе из Казахстана – 18 (25) чел., из Киргизстана – 13 (5) чел., из Таджикистана – 36 (58) чел., из Узбекистана – 38 (44) чел. В целом по ХМАО квота на 2008 г. была 47 343 чел., на 2009 ее сократили до 40 129 чел., но в июле того же года снизили до 20 460 чел.

Таблица 1

**Прибытие трудовых мигрантов в г. Лангепас
(за первое полугодие каждого года)**

Годы	Казахстан	Киргизстан	Узбекистан	Таджикистан	Всего
2007	131	30	22	244	427
2008	123	35	51	274	483
2009	164	40	43	371	618
2010	150	37	39	376	602

Снижение притока вообще вызвано снижением спроса на рабочую силу в результате кризиса. Если в первом полугодии 2008 г. в РФ было выдано 1,21 млн. разрешений на работу, то за первые четыре месяца 2009 г. – только 504 тыс. (Конституционно-правовые 2009: 6).

Впрочем, вместо квот сейчас ввели трудовые патенты, которые на месяц стоят 1000 руб., причем их можно оформить сразу на три месяца, а по прошествии этого срока продлить, не выезжая за границу и не перерегистрируясь.

Как бы то ни было, сейчас на улицах городов Тюменской области можно встретить группы гастарбайтеров, которые «тусуются» в ожидании какой-нибудь работы, чего ранее не было (это почти на 100% таджики и узбеки, киргизов мало). Кроме того, снижение спроса на строительство вызвало переток части мигрантов в торговлю (на юге Тюменской области, как мы видели, доля торговли в общем раскладе занятий мигрантов выросла, в том числе киргизов – втрое, с 2 до 6%).

Рост числа незаконных мигрантов вызвал новый (опять-таки после относительного наведения порядка в 2007–2008 гг.) рост злоупотреблений работодателями вроде недоплат (например, выплачивается всего 5000 руб. вместо заработанных 15 000), а протесты или забастовки кончаются депортацией возмущившихся нелегалов. Впрочем, например, для узбека (со средней зарплатой в Узбекистане, аналогичной 2000–2500 рублям) и 5000 – деньги.

Наконец, необходимо затронуть еще один аспект проблемы. Религиозное возрождение начиная с 1980-х годов возродило и традицию религиозного влияния выходцев из Средней Азии на тюркское население Сибири. Новые шейхи Багаутдины и муллы Якупы – глава крупной духовной миссии общей численностью 1500 чел., приглашенной еще в 1572 г. из Хивы ханом Кучумом (*Катанов* 1897) – не заставляют себя ждать. Так, имам соборной мечети Тюмени – узбек Деде (Алишер) Мирзоев.

В Сургуте до половины молящихся (200–300 из 500–700 чел. в пятничный намаз, 3000 из 5000 чел. в праздничные намазы) оставляют выходцы из Средней Азии (остальные – татары или кавказцы). Бывают среди выходцев из Средней Азии и очень грамотные люди, они часто занимают при мечетях вторые должности (муэдзина, например), а то и первые (как имам Лангепасской мечети Ильяс-хазрат из Киргизии или имам мечети в Пойковском (под Нефтеюганском) – узбек).

Конечно, в религиозном деле, как и во всяком другом, не обходится и без криминала. Так, мечеть в Нефтеюганске строят с 2000 г. (по другим данным, с 1995 г.) и

никак не могут достроить, поскольку имам (предшественник нынешнего) присвоил себе деньги на ее строительство и сбежал. А в Лянторе какая-то узбекская группировка выразила желание «крышевать» только что построенную мечеть, и с трудом нынешний нефтеюганский имам сумел ее отстоять.

Но гораздо опаснее то, что среди переселенцев из Средней Азии, включая религиозно образованных, есть и исламские радикалы. Это и неудивительно с учетом того, что, например, среди узбеков преобладают переселенцы из более исламизированных регионов (Фергана, а в последнее время и Суркаш). Тот же Деде Мирзоев не скрывает, что был моджахедом.

И это началось в Тюменской области не позднее середины 2000-х годов. Среди осужденных в 2005–2006 гг. в Тобольске и Нижневартовске членов радикальной организации «Хизб ат-Тахрир» (далее – ХаТ) были граждане Узбекистана и Таджикистана. С другой стороны, на американской базе в Гуантанамо содержался один уроженец ХМАО. Вообще, ХаТ относит Россию к «странам войны» и добивается ... изгнания из нее немусульман (Ярков 2006: 7–13, 20).

Среди российских студентов проводился опрос: по-Вашему, объединяет или разъединяет людей та или иная религия. Вот их ответы: по буддизму 9,8% выразили мнение, что объединяет, 11,5% – что разъединяет (остальные ответили «не влияет» или затруднились с ответом); по иудаизму ответы распределились как 5,8% к 19% (однако иудаизм и не может объединить, так как это не прозелитическая, а этническая религия), по исламу как 11,6% к 30,6%, по католицизму – 9,6% к 17,6%, по православию – 60,3% к 2,8% (Государственно-национальная 2009: 102). Последний показатель тоже неудивителен, с учетом этнического состава студентов и тенденции к государственной «православизации» в последние годы. Но если и не учитывать православие и иудаизм, то приходится констатировать, что среди прозелитических религий у ислама оказался самый высокий отрицательный рейтинг, что не может не вызывать тревоги.

Возникает вопрос, можно ли в современной России обойтись без гастарбайтеров? С учетом нынешних демографических тенденций в стране – едва ли. Но, по мнению многих информантов, уж лучше мигранты из южных республик бывшего СССР, чем, например, китайцы.

Какие можно сделать выводы?

Я много писал о «перетоке с юга на север», о необходимости (и способах) ему противодействовать, о дифференцированном подходе к переселенцам из разных бывших республик СССР (евразийские казахи и киргизы – это одно, оседло-мусульманские узбеки, таджики, а также азербайджанцы – другое), повторяться не буду. Добавлю только, что Тоболо-Иртышский регион с его почти тысячелетней традицией переселения с юга представляет собой особый регион, сопоставимый в этом плане с некоторыми частями Поволжья, и вместе с ним составляет пояс «от Астрахани до Уренгоя», при неблагоприятных демографических обстоятельствах способный привести к очень серьезным геополитическим последствиям для России, а возможно, и не только для нее.

Возникает вопрос, можно ли в современной России обойтись без гастарбайтеров? С учетом нынешних демографических тенденций в стране – едва ли. Но, по мнению многих информантов, уж лучше мигранты из южных республик бывшего СССР, чем, например, китайцы.

Источники и литература

- ПМА 2009 – Полевые материалы автора 2009 г.;
- Атанасов 2010 – Атанасов А. Экзотика Тянь-Шанских гор на берегах Оби // Сургутская трибуна, 2010. 11 сентября;
- Государственно-национальная 2009 – Государственно-национальная политика и государственно-конфессиональные отношения в Российской Федерации. М., 2009. Т. 1;
- Катанов 1897 – Катанов Н.Ф. Предание тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в Сибирь // Ежегодник Тобольского губернского музея (ЕТГМ), 1897. Вып. 7. С. 51–61;
- Катанов 1904 – Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против неверных // ЕТГМ, 1904. Вып. 14. Ч. 2. С. 18–28;
- Конституционно-правовые 2009 – Конституционно-правовые основы миграционной политики Российской Федерации. Тюмень, 2009;
- Кишибеков 1984 – Кишибеков Д.Е. Кочевое общество: генезис, развитие, упадок. Алма-Ата, 1984;
- Леонова 1971 – Леонова Т.Н. Топонимическая карта Тюменской области // Этнография имен. М., 1971. С. 148–153;
- Ярков, Бобров, Мальчевский 2004 – Ярков А.П., Бобров И.В., Мальчевский А.В. Миграция в Тюменском крае: история и современность. Тюмень, 2004;
- Ярков 2006 – Ярков А.П. Ислам и миграции в жизни регионального сообщества. Тюмень, 2006.

Sytmansky G. Yu. Central-Asian migrants in Siberia: a new Wave.

The article is devoted to migrations from Central Asian countries to Tumen region including dynamic of these processes' development and some their possible consequences.

Key words: *Tobol and Irtysh region, Region of middle Ob, migrations from Central Asian Countries.*

ДЛЯ СТУДЕНТОВ И АСПИРАНТОВ

УДК 569.9

© М.М. Герасимова

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ – ПИСЬМО МОЛОДЫМ КОЛЛЕГАМ

Автор обсуждает проблемы, связанные с современным состоянием палеоантропологических исследований, обращает внимание на методологические основы таких исследований. В частности, высказываются соображения по поводу индивидуально-типологического метода и индивидуальной палеоантропологической реконструкции. Автор указывает на опасности, связанные с формальным применением методов многомерной статистики, отсутствием или недостаточным анализом географической и исторической составляющих при интерпретации палеоантропологических материалов.

Ключевые слова. *Палеоантропология, краниология, индивидуально-типологический метод, палеоантропологическая реконструкция, многомерная статистика.*

Предлагаемый Читателю текст был подготовлен для научно-практического семинара по палеоантропологии, где должны были обсуждаться практические и теоретические проблемы, встающие перед молодыми исследователями. Сейчас, пожалуй, как никогда прежде, возрос интерес наших смежников – археологов к результатам палеоантропологических исследований, это с одной стороны, а с другой – «отряд» палеоантропологов пополняется из среды археологов, не имеющих систематического биологического образования. Это, безусловно, определяет и сужает круг проблем, решаемых палеоантропологией, сводя их к сугубо прикладным историческим проблемам. Применение методов многомерной статистики как будто бы облегчает задачу трактовки полученных результатов, объединяя или, напротив, разделяя серии и индивидов в различные совокупности, но именно интерпретация данных является одной из сложнейших задач, если исходить из того, что полученные характеристики отдельных выборок или индивидов не просто комбинации цифр.

Кроме того, палеоантропология имеет свою специфику, выходящую за рамки решения исторических проблем. Прежде всего – это биологическая или палеоантропологическая реконструкция, которая подразумевает возможно более полное и детальное восстановление биологических особенностей отдельных индивидов и их различных сообществ, а также адаптивно-биологические аспекты изучения популяций прошлого. Именно это – т.е. изучение биологических закономерностей

Герасимова Маргарита Михайловна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая Кабинетом-музеем им. академика В.П. Алексеева Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: gerasimova.margarita@gmail.com.

групповой изменчивости человека и является предметом изучения антропологии. Экологический подход в палеоантропологических исследованиях предполагает, что культура человека (в том числе, социальные связи) также образует экологическую сферу. Получаемый при археологических раскопках палеоантропологический материал дает возможность для реконструкции некоторых культурно-экологических ситуаций прошлого.

Поскольку в настоящий момент я являюсь самым старым работающим палеоантропологом в России, и мне выпала честь считать себя ученицей Г.Ф. Дебеца и В.В. Бунака, я решила себе позволить высказать ряд своих соображений о состоянии палеоантропологических исследований у нас в стране и выразить некоторую обеспокоенность им. Остановлюсь на нескольких сюжетах.

1-ый сюжет

О методологии палеоантропологических исследований, о принципах анализа палеоантропологического материала

Анализируя современные палеоантропологические работы, я пришла к грустному выводу, что большинство молодых исследователей не читали работы А.И. Ярхо, первые страницы «Палеоантропологии СССР» и уж тем более «Антропологические исследования Камчатской области», 1951 года. Хотя это и работы, как выразился пренебрежительно один наш молодой коллега, середины прошлого века. «Палеоантропология СССР» (Дебец 1948) вводила в научный оборот огромный материал, однако главная ее ценность - в том, что она содержала законченную и логически стройную картину динамики физического типа древнего населения, позволяла проследить физическую преемственность автохтонного развития и восстановить картину древних миграций. Работа Г.Ф. Дебеца оказала большое идейное влияние на многие последующие поколения исследователей. И до сих пор в России и на постсоветском пространстве существует российская школа палеоантропологии.

Я позволю себе напомнить молодым коллегам азы палеоантропологических исследований, которые аккумулированы в работах Г.Ф. Дебеца. Дело в том, что несмотря на огромный фактический материал, накопленный с тех пор, несмотря на появление многих интересных методик изучения не только краниологического, но и остеологического и одонтологического материала, несмотря на появление новых методов статистической обработки материалов (в том числе многомерной статистики), методология палеоантропологических исследований не претерпела больших изменений. Разве что широко постулируемый отказ от индивидуально-типологической диагностики. Но об этом чуть позже.

Принципы анализа палеоантропологического материала остаются прежними, в основном сформулированными еще в 1932-1934 гг. А.И. Ярхо (Ярхо 1934 а,б), в более четкой форме изложенными Г.Ф. Дебецем (Дебец 1948, 1951) и последовательно, на новом витке развития науки, применяемыми В.П. Алексеевым (Алексеев 1969, 1974, 1979).

1. Необходимость учета таксономической неравноценности признаков
2. Обязательность наличия предпосылки для установления неоднородности группы в пределах той или иной таксономической единицы
3. Необходимость контроля внутригруппового анализа межгрупповым, т.е. при-

знание реальности выделенного типа только при условии его географической, этнической или любой другой, например, сословной, локализации внутри данной среды или вне ее.

Принцип таксономической неравноценности расовых категорий и расовых признаков является одним из важнейших методологических оснований (Ярхо 1934б: 47) в практической работе исследователей отечественной школы палеоантропологии. Во всяком случае, в диссертационных работах, кандидатских и докторских, это декларируется. Признаки первого порядка являются филогенетически более древними, чем признаки второго и третьего порядка, однако А.И. Ярхо, если аудитория знакома с его работами, распределив их по разным категориям, не сформулировал теоретических оснований, по которым могло быть проведено это разделение. Поскольку отечественные палеоантропологии работают главным образом на северном евразийском пространстве, и имеют, таким образом, дело с двумя (или тремя) большими расами или расовыми стволами, то они для диагностики их применяют признаки, предложенные нашими классиками. А именно: признаки горизонтальной и вертикальной профилировки лица, признаки строения носа, высоту лица, орбитный и носовой указатели. Эти признаки разграничивают европеоидный и монголоидный расовые стволы. Таксономические единицы более частного порядка выделяются по величине основных диаметров черепа и указателям, по наклону лба и степени развития надбровья, по ширине лица и лицевому указателю, и т.д. (Дебец 1948:24).

Принцип таксономической неравноценности расовых категорий и расовых признаков является одним из важнейших методологических оснований (Ярхо 1934б: 47) в практической работе исследователей отечественной школы палеоантропологии. Во всяком случае, в диссертационных работах, кандидатских и докторских, это декларируется. Признаки первого порядка являются филогенетически более древними, чем признаки второго и третьего порядка, однако А.И. Ярхо, если аудитория знакома с его работами, распределив их по разным категориям, не сформулировал теоретических оснований, по которым могло быть проведено это разделение. Поскольку отечественные палеоантропологии работают главным образом на северном евразийском пространстве, и имеют, таким образом, дело с двумя (или тремя) большими расами или расовыми стволами, то они для диагностики их применяют признаки, предложенные нашими классиками. А именно: признаки горизонтальной и вертикальной профилировки лица, признаки строения носа, высоту лица, орбитный и носовой указатели. Эти признаки разграничивают европеоидный и монголоидный расовые стволы. Таксономические единицы более частного порядка выделяются по величине основных диаметров черепа и указателям, по наклону лба и степени развития надбровья, по ширине лица и лицевому указателю, и т.д. (Дебец 1948: 24).

Визуальное определение расового типа первого порядка на отдельных черепах практически делали и делают все антропологи отечественной школы, позднее теоретически эту возможность обосновывал В.П. Алексеев (Алексеев 1978: 7, 1979). Хотя, как мы все знаем, он придерживался популяционной концепции расы, правда, к счастью, не в ее крайней выраженности.

В работе 1951 г. Г.Ф. Дебец развивает тему разграничения признаков по их таксономической ценности, считая, что обоснование для их разграничения могут дать палеоантропологические данные. Он считал, что в отношении степени прогнатизма, горизонтальной профилировки лицевого скелета, формы носа не удалось устано-

вить существенных эпохальных изменений, начиная с эпохи позднего палеолита. И, напротив, в отношении длины тела, черепного указателя, ширины лица, наклона лба и развития надбровья установлено относительно быстрые изменения в течение обозримых отрезков времени (*Дебец* 1951:67).

Естественно, что жизнь внесла свои коррективы в это логическое построение. Как показали современные исследования, большая величина назомаллярного угла диагностируется там, где мы никак не можем ожидать проникновения монголоидных групп, например, в мезолите Африки или Югославии. Однако, для современности и для территорий, где априори могли происходить контакты европеоидов и монголоидов, назомаллярный угол продолжает быть признаком, хорошо играющим свою разграничительную роль. Но в целом, идея представляется верной и никаких других теоретических разработок о принципах выделения и градации таксономической ценности признаков за прошедшие более чем полвека не последовало.

Географическая приуроченность признаков и характер их географической дифференциации также дают указания на их относительный возраст. Например, компактный тип распределения отдельных признаков на больших площадях или даже континентах свидетельствует о большей древности этого признака и т.о. о его большей таксономической ценности. Признаки, характеризующиеся дисперсным типом географической дифференциации, – более молодые и потому имеющие меньшую таксономическую ценность.

Признаки, характеризующиеся компактным типом распределения, обнаруживают «сосуществование в определенных комбинациях, которые проявляются только при сравнении групп, а не индивидов. Эта форма связи носит название исторической корреляции» (*Дебец* 1951: 65–67). На территории нашей страны и прилегающих областей признаки горизонтальной профилировки лицевого скелета, признаки строения переносья и угол выступления носа, функционально не связанные между собой, образуют стойкие исторические корреляции. Кроме мной перечисленных, для каждого из больших хронологических отрезков времени – палеолит, неолит, эпоха бронзы, РЖВ и т. д. – исторические корреляции могут быть разными, поскольку один и тот же признак или сочетание их может иметь на разных территориях разную таксономическую ценность. Так, значимость прогнатизма и ширины носового отверстия или даже их сочетания не столь диагностически ценны в верхнем палеолите, как в современности.

Поэтому, как полагал Г.Ф. Дебец, определение таксономической ценности признаков для каждого хронологического среза и при анализе больших массивов данных должно стать не исходной предпосылкой, а начальным этапом исследования. Об этом же в своих работах говорил и В.П. Алексеев (*Алексеев* 1969, 1974, 1989), сетуя, что анализ по ведущим признакам ограничен фрагментарностью палеоантропологических данных. (В настоящее время мы имеем огромные массивы относительно синхронных данных – массив данных по сарматам у М.А. Балабановой или по эпохе бронзы у А.А. Хохлова, А.А. Казарницкого, и А.Г. Козинцева, не говоря уж о массивах данных по различным эпохам у Т.К. Ходжайова). Тут мне могут возразить, что именно многомерный анализ позволяет нам выделить тот блок таксономически ценных признаков, который и позволяет нам разграничивать выборки, или выделять из общей совокупности индивидов морфологически сходные группы. Однако, практически из области определения антропологического типа индивида визуально,

индивидуально-типологический метод перекочевал в область многомерной статистики, приобретя т.о. вид статистически обоснованного. Поясню, что я имею в виду: при применении компонентного анализа совокупность разделяется на общности, где каждый индивидуум рассматривается как носитель определенного морфологического комплекса, свойственного той или иной таксономической единице. И это при постулировании популяционной концепции, когда только популяция обладает суммой характерных для нее признаков, а отдельный индивид не несет на себе всех черт, характерных для популяции.

Хочу обратить пристальное внимание – разграничение и выделение подгрупп в выборке и организация более мелких осуществляется во многих современных работах исключительно, исходя из морфологического критерия. Безусловно, морфологический критерий (сходство – это аргумент в пользу родства) является основным, но отнюдь не единственным. Кроме того положение «сходство – значит родство» – это постулат, к которому мы давно уже привыкли! Считаем аксиомой. Морфологический критерий имеет тем меньшее значение, чем меньше систематические единицы, которыми мы оперируем. Мы не должны забывать, что степень различия или сходства выделенных нами морфологических групп совсем не обязательно будет совпадать со степенью их родства, поскольку может отражать разные срезы расогенетических процессов (ведь мы стоим на позициях, что раса – это историческая категория). Поэтому морфологический критерий должен контролироваться другими критериями, географическим и историческим.

Географический критерий: сплошной ареал сходных форм свидетельствует о большей вероятности родства, изолированное же распространение сходных форм должно контролироваться историческим критерием, сходством или преемственностью в культуре или языке.

Все эти критерии должны быть задействованы как при анализе большого числа выборок и анализе генеральной совокупности, так и при анализе отдельных серий. К сожалению, опять-таки из-за увлечения многомерной статистикой молодые исследователи практически игнорируют параметры описательной статистики. Параметры групповой средней – квадратические отклонения, коэффициенты вариации и эксцесс, ошибки средней. Именно они дают нам основание для суждения об однородности выборки, а наличие противоположных морфологических комбинаций – для суждения о механической смешанности ее. Причем исторический критерий (культурные особенности, хронология, планиграфия и т.п.) является исходной предпосылкой для членения выборки на части.

2-ой сюжет

Об индивидуально-типологическом методе анализа

В свое время Г.Ф.Дебец подчеркивал, что в палеоантропологии роль морфологических методов, сосредоточивающих внимание исследователя на отдельных индивидуумах, значительно больше, чем биометрических. «Самым важным, самым необходимым условием является внимательное отношение к черепу, как биологическому объекту, а не комбинации размеров». Поэтому краниологическое исследование требует большой морфологической подготовки. Опыт показывает, что если типы или варианты не выделяются при простом просмотре серий, то их нельзя убедительно

выделить никакими формулами или коэффициентами (*Дебец* 1948: 28). Открытие популяционного фактора в расоведении и разработка популяционной концепции расы привела к тому, что широко применяемый в палеоантропологии метод индивидуально-типологической расовой диагностики, в том объеме, какой он имел до недавнего времени, перестал быть основным приемом расового анализа. Примерами индивидуально-типологического метода, как основного исследовательского приема, могут служить исследования В.В. Гинзбурга и Т.А. Трофимовой, М.М. Герасимова, Р.Я. Денисовой, А.В. Шевченко, А.А. Хохлова. Малочисленность материала и невозможность корректного применения статистического анализа вынуждали их использовать индивидуально-типологический метод, не говоря уже об эволюционной антропологии, где единичность объектов не исключение, а правило, именно этот метод является основным. Но только масштаб морфологических различий и археологическая и хронологическая обусловленность позволяют экстраполировать единичные наблюдения на более широкий популяционный или групповой уровень. Что касается собственно палеоантропологических исследований человека современного вида, то исследователь, отправляясь от конкретных наблюдений, всегда должен соблюдать одно очень важное правило: не стараться извлечь из изучения единичных объектов информацию популяционного уровня (*Алексеев* 1979: 100).

Я уже упоминала об усилении интереса к так называемой биологической реконструкции. Разрешающие возможности современных методов определения половой принадлежности, биологического возраста, некоторых показателей характера и интенсивности физических нагрузок, определения системных хронических заболеваний и т.д. вызвали у целого ряда современных исследователей представление, которое они пытаются теоретически обосновать, о равнозначной информативной ценности индивида и совокупности для различного рода антропологических реконструкций. Эти принципы были сформулированы в работе «Историческая экология человека» (1995). Особенно ярко проявляется эта тенденция подмены в работах коллег, которые позиционируют себя, как биоархеологи, и рассматривают человеческие останки, как другие биологические объекты, как кости животных, вне их социума и географии.

Безусловно, определение на костях скелета следов перенесенных заболеваний, стрессов и травм служит неоценимым источником для реконструкции образа жизни, обеспеченности пищей, уровня медицинских знаний и т.д. Однако эти показатели приобрели бы больший вес при применении традиционных подходов и методов палеоантропологических исследований, позволяющих найти место изучаемой «палеопопуляции» среди других, выявить ее родство с другими, как более древними, так и последующими и т.д., т.е. при решении проблем биологического и исторического плана, свойственных отечественной палеоантропологии. При казуальном подходе к индивидуальной палеоантропологической реконструкции или, как, подчас, при индивидуально-типологическом методе определения расового типа индивида происходит расширительная интерполяция, или, напротив, забывается, что предметом изучения является статистическая совокупность, не сводимая к сумме составляющих ее единиц. Позволю себе напомнить, что в статистических совокупностях существует внутренняя связь между частью и целым, единичным и общим, которая находит свое выражение в статистических закономерностях, обнаруживаемых в сфере массовых явлений (*Лакин* 1990).

3-ий сюжет

О географической и исторической составляющих палеоантропологического исследования

О географической составляющей. Частично я о ней уже сказала, когда обсуждалась тема таксономической ценности признаков. И здесь надо отметить, что географическая составляющая в наших палеоантропологических работах практически отсутствует. Особенно это обидно, поскольку роль ее, в связи с экологизацией гуманитарных наук, педалируется в ряде работ, классических палеоантропологических, но особенно – наших коллег - биоархеологов. К сожалению, изучение влияния географической среды на формирование антропологического своеобразия человеческих коллективов на палеоантропологическом материале пока не приобрело нужных масштабов исследования. Наиболее перспективным в конкретных палеоантропологических исследованиях при изучении истории популяций и микроэволюционных изменений представляется учет расчлененности ландшафтов и характер гидросети, которые способствуют затрудненности или облегчению контактов между популяциями (Алексеев 1979).

Поскольку мы в основе своей являемся историческими антропологами, в том объеме определения, которое было дано в 1979 г. В.П. Алексеевым (Алексеев 1979), т.е. рассматриваем палеоантропологические данные в качестве исторического источника, для нас очень важен археологический контекст. Проблемы происхождения населения, оставившего те или иные археологические памятники, их связей с синхронными, предшествующими и более поздними археологическими культурами могут быть инициированы археологическими источниками, но их решение исключительно определяется данными палеоантропологии, поскольку только они лишены феномена заимствования.

Но не только археология является исторической составляющей палеоантропологического исследования. Признание расы как исторической категории в отечественной антропологии ведет за собой представление о ведущей роли социально-исторических закономерностей в формировании морфологических особенностей населения. Смещение, изоляция, направленное изменение признаков во времени и пространстве – эти биологические, по своей сути, процессы у человека приобретают иную окраску, чем в популяциях животных, т.к. во многом определяются историческими причинами. Причины эти могут быть весьма различными, такими, как уровень культуры, традиционная стратегия деторождения, зависимость от конфессиональной принадлежности, демографическая структура, военные столкновения, политические предпочтения, круг брачных связей. Обращение к памятникам письменной истории, говорящим о войнах или эпидемиях, о рабстве или социальной эндемии, возможно, помогут найти объяснение таким биологическим явлениям, как эффект «бутылочного горла» или эффект «прародителя» (Витов 1997).

В отечественной специальной литературе широко распространена точка зрения о стабильности антропологических признаков и их относительной независимости от социально-исторической обстановки. В действительности, речь идет о том, что антропологические признаки свободны от такого явления, как заимствование, которое характерно для культуры и языка. Именно поэтому, антропологические признаки являются важнейшим индикатором этнических процессов. Понятно, что нам не дано

узнать, на каком языке говорили люди, бранные останки которых мы изучаем. Т.е. определить их этническую принадлежность Мы можем дать антропологическую характеристику тем древним или современным этносам или тем культурам, откуда происходят погребальные памятники, и на основании морфологического сходства определить положение исследуемой серии среди синхронных выборок или проследить преемственность отдельных групп населения. Увы! Несмотря на неоднократные негодующие выступления Л.Т. Яблонского (*Яблонский* 2000, 2009, 2011) по поводу некорректности определения этнической принадлежности по морфологии черепа (которые каждый грамотный антрополог не может не поддержать), они продолжают встречаться в статьях исследователей, где по идее не должны бы звучать.

Я очень надеюсь, что мое письмо к молодым коллегам - палеоантропологам, где я в очень краткой форме напомнила им об азах нашей науки, и содержащее предостережения о возможных ошибках, будет правильно понято. Оно продиктовано доброжелательным отношением к коллегам и направлено, как говорил Г.Ф. Дебец – «на пользу дела».

Список сокращений:

ВкА – Вестник антропологии;

АЖ – Антропологический журнал;

ТИЭ – Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР;

Литература

- Алексеев* 1969 – *Алексеев В.П.* Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование) / В.П. Алексеев. М.: Наука, 1969. – 323 с.;
- Алексеев* 1974 – *Алексеев В.П.* Происхождение народов Кавказа (краниологическое исследование) / В.П. Алексеев. М.: Наука, 1974. – 318 с.;
- Алексеев* 1978 – *Алексеев В.П.* Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас: Палеолит. М.: Наука, 1978 г. – 284 с.;
- Алексеев* 1979– *Алексеев В.П.* Историческая антропология. М.: Высшая школа, 1979. – 216 с.;
- Витов* 1997 – *Витов М.В.* Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера / М.В. Витов. М.: Ин-т археологии РАН, 1997. – 201 с.;
- Дебец* 1948 – *Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР // ТИЭ, нов.сер. Т. 4. М.: Из-во АН СССР, 1948. – 389 с.;
- Дебец* 1951 – *Дебец Г.Ф.* Антропологические исследования в Камчатской области // ТИЭ, нов.сер. Т. 17. М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 263 с.;
- Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: Старый Сад, 1998. – 260 с.;
- Лакин* 1990 – *Лакин Г.Ф.* Биометрия. Учебное пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1990. – 352 с.;
- Яблонский* 2000 – *Яблонский Л.Т.* Культура этноса, этническая культура и археологическая культура // Российская археология: Достижения XX века и перспективы XXI. Материалы научн. конф. Ижевск, 2000. С. 18–20;
- Яблонский* 2009 – *Яблонский Л.Т.* Некоторые теоретические подходы в современной археологии в контексте разработок Р.Г. Кузеева // Этнос, общество, цивилизация: кузеевские чтения Матер. междунаrodn. научно-практич. конференции, посвященной 80-летию Р.Г. Кузеева. Уфа, 2009. С. 24–26;
- Яблонский* 2011 – *Яблонский Л.Т.* Кризис концепции этногенеза? // ВкА. 2011. Вып. 19. С. 96–103;
- Ярхо* 1934 а – *Ярхо А.И.* Очередные задачи советского расоведения // АЖ, 1934. № 3. С. 3–20;
- Ярхо* 1934б – *Ярхо А.И.* О некоторых вопросах расового анализа // АЖ, 1934. № 3. С. 43–71.

Gerasimova M.M. The recent state of Paleoanthropology – a Letter to young associates.

The author discusses problems connected with the recent paleoanthropological researches, places emphasis on the methodological principles of such studies. In particular, there are put forward some considerations on the “individual-typological” method and the method of individual paleoanthropological reconstruction. The author pays attention to the risks, caused by the pure formal using of the multidimensional statistic methods and lack or insufficient analysis of geographic and historical data at the interpretations of paleoanthropological materials.

Key words: *Paleoanthropology, craniology, individual-typological method, paleoanthropological reconstruction, multidimensional statistic.*

РЕЦЕНЗИИ

УДК 002.53/55

© *С.В. Чешко***РЕЦЕНЗИЯ НА: В.С. ХАН. ДИАСПОРНЫЕ СРЕДЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ г. ТАШКЕНТА. ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2000–2012 ГГ.) / ОТВ. РЕД. Р.М. АБДУЛЛАЕВ. ТАШКЕНТ: ИЗ-ВО «ТАФАККУР», 2013. – 88 С.**

Небольшая по объему работа В.С. Хана заслуживает внимания читателей. К сожалению, обмен литературой между учеными из постсоветских государств остается немалой проблемой, и любая оказия способствует расширению взаимных представлений о научных исследованиях. А сама проблематика, к которой обращается автор, фактом разнородности человечества – расовой, этнической, религиозной, социальной, мировоззренческой – обречена быть вечной.

Книга посвящена межэтническим отношениям в столице Узбекистана, адаптации этнических меньшинств, динамике этнических процессов в республике после распада СССР.

Книга написана на основе собственных исследований автора, предпринятых в 2000-е гг., а также изысканий его коллег по Институту истории АН Республики Узбекистан. Полевые материалы включают результаты этносоциологических опросов по методу анкетирования, а также интервьюирования респондентов.

Актуальность темы автор обосновывает всемирной «диаспоризацией» человечества, проявившейся в последние десятилетия. «В связи с этим, – пишет В.С. Хан – вопрос о моделях сосуществования и взаимодействия этнических групп, культур и конфессий приобретает глобальный характер, а проблема понимания и конструктивного диалога различных народов и культур выдвигается на передний план задач современной эпохи» (с. 5). В случае со Средней Азией (автор, следуя новым веяниям, предпочитает термин «Центральная Азия») к этому еще добавляется то, что после распада СССР в регионе резко изменились политические и социально-экономические условия, и этнические меньшинства оказались перед непростой проблемой дальнейшего жизнеустройства.

Наконец, автор обращает внимание на опасность этнических конфликтов: «Этнические конфликты последней трети XX века и в нынешнее время, в том числе в Центральной Азии, с наглядностью показали всю опасность деструктивных форм этнополитических процессов, а также необходимость их своевременного анализа и принятия превентивных мер. Особенно это актуально для многонациональных государств (таковыми являются и центральноазиатские страны), где межэтнические контакты имеют многоканальный и интенсивный характер, и для которых разнообразие и различные интересы этнических групп – фактор как внутренней, так и внешней политики» (с. 5).

Чешко Сергей Викторович – доктор исторических наук, гл. научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Эл. почта: ieamoscow@mail.ru.

Автор отмечает, что проблема адаптации и интеграции различных этнических групп в новый социально-политический и этнокультурный ландшафт в независимом Узбекистане еще не становилась предметом специального исследования. Поэтому весьма актуально выглядят цели, заявленные в книге: исследовать степень адаптации этнических меньшинств, имея в виду владение узбекским языком, доступ к высшему образованию, удовлетворенность работой, интегрированность в этнокультурное пространство республики; выявить оценку представителями этнических меньшинств своего статуса в современном узбекистанском обществе и этнической политики государства; замерить степень миграционных настроений, определить векторы возможной эмиграции (с. 6).

В качестве объектов исследований были отобраны уйгуры, русские и корейцы. Автор объясняет такой выбор следующими обстоятельствами: «Во-первых, все они относятся к диаспорам, в отличие от таджиков, казахов и др., представляющих коренные народы. Во-вторых, конфессионально эти группы относятся к трем мировым религиям – исламу, христианству и буддизму... В-третьих, они отличаются друг от друга по степени адаптации к Узбекистану, выраженной в длительности проживания в республике, языковой компетентности, культурной близости, социальном статусе и месте в социальной иерархии, миграционной активности и векторах миграции...» (с. 6).

Такая выборка представляется логичной, но ее обоснование, на мой взгляд, нуждается в уточнении. Отождествление этничности и принадлежности к определенной религии в большей степени относится к уйгурам. Далеко не все русские - христиане и не все верующие русские исповедуют православие. Корейцев же вряд ли можно считать классическими носителями буддийской традиции. Как известно, религиозная история Кореи на протяжении многих веков характеризовалась влиянием шаманизма, буддизма, конфуцианства, различных толков христианства и синкретизма. И еще в меньшей степени советские / постсоветские корейцы могут идентифицироваться в качестве буддистов. Сам же В.С. Хан и пишет: «...в связи с потерей связей с исторической родиной их в большей мере, нежели другие этнические группы, затронула проводимая в СССР программа атеизации населения. Сегодня под влиянием южнокорейских миссионеров среди верующих корейцев преобладают протестанты – баптисты, методисты, пресвитериане и др.» (с. 7).

Думаю, более значимым критерием выборки, чем религия, может считаться, помимо времени оседания на территории Узбекистана, принадлежность исследуемых групп к разным культурно-цивилизационным кругам – к исламскому центральноазиатскому кругу, европейскому, или европейско-российскому, кругу и восточноазиатскому кругу. При этом еще надо учитывать, что речь идет о жителях столичного города, то есть о наиболее урбанизированных в культурном отношении частях рассматриваемых этнических групп. То есть среди них наверняка есть носители, условно говоря, российско-советских культурных ценностей и ориентаций.

В книге рассмотрены различные аспекты заявленной проблематики, чему соответствует структура работы. Она включает, кроме Введения и Заключения, девять глав: «Национальная политика: достижения и уровень адаптации этнических групп», «Оценка состояния межэтнических отношений», «Трудовая деятельность: этнокультурное измерение», «Высшее образование», «Языковая компетентность», «Традиции и обычаи», «Этническое окружение. Межнациональные браки», «Национально-культурные центры», «Взгляд в будущее».

Не буду приводить количественные данные исследований, на которые опирается автор: отдельные показатели могут неадекватно отразить действительность, а воспроизведение всего комплекса маркеров невозможно в силу ограниченности жанра рецензии. Приведу основные, на мой взгляд, выводы В.С. Хана.

Автор отмечает, что этнические группы, охваченные исследованиями, достаточно хорошо, хотя и в разной степени, адаптированы к жизни в Узбекистане, что обусловлено опытом совместной жизни в советский период, а также продуманностью этнической политики нынешнего руководства республики. При этом В.С. Хан обращает внимание на то, что сегодня «...этнокультурная идентичность изучаемых диаспор отлична как от традиционной культуры, так и от современной культуры на исторических родинах... Культурный генетический фонд нынешних этнических групп Ташкента представляет собой своеобразный синтез традиционной, русской, советской, узбекской/центральноазиатской и европейской культур... Межкультурный синтез, трансформация традиционных культур, толерантное отношение к иноэтническим культурам являются одной из основных тенденций этнокультурных процессов в диаспорной среде в современном Узбекистане...» (с. 80).

Исследования показали, что наиболее успешно приспособлены уйгуры, которые в языковом и конфессиональном отношении близки к узбекам (с. 23, 81). Опросы, в частности, показали, что среди уйгур значительно выше оптимистические ожидания, чем среди корейцев, а среди корейцев значительно выше, чем среди русских. При этом любопытно, за счет чего респонденты собираются жить дальше. Во всех трех группах большинство опрошенных надеются, прежде всего, «на себя» и «родственников и друзей» (в разных соотношениях), а надежды на «свою историческую родину» оказываются в конце перечня приоритетов.

Некоторые выводы автора выглядят довольно неожиданными, во всяком случае, мне не приходилось встречать подобных оценок. Так, на основании полученных в ходе исследований данных В.С. Хан отмечает, что уйгуры демонстрируют и высокую степень готовности к ассимиляции в узбекской среде. Об этом свидетельствуют сведения о желании обучаться в узбекских школах, принять узбекский язык как родной, рост браков с узбеками. Впрочем, автор допускает и возможную трансформацию узбекистанских уйгур «в иной субэтнический или этнографический классификационный тип» (с. 82).

Еще более интригующими выглядят ассимиляционные настроения среди корейцев и русских. Желание полностью интегрироваться в узбекскую этнокультурную среду в этих группах значительно ниже, чем у уйгур, однако «цифры 14% и 24% среди корейцев и русских, готовых к полной ассимиляции, говорят о том, что размытие границ этнической идентичности происходит и в этих группах» (с. 26).

Автор подчеркивает, что столь высокие показатели были невозможны ни в советский период, ни в первые годы независимости Узбекистана, когда происходила массовая эмиграция русскоязычного населения. Вместе с тем, исследования показали, что хотя пик эмиграции, пришедшийся на 1990-е годы, прошел, миграционные настроения, особенно среди русскоязычной молодежи, сохраняются. Среди предпочтительных стран стран-реципиентов преобладают Россия и «развитые страны».

Работа В.С. Хана полезна для понимания современной узбекистанской действительности, особенно в условиях ограниченности информации и существующих представлений о сложном положении русских и других неузбекских этнических

групп в республике. Не стану утверждать, что такие представления лишены оснований, но и не считаю оправданным излишне драматизировать ситуацию. В любом этнически и религиозно неоднородном обществе есть потенциал неудобства и даже конфликтности, особенно если это общество находится в переходном состоянии, а это состояние характерно почти для всех постсоветских государств.

Собственно, автор пишет о том же: «Суммарный анализ данных исследования подводит нас к выводу, что сегодня необходима выработка новой национальной политики, которая позволила бы снять ощущение дискомфорта по этническому признаку, миграционный настрой, и достичь более высокого уровня интегрированности всех этнических групп и гармонизации межэтнических отношений. Сужение полиэтнической палитры Узбекистана (в результате миграционных процессов) и разница в реальных возможностях титульного этноса и других этнических групп для самореализации могут интенсифицировать миграционные процессы, повлиять на имидж Узбекистана, а также на эффективность использования интеллектуальных и трудовых ресурсов страны. В итоге может возникнуть вопрос о том, останется ли Узбекистан многонациональным государством или в перспективе обратится в гомогенное?» (с. 84–85).

В заключение позволю себе высказаться по поводу некоторых положений работы В.С. Хана научного и мировоззренческого характера, которые вызывают у меня возражения или сомнения в их «очевидности».

Прежде всего, вызывает вопрос о правомерности употребления термин «диаспоры». Этот термин настолько прочно и на удивление быстро вошел в наш научный и общественно-политический лексикон как некая универсалия современности, что о правомерности его употребления обычно даже не задумываются. А между тем, этот вопрос является постоянным предметом оживленных дискуссий в академической среде.

С тех пор, как еврейская диаспора появилась на свет, прошло около двух тысяч лет. Сегодня мир – во всяком случае, в той его части, которая называется «развитые страны», – стал настолько *полиэтнокультуральным*, а мигрантские общины настолько укоренились и достигли такой численности и политической активности, что в данных условиях понятие «диаспоры» (как нечто случайное, инородное, второстепенное) выглядит анахронизмом. Доходит до курьезов, когда общины народов России и бывшего СССР, десятилетиями, а то и столетиями живущие за пределами своей «исторической родины», но в пределах России же, бездумно именуется диаспорами.

Можно ли считать диаспорой в Средней Азии и Казахстане русских, украинцев, немцев и представителей других «некоренных народов», если на базе их организационных, интеллектуальных и трудовых усилий в советское время был построен экономический потенциал этого региона, используемый и развиваемый доньяне?

К той же категории сомнительных понятий я отношу терминологию в духе «коренные». Разве корейцы в Узбекистане не стали коренными, если уже несколько поколений депортированных с Дальнего Востока корейцев родились в этой республике? И вовсе удивительно, что В.С. Хан считает уйгур диаспорной и, кажется, «некоренной группой». Формирование узбекского и уйгурского этноса происходило примерно в одно и то же время, в начале первой половины I тыс. н. э., и на территории одного и того же огромного среднеазиатского региона. Тогда еще не было границ между советскими союзными республиками, в пределах которых оказались части уйгурского этноса.

Можно с осторожностью отнестись и к тезису автора о том, что в советское время русские в Узбекистане чувствовали себя вполне комфортно в силу их статуса «старшего брата» (с. 7). Учитывая свой экспедиционный опыт работы в среднеазиатско-казахстанском регионе, позволю себе утверждать, что этот тезис В.С. Хана, как минимум, небесспорен.

Что касается нынешнего положения и нынешних настроений среди русских/русскоязычных и корейцев, то довольно сенсационные данные о довольно высокой доле готовых ассимилироваться в узбекской среде, нуждаются, как мне представляется в проверке дополнительными и более масштабными исследованиями. Так, в работе приводятся недостаточные сведения о характере выборки, а ведь логично предположить, что ассимиляционные настроения распространены, прежде всего, среди тех, кто состоит в браке с узбеками, и, скорее всего, среди женщин, поскольку обычно мусульманок не выдают замуж за представителей иных конфессий. Кроме того, при изучении весьма деликатных вопросов, связанных с адаптацией, межэтническими отношениями, аккультурацией, ассимиляцией, эмиграцией, продуктивней использовать метод классического этнографического интервью, а не анкетирование.

Мои соображения по поводу некоторых положений книги В.С. Хана не должна восприниматься читателями как ее неприятие. Напротив, это означает, что его публикация интересна, побуждает к раздумьям и спорам. Не это ли показатель состоятельности, полезности научного исследования?

CONTENTS

Editors-in-Chief Column	4
Discussion: Theoretical Problems of Ethnology	
<i>Zasetateleva L.B.</i> Once again about «Ethnos»	5
<i>Karlov V.V.</i> Ethnoses and ethno-cultural Processes in the Epoch of Globalization	6
<i>Bondarenko D.M.</i> Ethnic cultures, national cultures and transnational culture in the time of intensive Globalization	15
<i>Cheshko S.V.</i> To recall about «Ethnos»?	20
<i>Guzenkova T.S.</i> Globalization as a Factor of Ethnos Disintegration	26
<i>Karlov V.V.</i> Some remarks about the position of ethnoses and ethnic substance and their studies under the conditions of globalization	29
Caucasus Studies	
<i>Brusina O.I.</i> The Destiny of the «Turkmenian kniaz» as the reflection of the patterns of modernization among the Stavropol Turkmens at the beginning of the XX century	34
<i>Solovyeva L.T.</i> The traditions of naming among the Turkmen of the Stavropol region	49
American Studies	
<i>Vasiliev S.V., Veselovscaya E.V., Pestryakov A.P.</i> The last Inka (historical-anthropological description)	58
<i>Matusovskiy A.A.</i> The dwellings of Hoti Indians	75
Anthropological Mosaic	
<i>Borutskaya S.B., Vasiliev S.V.</i> Osteometric characteristic of the rural population of the Polotsk region	93
<i>Yampolskaya Yu.A., Zubarev V.V., Khomyakova I.A., Permyakova E.Yu.</i> Specific features of the physical development of schoolboys in the context of demographic situation in Russia at the turn of XX–XXI centuries	103
Field Researches	
<i>Gerasimova M.M., Pezhemsky D.V.</i> Craniological materials from the burials of North Caucasus culture (excavations SUE «Heritage» , Stavropol , 1998 year)	112

Listova T.A. Voronezh Ukrainians – Russian Khokhols 116

Sytansky G.Yu. Central-Asian migrants in Siberia: a new wave 140

For students and the graduate students

Gerasimova M.M. To young associates about the contemporary state of paleo-anthropology 149

Reviews

Cheshko S.V. Review to: *B.C. Хан. Диаспорные среды (по материалам г. Ташкента. Этносоциологические исследования 2000–2012 гг.) / отв. ред. Р.М. Абдуллаев. Ташкент: Из-во «Tafakkur», 2013. – 88 с. (V.S. Khan. Diaspora media (based on materials of Tashkent. Ethnosociological studies 2000–2012) / ed. by R.M. Abdullaev. Tashkent: Taffacur, 2013. – 88 Pp.)* 158

АВТОРАМ

Авторы представляют два распечатанных экземпляра работы и файл, набранный в редакторе MS Word в формате DOC, шрифтом Times New Roman (кегель – 12) через два интервала, с нумерацией страниц.

На титульной странице помещаются *Ф.И.О.* автора, название статьи, сведения об авторе (место работы, должность, ученая степень, домашний адрес, контактные телефоны, адрес эл. почты), подпись автора. Прилагаются краткое резюме (до 300 слов) и ключевые слова (5–7) на русском и английском языках. Название статьи указывается также на первой странице текста – фамилия автора здесь не указывается, чтобы обеспечить чистоту рецензирования.

Примечания помещаются в конце основного текста статьи, перед списком использованной литературы. Примечания должны иметь сквозную нумерацию арабскими цифрами по всей работе. В выходных данных книг следует указывать город, год и издательство.

Ссылки на литературу следует давать не с помощью номерных сносок, а посредством указания фамилии автора, года работы и страницы в скобках (например: *Иванов* 2014: 45). Если дается ссылка на сборник статей, вместо фамилии автора можно указывать либо фамилию ответственного редактора (или составителя сборника), либо одно или два слова из названия сборника. Если дается ссылка на материал, автор которого неизвестен (газетная заметка и т.д.), указывается также одно или два слова из начала заголовка материала (Наши будни 1999). Названия, удобные для сокращения, могут сокращаться: например, «Акты археографической комиссии» – в «ААК» (ААК 1962: 40–44); в этих случаях прилагается список сокращений. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и писать: «и др.» (*Смирнов и др.* 1985); в случае зарубежных изданий – «et al.» (*Smith et al.* 1970). При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя буквы *a, б, в* (в случае зарубежных изданий – латинские буквы *a, b, c*) к году издания (*Чернов* 1987а: 22; *Brown* 1964b: 35).

При ссылках на личные полевые материалы автора в списке литературы отдельно указывается не каждый информант, но конкретная экспедиция либо работа в конкретном районе, при этом в скобках указываются все информанты, рабочие тетради автора, картотеки либо другие единицы, на которые даются ссылки в статье. Например: ПМА 1 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Н-ский р-н Н-ский обл. Август 2002 г. (информанты – А.Б. Иванова, 1928 г.р.; К.А. Петрова, 1932 г.р.; и т.д.). В тексте статьи ссылки даются следующим образом (ПМА 1: Иванова).

Правильно:

Санин 2004 – *Санин Г.* Ингушский трамплин // *Итоги.* 2004. № 32 (www.itogi.ru)
Дятлова – Дятлова В.А. Немецкие поселения Енисейской губернии // *История и культура немцев Сибири* (http://museum.omsktelecom.ru/deutsche_in_sib)

Неправильно:

Ингушский трамплин – http://www.itogi.ru/Paper2003.nsf/Article/Itogi_2003_8_Дятлова – http://museum.omsktelecom.ru/deutsche_in_sib/BOOK/germ_posel.htm

Рекомендуемый объем статей – до 60 тыс. знаков с пробелами, рецензий – до 15 тыс. знаков с пробелами, обзоров литературы – до 30 тыс. знаков с пробелами, сообщений о научной жизни (конгрессы, конференции и т.п.) – до 10 тыс. знаков с пробелами.

Иллюстрации должны быть хорошего качества и должны представляться в виде черно-белых или цветных фотографий графических файлов в формате TIFF или JPEG. Иллюстративный материал должен быть защищен авторскими правами; на авторе лежит обязанность получить письменное разрешение на его публикацию у держателей копирайта или владельцев фотографий.

При оформлении материалов по физической антропологии следует соблюдать следующие дополнительные условия.

В начале статьи необходимо указать *код универсальной десятичной классификации (УДК)*. Рекомендуемая структура текста: **Введение, Постановка проблемы, Материалы и методы, результаты и их обсуждение, Заключение, Литература.**

Научное издание

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

2014. № 2 (28)

Заработал сайт нашего журнала: *antromercury.ru*.

На сайте в открытом доступе размещается полная версия номеров.

Будем признательны за предложения по совершенствованию сайта.

Выпускающий редактор – Н.А. Белова

Компьютерная верстка – Н.А. Белова

Художественное оформление обложки – Е.В. Орлова

Подписано к печати 27.11.2014.
Формат 70 x 108/16. Усл. печ. 13
Тираж 500 экз. Заказ № 42
Участок множительной техники
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Начальник участка – *В.М. Маршанов*
119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А